

АКАДЕМИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 3

Санкт-Петербург, 2017

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 3

Санкт-Петербург
2017

УДК 34(05)
ББК 67я5
А57

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. В. ЕЛАГИНА, кандидат юридических наук, доцент
(главный редактор)

Е. А. КУЗЬМИНА
(заместитель главного редактора)

З. Э. ЭРГАШЕВА
(ответственный редактор)

Д. С. СОЛОДЯНКИНА, А. В. ГУСЕВА, Д. А. ЖУЙКОВА

Под общей редакцией

заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
старшего советника юстиции, кандидата юридических наук, доцента

А. А. САПОЖКОВА

Статьи печатаются в редакции авторов

E-mail: almanakh2016@mail.ru

Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. —
А57 Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (фили-
ал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. —
Вып. 3. — 164 с.

Компьютерная верстка Е. А. Меклиш

Подписано в печать 20.11.2017. Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 20,5.
Тираж 100 экз. Заказ 2307.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю.....	6
I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	7
Котюсова Е. Н. Проблема источников права в контексте соотношения права и закона.....	—
II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА.....	12
Владимиров А. В. Проблемы банковского страхования: правоприменительный аспект.....	—
Кочкина Е. Д. Некоторые особенности регулирования соглашений о государственном — частном партнерстве в контексте Федерального закона № 224-ФЗ.....	15
Красноперова Д. А. Замена ненадлежащего ответчика: проблемы теории и практики.....	18
Масленников Э. А. Проблема судьбы прав с преобразовательным характером действия при уступке требования.....	21
III. ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН.....	25
Вербицкая В. Г. О некоторых проблемах защиты прав несовершеннолетних при приватизации жилого помещения их законными представителями.....	—
Джиджавадзе Л. Г. Условия и порядок заключения и прекращения брака в России: дореволюционный опыт и современность.....	30
Милых Э. В. Институт приемной семьи для пожилых граждан.....	35
Межаков И. С., Смакаева Р. А. Защита персональных данных: вопросы теории и практики.....	38
Стрелкова Л. Г. Особенности привлечения к труду несовершеннолетних.....	42
IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ.....	47
Алмакаев Р. Н. Экстремизм в Интернете: эволюция права.....	—
Киреенков Е. В. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве Российской Федерации	51
Коньшин Е. И. К вопросу о стадиях убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.....	54
Павлова Л. О. К вопросу о необходимости «реанимации» категории неосторожных тяжких преступлений.....	57

Путилина П. В. Мошенничество в сфере оборота биоактивных добавок: вопросы квалификации.....	59
Родимкина Е. В., Петров И. С. Обновление уголовного законодательства. Уголовно-правовой анализ ст. 116 и ст. 116.1 УК РФ, разграничение со смежными составами.....	63
Савельев И. В. К вопросу о содержании умысла в российском уголовном праве.....	67
Соляник А. В. К вопросу о признаках профессионального риска.....	71
Шилкина А. А. Категория «заведомость» в преступлениях, предусмотренных главой 18 УК РФ.....	75
V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ.....	79
Бобылев С. Р. Основания задержания в уголовном процессе: проблемы теории и практики.....	—
Ведяйкин А. Ю. Некоторые особенности доказывания в суде с участием присяжных заседателей.....	82
Дедушкин А. А. О некоторых вопросах допустимости доказательств, сформированных на основании результатов оперативно-розыскной деятельности.....	86
Калинина А. А. Развитие дознания в российском уголовном процессе.....	88
Конюхова Е. Ю. Использование метода когнитивного интервью в тактике допроса.....	91
Кузьмина Е. А. Актуальные вопросы рассмотрения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования.....	94
Кучин Д. А. О некоторых вопросах участия следователя и прокурора в розыске подозреваемого, обвиняемого.....	97
Михеева С. С. О некоторых особенностях первоначального этапа расследования неисполнения обязанностей налогового агента.....	99
Резяпкина Н. Ф. Участие государственного обвинителя в предварительном слушании по делам о незаконном предпринимательстве.....	102
Серова В. Е. К вопросу о понятии истины при осуществлении уголовного преследования.....	105
Широков Д. М. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора по противодействию преступлениям в сфере лесопользования: к постановке проблемы.....	110

VI. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО	114
Авдеева Е. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь как приоритетное направление прокурорской деятельности.....	—
Безрукавая Н. И. Об обязанности прокурора участвовать в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях.....	118
Возняк А. М. Актуальные проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела.....	122
Пасецкая М. Н. Актуальные вопросы проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.....	124
Стрекаловский Д. А. К вопросу о роли прокуратуры в обеспечении законности при проведении капитального ремонта многоквартирных домов	128
VII. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:	
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	133
Бобков А. В., Ключева К. И. Обеспечение и защита прав человека и гражданина в сети Интернет.....	—
Вербницкая Т. В. Дифференцированная интеграция государств европейского союза в сфере правового регулирования безопасности.....	137
Мухина А. Л. Принцип самостоятельности пожилых людей в контексте концепции «активного старения».....	140
Пирязева Н. Е. Правовое основание территориальных притязаний иностранных государств в Арктике.....	143
VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА.....	147
Попов А. И. Особенности бюджетного устройства Российской Федерации	—
IX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	152
Карпова А. И. Сравнительно-правовой анализ основных признаков административного судопроизводства в западноевропейских странах.....	—
Стрюкова Е. Н. Некоторые вопросы привлечения к административной ответственности за незаконную охоту.....	155
X. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА.....	159
Цыганов Д. В. Понятие и теоретико-правовое содержание экологической безопасности.....	—

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Представляем вашему вниманию третий выпуск периодического издания «Альманах молодого исследователя», в материалах которого рассмотрены актуальные вопросы отдельных отраслей права.

Анализ направленных в адрес редакционной коллегии работ позволяет прийти к выводу, что наибольший интерес для авторов неизменно представляют вопросы уголовного права, прокурорской деятельности, социальной защиты и трудовых прав граждан.

Результатом взаимодействия редакционной коллегии Альманаха и студенческого научного сообщества Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации стало включение в данный выпуск материалов заочной научно-практической интернет-конференции «Актуальные вопросы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы».

С радостью отмечаем, что в рамках последнего выпуска продолжилось сотрудничество с авторами вузов Екатеринбурга, Иркутска, Москвы, Омска, Перми, Сочи, Тулы. Поздравляем с первой публикацией в нашем периодическом издании присоединившихся к коллективу авторов молодых исследователей из Самары и Ярославля.

При формировании третьего выпуска редакционная коллегия по-прежнему неукоснительно придерживалась установленных требований, которым, к сожалению, соответствовали далеко не все полученные работы.

Постоянным и будущим авторам, а также научным руководителям и рецензентам необходимо обратить внимание прежде всего на степень научной новизны направляемых работ. Для этого советуем использовать программу по проверке уникальности текста Etxt (<https://www.etxt.ru/antiplagiat/>).

Решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании тщательного «пристрастного» изучения и беспристрастной оценки каждой поступившей научной работы. Приоритет отдается статьям, которые не только позволяют выявить «болевые точки» теории и практики правоприменительной деятельности, но и содержат предложения по разрешению существующих проблем.

Обращаем внимание авторов на то, что соблюдение грамматических и стилистических правил является одним из немаловажных показателей высокого уровня научных статей, поэтому работы, не удовлетворяющие данному критерию, не публикуются.

Редакционная коллегия желает всем авторам повышать степень значимости научных исследований и надеется на дальнейшее сотрудничество при подготовке последующих выпусков Альманаха.

Редакционная коллегия

I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Е. Н. КОТЮСОВА

студентка 2 курса
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ЗАКОНА

Данная статья затрагивает проблему определения широты круга источников права, которые действительно используются для регулирования общественных отношений. В ходе исследования рассматриваются различные виды источников права, производится их сопоставление с понятиями естественного права и позитивного права, анализируется их роль в правоприменении в России. В результате исследования делается попытка связать полученные выводы с практикой: даётся представление о том, каким образом можно отразить в российском законодательстве всё многообразие фактических источников права РФ.

Ключевые слова: право, закон, естественное право, позитивное право, источники права.

Вопрос соотношения и сопоставления права и закона в научной литературе всегда является актуальным, потому что важнейшей задачей государства является наиболее полное воплощение правовых принципов в создаваемом им законодательстве. В настоящее время большинство стран ориентируется на закрепление в национальном законодательстве норм естественного права, несмотря на то, что идея юридического позитивизма фактически является базой государственного правотворчества. Связанный с данным противоречием вопрос об источниках права как формах выражения правового содержания является наиболее интересным, он активно обсуждается в научных сообществах. Особенно ярко выражена полемика в российской науке, так как в нашей стране в настоящее время большее внимание уделяется официально не признанным, но играющим немаловажную регуляторную роль источникам права, таким как судебный прецедент, правовая доктрина, правовой обычай.

Основываясь на высказанных положениях, можно сформулировать проблему настоящего исследования, которая заключается в определении широты круга источников права, играющих реальную регулятивную роль в обществе.

Особенный интерес вызывает проблема источников права в соотношении права и закона в российском законодательстве, поскольку Российская Федерация провозглашена правовым государством, в связи с чем необходимо установить, какое именно понимание права вкладывается законодателями в это понятие, как оно отражается в издаваемых законах и есть ли необходимость расширения перечня источников права в России за счет придания официального статуса нормам и принципам, оказывающим сегодня влияние на юридическую практику, но не признанных государством?

Существует множество различных точек зрения, авторы которых в разной мере определяют характер соотношения права и закона. Однако стоит остановиться на основных определениях. Так, в Большом юридическом словаре под правом понимается, во-первых, система общеобязательных социальных норм, установленных государством и обеспечиваемых силой его принуждения (позитивное право) либо вытекающих из самой природы, человеческого разума; во-вторых, императив, стоящий над государством и законом (естественное право)¹. Понятие закона составители трактуют в широком смысле – нормативные правовые акты в целом; все установленные государством общеобязательные правила².

Таким образом, уже в самих определениях права и закона можно наблюдать сопоставление и противопоставление значений.

В юридической науке сформулированы множество точек зрения, каждая из которых по-своему рассматривает соотношение права и закона, поэтому государству важно учитывать различные формы выражения права в законотворчестве. Так, в правопонимании главенствуют две основные концепции: согласно позитивистской теории право – это совокупность норм, исходящих от государства в независимости от того, каким является их содержание; естественно-правовая школа под правом понимает систему естественных неотъемлемых прав человека, которые существуют независимо от воли общества и государства и определяют сущность и смысл права. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данные концепции во многом противопоставляются друг другу, но несмотря на это, можно выработать оптимальный вариант сочетания достоинств этих теорий – признание того, что в рамках конкретного государства единственной формой реального существования права является только действующее законодательство, в основе которого, однако, должна лежать система общепризнанных ценностей и принципов, традиционно объединяемых под названием «естественное право».

Рассмотрев вопрос о правопонимании, необходимо определить содержание понятия источников права. В науке не существует единого мнения о том, какой смысл вкладывать в это понятие, однако большинство исследователей склоняется к пониманию источников права в формальном смысле как форм закрепления (внешнего выражения) правовых норм³. В высказанном положении отражается позитивистский подход, сторонницей которого является и Т. Н. Данцева. Её определение звучит так: «Они (источники права – авт.) представляют собой официально принятые в данном независимом политическом обществе особые формы выражения и закреп-

¹ Большой юридический словарь / Авт. сост. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. под ред. А. Я. Сухарева и др. М.: Инфра-М, 1998. С. 409.

² Там же. С.176.

³ Большой юридический словарь / Авт.сост. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. ; под ред. А. Я. Сухарева и др. М.: Инфр.М, 1998. С. 215.

пления действующих правовых норм как приказов суверена, придающие этим правилам свойства общеобязательности и гарантированности»¹. Однако можно рассмотреть и материальный подход к определению источников права. Согласно ему источниками права являются социальные силы и процессы, формирующие право, потребности общества, реализация которых урегулирована правом. И. В. Упоров предлагает включать в эту категорию также жизнедеятельность человека как разумного существа (биологический источник)², которая связана с физиологическим существованием человека. Этот фактор обусловил появление естественно-правовых норм, отражающих социальное равенство людей, свободу выбора деятельности, учёт интересов личности. Поэтому важно выделить данный подход для того, чтобы понять, что именно является предпосылками появления права, на что оно должно ориентироваться правотворчество.

Обобщив два подхода к пониманию источников права, можно сказать, что официально признанные источники не исчерпывают собой все формы, в которых юридические нормы и принципы могут фактически существовать, поэтому стоит уделить особое внимание закреплению естественно-правовых ценностей, обусловленные самой природой человека. Как правило, они находят своё отражение в принципах права, юридических доктринах, религиозных нормах.

В свою очередь, законодательно закреплёнными, формально определенными источниками права являются общепризнанные принципы и нормы международного права, нормативно-правовые акты, судебные прецеденты, нормативные, правовые обычаи. Если обобщить, то все представленные виды источников можно назвать одним словом – источники позитивного права. Они устанавливаются государством или признаются им «молчаливым согласием»³, поэтому в них, главным образом, выражается государственная воля. В результате данные источники иногда вступают в противоречие с естественно-правовыми нормами, и не всегда законодательство закрепляет всё многообразие источников, в которых право находит своё выражение. Поэтому оптимальной представляется ситуация, когда реальные источники права (правовые обычаи, юридическая практика, доктрина) будут максимально включены в государственную правовую систему.

Рассматривая систему источников российского права, нужно определить содержание самого понятия «источники российского права». В отечественной науке и юридической практике принято в качестве источников права рассматривать только то, что издано или санкционировано государством. Несмотря на это, в России достаточно заметно влияние естественно-правовых норм и ценностей, которые, как правило, выражаются в принципах права, доктринах. Интересная характеристика источникам российского права даётся в теории Д. В. Жуковой-Василевской. Она предложила охарактеризовать их по двум критериям: реальное использование при решении правовых споров (основной критерий) и официальное признание государством⁴.

К официально признанным реально действующим источникам современного российского права автор относит нормативные правовые акты, нормативные договоры и правовые обычаи. При этом особо подчеркивается, что и правовые

¹ Данцева Т. Н. Формальные источники права: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Красноярск, 2007. С. 11.

² Упоров И. В. Виды, содержание и иерархия источников права в контексте естественного и позитивного права // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 41.

³ Данцева Т. Н. Формальные источники права: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Красноярск, 2007. С. 13.

⁴ Жукова-Василевская Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2009.

обычаи, и нормативные правовые договоры фактически, во-первых, гораздо многообразнее, чем это признается государством, а во-вторых, имеют более широкую сферу действия, чем официально для них устанавливается. Думается, что в эту категорию стоит включить принципы права, поскольку они применяются в российском праве при разрешении юридических коллизий, а также официально закреплены в ст. 6 Гражданского кодекса РФ, ст. 7 Жилищного кодекса РФ, ст. 5 Семейного кодекса РФ и др.

Прецеденты толкования и прецеденты конкретизации права (к ним можно отнести и судебный прецедент – авт.), по мнению Д. В. Жуковой-Василевской, являются реально действующими, но не признанными государством источниками современного российского права. Хотя «они играют весьма существенную роль в регулировании общественных отношений, их значимость сопоставима со значимостью подзаконных нормативных правовых актов»¹, поэтому стоит обратить внимание на возможность официального признания государством данного источника права.

Изучив источники российского права, можно установить, что отечественная система права построена на принципе позитивизма, что даёт основание говорить о структурированной, формально определённой правовой системе Российской Федерации. Эти качества позволяют выстроить иерархию источников права России, начиная с международных договоров и заканчивая правовыми обычаями. Однако даже такое разнообразие источников права не может выразить весь спектр источников, в которых право находит своё выражение. Нельзя не заметить, что в российской правовой системе чувствуется определенная нехватка официального признания тех источников, которые сегодня фактически влияют на юридическую практику. Такое положение вещей можно изменить с помощью интеграции норм и принципов естественного права в российское право. Безусловно, их включение должно быть обдуманным и тщательно выверенным, чтобы не допустить навязывания отечественной правовой системе норм и принципов, расходящихся со сложившейся юридической и общекультурной традицией.

В исследовании Д. В. Жуковой-Василевской не рассмотрены некоторые виды источников права, такие, как религиозные тексты, юридическая доктрина. Конечно, включить религиозные источники в законодательство не представляется возможным, т. к. Российская Федерация – светское государство². Относительно юридической доктрины можно отметить, что она используется в российских современных законотворческом и законоприменительном процессах в очень ограниченном объёме. Вследствие этого приходится констатировать не самое лучшее качество издаваемых законов, из-за чего уже после принятия они неоднократно исправляются или отменяются. Это говорит о том, что нужно более ответственно относиться к доктрине как фактору, влияющему на успешную реализацию правотворческих идей и помогающему найти нужный вектор развития российского законотворчества, по возможности привлекать для развития действующего права.

Вопрос о признании судебного прецедента в качестве источника российского права уже несколько лет не теряет своей актуальности. Действительно, судебный прецедент фактически является источником права, так как большую роль в принятии судом решения по делу играют постановления Конституционного и Верховного Судов. Также признание прецедента официальным источником позволило бы

¹ Жукова-Василевская Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2009. С. 24.

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). Москва: Проспект, 2016. С. 5.

сделать процесс правообразования более гибким и позволило бы постепенно гармонизировать естественное право и действующее законодательство (позитивное право). Поэтому можно сделать вывод о том, что действительно существует необходимость официального закрепления судебного прецедента в качестве источника права РФ, но только в отношении постановлений высших судов.

Подводя итог исследовательской работе, можно сделать следующий вывод: право само по себе не является лишь совокупностью нормативно-правовых актов, оно шире и гораздо разнообразнее, поэтому государство должно приветствовать решение правотворческих проблем в направлении поиска новых форм его выражения. Законодатель в своей деятельности должен учитывать множество разнообразных материальных и духовных факторов, которые влияют на образование права, одновременно стремясь к наиболее полному воплощению принципов права в принимаемых законах. В этом отношении очень большую роль играет влияние юридической доктрины на процесс разработки направлений развития действующего законодательства. Кроме того, перспективным было бы включение в число источников права в России прецедента, т. к. это бы позволило привнести динамизм в развитие действующего права.

Источники позитивного права не могут отразить все реально действующие факторы формирования права, поэтому стоит определить новый вектор развития правовой базы: включение в её состав норм естественного права. Формой выражения этой идеи является правовой закон, в связи с чем на Российскую Федерацию ложится обязанность обеспечить издание качественных правовых законов и обеспечить их реализацию в российской действительности.

II

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

А. В. ВЛАДИМИРОВ

магистрант 1 курса

Национального исследовательского

университета

«Высшая школа экономики»

ПРОБЛЕМЫ БАНКОВСКОГО СТРАХОВАНИЯ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В рамках данного исследования произведен анализ актуальной судебной практики по вопросу эффективности некоторых способов защиты права в сфере банковского страхования.

Ключевые слова: банковское страхование, комиссия, способ защиты

На настоящий момент довольно распространена ситуация, когда заемщик, являющийся физическим лицом, заключая с банком кредитный договор, «добровольно» подписывает типовое заявление на подключение к программе страхования, по которому банк является выгодоприобретателем. При этом цена услуги по подключению к программе не структурируется, то есть не разделяется на комиссию, которую банк удерживает за взаимодействие со страховщиком (за сбор, обработку и передачу информации и т.д.) и на компенсацию банку расходов на оплату страховых премий страховщику. Данная ситуация является неоднозначной с точки зрения правоприменительной практики и малоизученной в теории права, что придает особую значимость исследованиям заявленной проблематики.

На данный момент суды исходят из того, что непредставление потребителю информации о структурированной цене услуги по подключению к программе страхо-

вания является нарушением ст. 10, 12 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹ (далее – Закон № 2300-1).

Нужно помнить, что согласно позиции Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), для восстановления нарушенных прав в вышеизложенной ситуации необходимо использовать надлежащий способ защиты, а именно: возмещение убытков вследствие признания условий того или иного договора недействительными, по смыслу Закона № 2300-1, или отказ от исполнения договора, возврат уплаченной суммы и возмещение убытков в случае непредставления потребителю достоверной информации об услуге. Проблемой в данном случае будет то обстоятельство, что отказ от договора в силу ст. 12 Закона № 2300-1 возможен только в разумный срок, то есть вскоре после заключения договора: сроки в размере 6 месяцев², 3 лет³ признаются неразумными. Таким образом, часто данный способ защиты права является неэффективным.

Анализируя другой способ защиты права, а именно признание условий договора недействительными и возмещение убытков, ответим на следующий вопрос. Не является ли непредставление потребителю достоверной информации о составляющих цены услуги по подключению к программе страхования, в свою очередь, нарушением ст. 16 Закона № 2300-1 (как нарушение ст. 421 ГК РФ), влекущим недействительность условия о цене услуги в части обязанности заемщика по уплате комиссии за подключение клиента к программе страхования? По нашему мнению, является, так как отсутствие у истца информации, обладающей необходимой полнотой и достоверностью, позволяющей составить точное представление об оказываемой услуге и ее стоимости, вводит заемщика в заблуждение, лишает его возможности правильного, компетентного и свободного выбора услуги, страховщика; потребитель должен располагать информацией о соотношении платы за страхование и размере комиссионного вознаграждения, так как указанные данные напрямую влияют на свободу волеизъявления потребителя при выборе возможности заключения кредитного договора без услуги присоединения к программе страхования или с таковой⁴. Более того, необходимо заметить, что комиссия банка часто составляет 75 % от платы за подключение к программе добровольного страхования⁵. Поэтому следует предположить, что в случае, если бы потребитель располагал подобной информацией, он предпочел бы застраховать свою жизнь, здоровье у другого страховщика, то есть без посредничества банка, или, вообще, отказаться от услуги страхования.

¹ О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. ст. 140.

² Определение Свердловского областного суда от 11.12.2012 по делу №33-14300/2012// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017).

³ Апелляционное определение Омского областного суда от 06.04.2016 по делу № 33-2784/2016// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017).

⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16.07.2015 по делу № 33-10695/2015// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017). Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 15.12.2014 по делу № 33-11760/2014// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017). Апелляционное определение Омского областного суда от 30.12.2015 по делу № 33-9958/2015// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017). Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 10.02.2016 по делу № 33-1630/2016// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017).

⁵ Апелляционное определение Тульского областного суда от 01.08.2013 по делу № 33-1877// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017). Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 15.12.2014 по делу № 33-11760/2014// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017). Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 17.12.2014 по делу № 33-12009/2014, А-33// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017).

Таким образом, недоведение банком до заемщика информации о структурированной цене услуги по подключению к программе страхования является нарушением принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ), так как лишает потребителя возможности сделать добровольное и осознанное волеизъявление, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, должным образом отражающее внутреннюю волю субъекта¹. Следовательно, исходя из ст.16 Закона РФ № 2300-1, заявление на подключение к программе страхования является недействительным в части возложения обязанности на заемщика уплатить комиссию банку.

Данный вывод соответствует позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п.44 Постановления Пленума от 28.06.2012 года № 17, исходя из которой суду при вынесении решений необходимо руководствоваться презумпцией отсутствия у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках услуги, а также принимать во внимание, что исполнитель в силу закона несет обязанность своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию об услугах, посредством которой для потребителя будет обеспечена возможность компетентного выбора услуги².

Является ли такое условие, в свою очередь, ничтожным или оспоримым? Считаем, такое условие является ничтожным. Исходя из п.76 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, ничтожными являются условия сделки, при совершении которой был нарушен явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей³. В п.2 ст.10 Закона РФ № 2300-1 отмечено, что информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать цену в рублях. Таким образом, банк, не предоставляя потребителю информацию о структурированной цене услуги, не соблюдает п. 2 ст. 10 Закона РФ № 2300-1, что влечет ничтожность условия о цене услуги по подключению к программе страхования в части, в которой обязывает заемщика уплатить комиссию банку. Более того, отсутствие возможности сделать добровольное и осознанное волеизъявление, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, должным образом отражающее внутреннюю волю заемщика, должно попадать под действие ч. 2 ст. 16 Закона РФ № 2300-1, где говорится о запрете навязывания услуг: в данном случае имеет место быть навязывание услуг банка по сбору, обработке и передаче информации страховщику.

В то же время, следует обратить внимание на то, что на сегодняшний момент доминирующей является практика, исходя из которой непредставление достоверной информации о составляющих цены услуги по подключению к программе страхования не признаётся нарушением ст.16 Закона РФ № 2300-1. При этом суды ссылаются на п.2 ст.7 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»⁴, в соответствии с которым страхование заемщиком риска своей ответственности является допустимым способом обеспечения исполнения кредитного обязательства; на ст. 12 Закона Российской Федерации № 2300-1, где отмечено, что следствием непредставления потребителю достоверной информации об услуге является отказ от исполнения договора в разумный срок; на ст.10 Закона РФ № 2300-1, в соответствии с которой указание полной,

¹ Ахонина Ю. С. Принцип свободы заключения договоров с точки зрения механизма правового регулирования // Предпринимательское право. 2014. № 1. С. 47 - 52.

² О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Российская газета. № 156 от 11.07.2012.

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. Август. 2015.

⁴ О потребительском кредите (займе): федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. № 289 от 23.12.2013.

то есть неструктурированной, цены услуги является соблюдением банком возложенной на него обязанности по доведению до потребителя достоверной общей суммы платы за услугу: отсутствие разделения суммы на составляющие не относится к обстоятельству, способствующему введению истца в заблуждение; на то, что собственноручные подписи в заявлении о страховании, заявлении-анкете подтверждают осознанное и добровольное принятие заемщиком на себя обязательства, в том числе и по уплате банку денежных сумм за оказание услуг по заключению договора страхования¹.

Другие суды напрямую отмечают, что доводы о том, что банки не доводят до потребителей информацию о размере непосредственно комиссионного вознаграждения и непосредственно о размере страховой премии, уплачиваемой страховщику, не имеют правового значения, а, значит, не принимаются во внимание².

Подводя общий итог, отметим, что, несмотря на сложившуюся доминирующую судебную практику, на наш взгляд, более соответствующей законодательству является позиция, согласно которой непредставление потребителю достоверной информации о структурированной цене услуги по подключению к программе страхования, влечет недействительность в виде ничтожности такого условия в части обязанности заемщика по уплате комиссии за подключение клиента к программе страхования. По нашему мнению, в данном вопросе ВС РФ необходимо сформулировать единую позицию для установления единообразия в правоприменительной практике.

Е. Д. КОЧКИНА

магистрант 1 курса

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОГЛАШЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕННОМ – ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 224-ФЗ

Автор статьи рассматривает основные аспекты регулирования государственно-частного партнерства в рамках недавно принятого Федерального закона № 224-ФЗ. Проблематика работы состоит в компромиссном характере указанного правового акта. Особое внимание уделяется субъектному и объектному составу соглашений о государственно-частных партнерствах, а также особенностям перехода прав собственности на объекты государственно-частного партнерства. По результатам проведенного анализа автором выдвигаются предложения по устранению существующих в настоящее время недостатков регулирования сферы государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, частный партнер, публичный партнер, концессия.

Сложные экономические условия, сложившиеся в нашем государстве в последние годы, доказали необходимость стимулирования активности частного инвестирования в целях модернизации инфраструктуры.

¹ Апелляционное определение Курганского областного суда от 19.07.2016 по Делу № 33-2541/2016// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017). Постановление Президиума Ставропольского Краевого Суда от 04.08.2016 по делу № 44г-258/16 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017).

² Решение Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 19.07.2017 по делу № 2-2057/2017// Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.08.2017).

В середине 2015 г. был принят специальный Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» (далее – Закон), призванный урегулировать отношения по сотрудничеству публичного и частного секторов для реализации инфраструктурных проектов, основанных на частной собственности инвестора на объект¹. Представляется, что сама идея создания подобного акта на федеральном уровне является крайне перспективной. Тем не менее, учитывая его компромиссный характер (как известно, компромисс не всегда является «двигателем прогресса»), а также сомнения в целесообразности отдельных положений данного Закона, актуальность предложенной для рассмотрения темы становится очевидной.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на субъектный состав соглашения о государственно-частном партнерстве (далее – ГЧП) Статья 5 нового Закона устанавливает запрет для унитарных предприятий, государственных корпораций, которые более, чем на 50 % контролируются государством, их дочерними компаниями и т.д. на участие в проектах ГЧП на стороне частного партнера. Примечательно, что в масштабных проектах наподобие реконструкции аэропорта Пулково или строительства автомобильной дороги в рамках проекта «Западный скоростной диаметр» всегда активно участвовали крупные организации, контролируемые государством². Некоторые специалисты критикуют данный подход, справедливо замечая, что наработанный компаниями с государственным участием опыт останется не востребованным³. Тем не менее, представляется, что законодатель имеет своей целью дать возможность именно частному инвестору вложить собственные средства в развитие инфраструктуры, что является весьма справедливым с учетом наличия иных схем привлечения инвестиций, сторонами в которых могут являться одновременно и публичное образование, и публичная организация.

Интересно, что ст. 3 нового Закона, фактически, содержит запрет на участие иностранных лиц в качестве стороны в соглашениях о ГЧП. Учитывая тенденции ограничения участия иностранных инвесторов в некоторых российских проектах, представляется, что в данном случае законодатель также руководствовался политическими мотивами и общественными (общегосударственными, публичными) интересами. Тем не менее, вопрос относительно того, отвечает ли данная мера общественным интересам в действительности, остается открытым.

Законодатель не предусмотрел участия в соглашениях о ГЧП и физических лиц. Тем не менее, аргументы в отношении неспособности индивидуальных предпринимателей участвовать на стороне частного партнера являются малоубедительными. Региональное законодательство о ГЧП, появившееся много ранее Федерального закона № 224-ФЗ⁴, а также Модельный закон для государств-участников СНГ (п. 1 ст. 14⁵), позволяет физическому лицу выступать в качестве частного партнера.

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Российская газета», № 156, 17.07.2015.

² Об одобрении проекта Дополнительного соглашения № 1 к Соглашению о создании, реконструкции и эксплуатации на основе государственно-частного партнерства объектов, входящих в состав имущества аэропорта «Пулково»: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 24.05.2011 № 622 // СПС «Консультант Плюс»; Об одобрении проекта Дополнительного соглашения к Соглашению о создании и эксплуатации на основе государственно-частного партнерства автомобильной дороги «Западный скоростной диаметр»: Постановление Правительства Санкт-Петербурга 18.12.2014 № 1168 // СПС «Консультант Плюс».

³ Родин А. Новая среда для ГЧП // ЭЖ-Юрист. 2015. № 44. С. 9.

⁴ Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах: Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 № 627-100 // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

⁵ Модельный закон о публично-частном партнерстве (принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением № 41-9 на 41-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ) // СЗ РФ. № 32. 05.12.1994. Ст. 3301.

Более того, имеются примеры подобного участия в различных ГЧП-проектах¹. Ну, и, наконец, вопрос об участии физического лица должен решаться публичным образованием в каждом конкретном случае отдельно.

Одним из серьезных преимуществ соглашения о ГЧП перед той же концессией для частного партнера является возможность перехода прав собственности на создаваемый объект (ст. 6 Федерального закона № 224-ФЗ). Стоит отметить, однако, что по соглашению сторон по истечении срока действия соглашения о ГЧП частный партнер обязан будет передать объект ГЧП в публичную собственность. Представим ситуацию: во время исполнения соглашения о ГЧП в отношении частного партнера была инициирована процедура банкротства. В силу того, что объект ГЧП находится в собственности частного партнера, данное имущество поступит в конкурсную массу и будет реализовываться на торгах. В данной ситуации новый приобретатель объекта ГЧП не будет иметь обязательств перед публичным партнером по передаче объекта в публичную собственность. Таким образом, если публичный партнер изъявит желание получить объект ГЧП в собственность, то он сможет сделать это не иначе, как при помощи инициирования процедуры изъятия имущества для государственных (муниципальных) нужд с выплатой компенсации в соответствии со ст. 239.1-239.2 ГК РФ². Для недопущения подобной ситуации представляется необходимым внести в Федеральный закон № 224-ФЗ поправку о том, что лицо, приобретающее объект ГЧП, приобретает права и несет обязанности частного партнера, указанные в соглашении о ГЧП. В этом случае отношения в рамках ГЧП будут подпадать по действие ст. 392.2 ГК РФ,

Федеральный закон № 224-ФЗ предусматривает конструкцию предоставления права частным партнерам на получение публичных земельных участков в аренду без проведения торгов для строительства и реконструкции (ст. 12). При этом ст. 3 Федерального закона от № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» каждый год обновляется, не изменяясь в части невозможности предоставления земельного участка из публичной собственности для строительства (в том числе объектов ГЧП) при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки³. Кроме того, в законе о ГЧП не закреплена обязанность органов публичной власти оказывать содействие в сфере оформления необходимой для реализации инвестиционного проекта градостроительной документации (проекты планировки территории, градостроительные планы земельных участков и т.д.). Поскольку в должной мере особенности перехода прав владения и пользования на земельные участки не урегулированы, необходимые изменения и дополнения ни в ЗК РФ, ни в ГРК РФ не вносились, представляется, что на практике вопрос упрощенного порядка предоставления земельного участка частному партнеру может сопровождаться многими проблемами.

Установление сложной процедуры реализации проектов ГЧП, с одной стороны, является гарантом готовности и заинтересованности частного партнера в осуществлении необходимых инвестиций, а с другой стороны снижает привлекательность института ГЧП. Представляется, что изначально данная конструкция предназначалась для реализации крупномасштабных проектов, и она весьма пригодилась бы при возведении олимпийских объектов, а также сооружений, предназначенных

¹ Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в Российской Федерации / под ред. П. Л. Селезнева. М., 2015. С. 47. // URL: http://pppceNter.ru/assets/docs/KoNcess-BlockA4_26-03-2015_web.pdf (дата обращения: 18.11.2016).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) // «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.

³ О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // «Российская газета», № 211-212, 30.10.2001.

для проведения чемпионата мира по футболу в 2018 г.¹. Для строительства же менее масштабных сооружений (например, детских садов) следует предусмотреть упрощенный порядок оформления соглашения о ГЧП, поскольку в ином случае конструкция ГЧП для возведения подобных относительно немасштабных проектов нерелевантна и может быть заменена иной, более простой процедурой. Подобная дифференциация, основанная на масштабе и объеме частных инвестиций в тот или иной проект, создала бы более привлекательные условия для аккумуляции инвестиций для развития инфраструктуры на среднем уровне.

Несмотря на перечисленные выше спорные моменты, положительных последствий принятия Закона о ГЧП гораздо больше. Данный акт позволил устранить юридические риски, связанные с реализацией инфраструктурных проектов (например, появилась гарантия исполнения публичным партнером собственных обязательств, а также гарантия защиты от политических рисков, ограждающих инвестора от действий и решений некоторых органов власти²), а также расширены возможные механизмы реализации проектов.

Представляется, что принятие Закона о ГЧП обеспечит дополнительные возможности по привлечению частных инвестиций. Частным инвесторам же будет предоставлен относительно гибкий инвестиционный механизм (теперь частные партнеры имеют право инициировать осуществление того или иного проекта ГЧП) и процедура конкурсного отбора, а также дополнительные гарантии для привлечения финансирования, в первую очередь, право частной собственности на инфраструктурный объект. Таким образом, с учетом непростой политической и экономической ситуации, а также многогранности поставленной проблемы, Закон о ГЧП представляется достаточно перспективной мерой совершенствования инвестиционного законодательства.

Д. А. КРАСНОПЕРОВА

студент 4 курса

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной Прокуратуры

Российской Федерации

ЗАМЕНА НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при замене ненадлежащего ответчика в теории и на практике, предлагаются возможные варианты их решения.

Ключевые слова: гражданский процесс, ненадлежащий ответчик, замена ненадлежащего ответчика, злоупотребление правом.

В связи со сложной структурой материальных правоотношений, возможными трудностями при определении фактических обстоятельств дела, на практике достаточно часто возникают проблемы при определении, какое именно лицо явля-

¹ Тем не менее, в силу недавнего вступления в силу Закона о ГЧП, подобная юридическая конструкция вряд ли будет применена для подготовки к вышеуказанным мероприятиям.

² Огосударственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: комментарий к Федеральному закону (научно-практический, постатейный) / Е.В. Гриценко, Е.А. Дмитрикова, А.К. Долгов и др.; под ред. В.Ф. Попондопуло, В.В. Килинкова. М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 180.

ется надлежащим ответчиком. Поэтому при выявлении ошибочного привлечения в качестве ответчика какого-либо лица, Гражданский процессуальный кодекс дает возможность замены данного ненадлежащего ответчика на надлежащего по ходатайству истца или с его согласия¹.

В теории возникают споры, можно ли произвести замену ненадлежащего ответчика на надлежащего ответчика, уже участвующего в деле в качестве соответчика. Полагаем, что в данном случае это не является заменой в традиционном её понимании, так как надлежащий ответчик продолжает участвовать в деле в том же процессуальном статусе, в котором и участвовал. Часто на практике это осуществляется через процедуры «исключения» ответчиков (соответчиков) из числа лиц, участвующих в деле, или их «освобождения от участия в деле», но они не могут быть признаны допустимыми, ввиду того, что закон не предусматривает совершения подобных действий. Считаем, что единственным выходом в подобной ситуации будет вынужденный отказ истца от иска к ненадлежащему ответчику.

Процессуальный закон регулирует процедуры замены одного ненадлежащего ответчика на одного надлежащего ответчика. В связи с этим возникает вопрос, можно ли заменить нескольких или одного ненадлежащего ответчика на одного или соответственно нескольких надлежащих ответчиков. Некоторые исследователи, к примеру, Д.Б. Абушенко, считают это допустимым, ввиду того, что нельзя исключить возможность возникновения ситуации, когда носителями спорной юридической обязанности выступят несколько лиц, которыми может быть заменен один ненадлежащий ответчик; либо также потребует замена нескольких ненадлежащих ответчиков одним (например, когда заказчик предъявил иск к субподрядчикам, а по договору подряда ответственность за нарушение условий договора субподрядчиком несёт генеральный подрядчик, поэтому надлежащим ответчиком будет именно он). Однако А.В. Юдин представляет, что замена ответчиков должна быть строго индивидуализирована, т.е. каждый ненадлежащий соответчик должен заменяться на конкретного надлежащего соответчика, вступающего в процесс². Это будет служить продолжением общего правила процессуального соучастия, в соответствии с которым каждый из истцов или ответчиков выступает в процессе самостоятельно (ч. 3 ст. 40 ГПК). Но данная позиция, на наш взгляд, осложняет замену в ситуации, когда количество ненадлежащих ответчиков неравно количеству надлежащих.

В случае если замена ненадлежащего ответчика, произведена на надлежащего ответчика ошибочно или заявленные исковые требования были изменены, уточнены, то возникает необходимость «вернуть» первоначального ответчика. Несмотря на то, что данная процедура не указана в законодательстве и никак не регламентирована, полагаем, её следует признать допустимой. Этот вопрос был рассмотрен и Конституционным Судом относительно жалобы гражданки Белашовой³. Судом по ходатайству истца была произведена замена ненадлежащего ответчика (Е.М. Белашовой) на надлежащего. Решением суда в удовлетворении иска было отказано. Впоследствии П. вновь обратился в суд с иском к Е.М. Белашовой. Суд первой инстанции, а затем и суд апелляционной инстанции иск удовлетворили. Конституционный суд указал, что в силу принципа диспозитивности только истец может решить, защищать ли ему своё оспариваемое право и к кому предъявлять иск. Вследствие этого суд обязан разрешить дело по тому иску, который предьяв-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // КонсультантПлюс.ВерсияПроф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.,2017].

² Юдин А.В. Изменение и лишение процессуального статуса лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве// Арбитражный и гражданский процесс. 2009. №1. С. 10-14.

³ Определение Конституционного суда от 17.07.2014 по делу № 1583-О // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.,2017].

лен истцом, и только в отношении того ответчика, который указан истцом. ГПК РФ (абз.3 ст.220) предусматривает возможность прекращения производства по делу в случаях, когда выявляется наличие тождественных требований (между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям). При замене решение суда по существу исковых требований, предъявленных к ненадлежащему ответчику, не принимается, поэтому при повторном предъявлении иска отсутствует такое препятствие к возбуждению или далее к рассмотрению дела, как вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

Замена ненадлежащего ответчика надлежащим даёт много возможностей для злоупотребления правом. Во-первых, многие ученые указывают, что право требовать замены ненадлежащего ответчика – это исключительная прерогатива истца. На это указывает и Конституционный Суд. Например, в определении на жалобу Грязнова он разъяснил, что, если суд на стадии подготовки дела к судебному разбирательству выяснит, что ответчик является ненадлежащим, то суд имеет право предложить истцу произвести замену ответчика. Но наложить такую обязанность на суд нельзя, так как окончательное установление сущности спорного материального правоотношения и определение его сторон суд должен осуществлять только в момент принятия решения, так как в течение рассмотрения дела могут быть открыты новые обстоятельства, коренным образом меняющие существующее положение дел¹.

Так, ввиду исключительной прерогативы истца просить о замене ненадлежащего ответчика, возможно искусственное увеличение срока рассмотрения дела (иногда такое длительное рассмотрение необходимо даже самому истцу), воспрепятствовать которому суд не сможет.

Во-вторых, Верховный Суд указывает, что в случае замены ненадлежащего ответчика надлежащим, исковая давность по требованию к надлежащему ответчику не течет с момента заявления ходатайства истцом или выражения им согласия на такую замену². Это тоже увеличивает срок рассмотрения дела и при необходимости может быть использовано истцом в свою пользу (например, если сроки подходят к концу, а он еще не успел получить какое-либо доказательство).

В-третьих, при замене ненадлежащего ответчика может измениться подсудность данного дела. Бывают случаи, когда истец умышленно предъявляет иск к ненадлежащему ответчику с целью приобретения выгодной для него территориальной подсудности, так как в соответствии со ст. 28 ГПК РФ иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика. Если первоначально дело было принято с соблюдением правила подсудности, то согласно ст. 33 ГПК РФ дело, принятое судом к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть разрешено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно станет подсудным другому суду. Но не все суды обращают внимание на то, что иск считается поданным с соблюдением правила подсудности в том случае, если он предъявлен к надлежащему ответчику, соответственно обе стороны должны быть надлежащими. Если иск был предъявлен к ненадлежащему ответчику, а его замена приведет к изменению подсудности, то дело следует передавать в другой суд. Аналогичный подход и при изменении подведомственности дела.

¹ Определение Конституционного суда от 24.10.2013 по делу № 1626-О // КонсультантПлюс ВерсияПроф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.,2017].

² О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (в ред. от 29.09.2015) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.,2017].

В связи с этим учеными, в том числе Н.Ш. Гаджиалиевой, предлагается п. 2 ст. 33 ГПК РФ, содержащий основания изменения территориальной подсудности, дополнить пятым основанием: «в случае замены ненадлежащего ответчика»¹. Это ликвидирует возникающие в судебной практике противоречия.

В силу возникающих проблем при реализации замены ответчика, можно прийти к выводу, что необходимы изменения в законодательстве. Так, Н. Морозов предлагает дать возможность суду рассматривать и удовлетворять обоснованные ходатайства ответчиков об освобождении их от участия в деле в случае, если они привлечены необоснованно или ошибочно независимо от согласия других лиц, участвующих в деле².

Итак, можно прийти к выводу, что вопрос замены ненадлежащего ответчика недостаточно урегулирован российским законодательством, даёт возможность для злоупотребления правом со стороны истца. Это можно ограничить, предоставив суду возможность удовлетворения обоснованного ходатайства ответчика, если ясно, что он ненадлежащий, а также закрепив требование о передаче дела другому суду в случае изменения подсудности при замене ответчика.

Э. А. МАСЛЕННИКОВ

магистрант 2 курса
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова

ПРОБЛЕМА СУДЬБЫ ПРАВ С ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ХАРАКТЕРОМ ДЕЙСТВИЯ ПРИ УСТУПКЕ ТРЕБОВАНИЯ

В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы правовых последствий совершения уступки требования в отношении прав с преобразовательным характером действия, дается определение прав с преобразовательным характером действия, выделяются их основные виды, рассматривается возможность их перехода от цедента к цессионарию при уступке требования, порядок осуществления отдельных видов данных прав.

Ключевые слова: реформа гражданского законодательства, уступка требования, цессия, действие уступки требования, преобразовательные права, преобразовательные притязания

В целях реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция)³ федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федера-

¹ Гаджиалиева Н.Ш. Конституционные основы регулирования и защиты права наследования в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Наида Шамильевна Гаджиалиева; Российская академия правосудия. Москва, 2009. С. 22.

² Морозов Н. Ответчик: что делать, если явно ненадлежащий? // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. №2. С. 16-20.

³ Концепция развития гражданского законодательства, одобренная Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11 КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

ции»¹ были внесены масштабные изменения в главу 24 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ, Кодекс)². Вместе с тем данным федеральным законом не были разрешены некоторые проблемы регламентации юридических последствий договора уступки требования. В частности, вопрос действия сделки по уступке в отношении отдельных прав, связанных с цедированным (уступленным) требованием.

Согласно п. 1 ст. 384 ГК РФ в новой редакции: «Если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты».

К таким правам следует отнести права с преобразовательным характером действия (далее – преобразовательные права), которые могут принадлежать кредитору в связи с участием в обязательстве. Под ними следует понимать такие права, посредством осуществления которых изменяются или прекращаются правовые отношения кредитора с должником³. По своей правовой природе они представляют собой права на совершение односторонних действий⁴ и преобразовательные притязания⁵, которые могут быть связаны как с уступленным требованием, так и с комплексом обязательственных отношений по договору в целом. Именно на основе данного критерия следует разрешать вопрос о судьбе преобразовательных прав при уступке требования.

К цессионарию, по смыслу п. 1 ст. 384 Кодекса, могут переходить только такие преобразовательные права, которые затрагивают исключительно уступленное требование. Иными словами, преобразовательное право должно быть связано с «кредиторством» cedent по требованию⁶. К таким правам следует отнести, в частности, право на отказ от принятия ненадлежащего исполнения, право на заключение соглашения об изменении способа и порядка исполнения, право выбора предмета исполнения и др.

Так, если в альтернативном обязательстве право выбора предмета исполнения в силу ст. 308.1, п. 2 ст. 320 Кодекса принадлежит кредитору, то при уступке требования по данному обязательству к цессионарию переходит данное преобразовательное право, что нашло подтверждение в судебной практике. Например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 января 2002 г. № 2715/01 по делу № А41-К1-12149/00 отражена ситуация, когда цессионарию было передано требование к поставщику по договору поставки, предметом которого являлись вагоны или комплектные электропоезда (альтернативное обязательство)⁷.

¹ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (с изм. и доп.).

³ Вошатко А.В. Договор уступки требования: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 170-171.

⁴ Крашенинников Е. А. Регулятивные и охранительные субъективные гражданские права // Очерки по торговому праву / под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, ЯрГУ, 2007. Вып. 14. С. 10-12.

⁵ Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. С. 17-21.

⁶ Вошатко А.В. Указ. соч. С. 171.

⁷ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 января 2002 г. № 2715/01 по делу № А41-К1-12149/00 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 5 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

Следовательно, если преобразовательные права связаны исключительно с уступленным требованием, то они согласно п. 1 ст. 384 ГК РФ переходят к цессионарию, который реализует их самостоятельно.

В тех случаях, когда закон предоставляет кредитору право оспорить сделку, на основании которой возникли принадлежащие ему права, возникает вопрос: переходит ли данное право от cedentа к цессионарию? Право оспаривания сделки принадлежит кредитору (цеденту) как стороне сделки, из которой возникло уступаемое требование (п. 2, 3 ст. 166 ГК РФ). Данное право по справедливому замечанию Л.А. Новоселовой затрагивает всю структуру обязательственного отношения, а не конкретное право требования, принадлежащее кредитору¹. Действительно, от реализации права на оспаривание сделки зависит судьба всего комплекса обязательственных отношений, а не только требования, выступающего предметом договора уступки.

Кроме права на оспаривание сделки к числу таких прав с преобразовательным характером действия, принадлежащих кредитору как стороне сделки (договора), следует отнести, в частности, право на расторжение договора, право на отказ от (исполнения) договора. С их реализацией прекращаются обязательственные (договорные) отношения, возникшие из договора, а также в отдельных случаях для участников сделки возникает обязательство по возврату полученного по сделке.

Мы согласны с точкой зрения тех исследователей, которые отрицают возможность перехода преобразовательных прав, принадлежащих кредитору (цеденту) как стороне сделки (договора), в силу ст. 384 ГК РФ. Однако в судебной практике не всегда учитываются изложенные теоретические доводы, а в отдельных случаях признается допустимость перехода к цессионарию в результате уступки требования преобразовательных прав, принадлежащих кредитору как стороне сделки. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2003 г. № 20пв03пр признано, что право на расторжение договора купли-продажи сельскохозяйственной продукции переходит к цессионарию в результате частичной уступки требования. Верховный Суд Российской Федерации отверг изложенные в протесте прокурора доводы, что истцы, являясь сторонами по договорам цессии, не имели отношение к договору купли-продажи сельхозпродукции. Следовательно, истцы не могли ставить вопрос о расторжении этого договора, поскольку согласно п. 2 ст. 450 ГК РФ требование о расторжении договора может быть заявлено суду только одной из сторон договора².

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в указанном постановлении признал за правом на расторжение договора способность быть предметом уступки на том основании, что нормой ст. 383 ГК РФ определены права, которые не могут переходить к другим лицам, и в этом перечне отсутствует запрет на передачу права требовать расторжения договора³. Однако данное право не является обязательственным требованием, не подчиняется правилам п. 1 ст. 382 ГК РФ и, соответственно, не может быть предметом уступки. В связи с этим нам представляется соответствующей закону практика Суда по интеллектуальным правам, который точно разграничивает обязательственные права (требования) от иных прав, которые не могут быть уступлены. Так, Суд по интеллектуальным правам признал передачу по договору цессии права требовать признания решения адми-

¹ Новоселова Л.А. Сделки уступки права требования в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут. 2003 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

² Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2003 г. № 20пв03пр // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

³ Там же.

нистративного органа (Роспатента) недействительным противоречащим закону, так как в данном случае не имеет места передача требования, принадлежащего кредитору на основании обязательства¹.

Следует особо отметить, что порядок осуществления преобразовательных прав, которые остаются за цедентом, гражданским законодательством не установлен, и в юридической литературе данный вопрос является дискуссионным. Одни авторы считают целесообразным, установить совместное осуществление цедентом и цессионарием данных прав². Согласно другой точке зрения, они могут быть реализованы с цедентом только с согласия цессионария. Данная позиция обосновывается тем, что цедент, реализуя преобразовательное право, например, путем оспаривания сделки, являющейся основанием цедированного требования, без учета мнения цессионария, затрагивает интересы последнего.

Кроме того, данная позиция может быть обоснована применением в порядке аналогии закона п. 2 ст. 430 ГК РФ, поскольку приобретение требования цессионарием схоже с приобретением третьим лицом права в силу заключенного в его пользу договора, так как и цессионарий, и третье лицо приобретают требование, которое изначально принадлежало иному лицу³. В связи с этим, преобразовательные права цедента должны подлежать ограничению так же, как ограничены права кредитора по договору в пользу третьего лица.

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 26 июня 2017 г. № С01-461/2017 по делу № СИП-810/2016 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

² Вошатко А.В. Указ. соч. С. 172.

³ Нолькен А. Договоры в пользу третьих лиц. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. С. 85-86.

III

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

В. Г. ВЕРБИЦКАЯ
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной Прокуратуры
Российской Федерации

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ИХ ЗАКОННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ

Статья посвящена вопросам нарушения жилищных прав несовершеннолетних в Российской Федерации, как правовым последствиям, в результате несоблюдения требований законодательства, предъявляемых к заключению сделок по приватизации жилой недвижимости, а также вопросам защиты прав несовершеннолетних в рассматриваемой сфере правоотношений. С учетом мнений учёных выдвинуты предложения по разрешению существующих проблем.

Ключевые слова: защита жилищных прав несовершеннолетних, приватизация жилых помещений, иски об оспаривании законности приватизации, исковая давность, уполномоченный по правам ребенка, декларативные нормы.

Законодательство Российской Федерации содержит немало норм, посвященных охране и защите жилищных прав несовершеннолетних граждан. Тем не менее, современное состояние правового регулирования этой области отношений нельзя охарактеризовать как удовлетворительное. На практике имеют место достаточно большое количество нарушений жилищных прав несовершеннолетних, допускаемые родителями и иными законными представителями детей, а также факты необеспечения государственными органами должной охраны и защиты прав несовершеннолетних.

Продолжает оставаться актуальным вопрос обеспечения прав несовершеннолетних при приватизации жилого помещения¹.

До внесения в 1994 году изменений в Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»² (далее – Закон о приватизации)³ четкие указания на обязательность участия в приватизации несовершеннолетних отсутствовали. Для того периода времени характерна тенденция намеренного не включения несовершеннолетних в число лиц-участников приватизации их родителями, результатом чего явилось не наделение детей долями в имуществе, с целью избежать возможных будущих проблем, связанных с реализацией жилой недвижимости.⁴ Хотя действующее в то время законодательство предусматривало отказ несовершеннолетних от приватизации исключительно с разрешения органов опеки и попечительства⁵, договоры о передаче жилого помещения в собственность родителей без включения в них несовершеннолетних членов семьи беспрепятственно регистрировались государственными органами. Такая ситуация стала возможной вследствие формального подхода органов опеки и попечительства к применению юридических норм. Законодательно предусматривалось обязательное получение предварительного разрешения органов опеки и попечительства на совершение сделок, в частности по приватизации, только опекунами и попечителями, без упоминания о наличии такой обязанности со стороны родителей ребёнка. В связи с этим органы опеки и попечительства не считали необходимым анализировать законность совершения подобных сделок, и сделки регистрировались без прохождения процедуры получения предварительного разрешения.

В результате, вплоть до настоящего момента, предъявляются иски с требованиями о признании договора приватизации квартиры недействительным и признании за истцом права собственности на долю в праве общей долевой собственности на жилое помещение. Истцы полагают, что на момент приватизации, когда они являлись несовершеннолетними, их жилищные права были существенно нарушены их родителями, поскольку последние не включили их в число лиц, участвующих в процессе приватизации. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев по делам данной категории суды выносят решения об отказе в удовлетворении исковых требований, в основном по основанию «пропуск срока исковой давности».

Так, оставлены без удовлетворения в связи с пропуском срока исковой давности исковые требования о признании договора приватизации квартиры недействительным и признании за истцом права собственности на долю в праве общей долевой собственности на жилое помещение решениями судов первой инстанции: от 15 сентября 2016 года Свердловского районного суда г. Иркутска по делу

¹ Карпунин Д. Проблемы защиты прав несовершеннолетних лиц при совершении сделок с жилыми помещениями // Жилищное право. 2013. № 12. С 15.

² Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 (ред. от 16.10.2012) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1991 г., № 28, ст. 959.

³ Федеральный закон от 11 августа 1994 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15.08.1994 г. № 16 ст. 1864

⁴ Гусева Е. Пороки в истории недвижимости: последствия приватизации // Жилищное право. 2015. № 6. С. 87

⁵ В соответствии со ст. 28, 37 ГК РФ опекун не вправе без предварительного разрешения органов опеки и попечительства совершать некоторые сделки, в том числе влекущие отказ от принадлежащих подопечному прав, а попечитель давать согласие на совершение таких сделок. Отказ от участия в приватизации может быть осуществлен родителями и усыновителями несовершеннолетних, а также их опекунами и попечителями только при наличии разрешения указанных выше органов.

№ 2-3914/2016 ~ М-4147/2016¹, от 26 марта 2016 года Сыктывкарского городского суда Республики Коми по делу № 2-2575/2015 ~ М-1150/2015² и др. Аналогичные решения были поддержаны при обжаловании определениями: от 6 апреля 2016 года Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Удмуртской Республики по делу № 33-1363/2016³, от 15 июня 2016 года Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан по делу 33-9868/2016⁴ и др.

Прокуроры, занимая позицию несогласия с отказом в удовлетворении обозначенных выше исковых требований, неоднократно представляли интересы несовершеннолетних, в том числе в надзорной инстанции по гражданским делам, но заявленные требования также были оставлены без удовлетворения. Примером может служить определение об отказе в передаче надзорной жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании надзорной инстанции Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики 16 июля 2010 года г. Нальчик.⁵

Таким образом, нарушенные ранее законными представителями жилищные права несовершеннолетнего остаются не восстановленными, даже в случае обращения в суд.

Стоит отметить, что случаи удовлетворения требований, даже с учетом факта пропуска срока исковой давности, имеются. Характерным примером является дело № 56-В08-10, рассмотренное судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ 12 августа 2008 г.

А. обратилась в суд с требованием о включении её в состав собственников спорного жилого помещения, т.к. в нарушение требований закона она не была включена родителями в перечень лиц-участников приватизации, находясь в момент совершения сделки в статусе несовершеннолетней.

Несмотря на истекший срок исковой давности, решением Пожарского районного суда Приморского края от 14 мая 2007 года договор приватизации квартиры от 23 февраля 1994 года признан недействительным в части невключения в состав собственников квартиры А.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 18 июня 2007 года решение районного суда отменено, вынесено новое решение об отказе А. в ее требованиях, основанное на том, что к моменту обращения истицы в суд срок исковой давности по оспариваемой сделке истек – иск подан спустя 13 лет после исполнения сделки. Только по результатам рассмотрения надзорной жалобы, поданной А., требования были удовлетворены, и решение Пожарского районного суда Приморского края от 14 мая 2007 года оставлено в силе.

¹ Решение Свердловского районного суда г. Иркутска от 15.09.2016 [Электронный ресурс] // Сайт Свердловского районного суда г. Иркутска. URL: <https://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-rajonnyj-sud-g-irkutska-irkutskaya-oblast-s/act-531912430/> (дата обращения: 16.08.2017).

² Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 26.03.2015 [Электронный ресурс] // Сайт Сыктывкарского городского суда Республики Коми. URL: <https://rospravosudie.com/court-syktvyvskarskij-gorodskoj-sud-respublika-komi-s/act-487104345/> (дата обращения: 16.08.2017).

³ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Удмуртской Республики от 06.04.2016 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного суда Удмуртской Республики. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-udmurtskoj-respubliki-udmurtskaya-respublika-s/act-523514439/> (дата обращения: 16.08.2017).

⁴ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 15.06.2016 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Республики Башкортостан. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan-s/act-525017559/> (дата обращения: 16.08.2017).

⁵ Определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики об отказе в передаче надзорной жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции 16.07.2010 года г. Нальчик [Электронный ресурс] // Сайт Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-kabardino-balkarskoj-respubliki-kabardino-balkarskaya-respublika-s/act-103563698/> (дата обращения: 16.08.2017).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила, что с доводами суда кассационной инстанции согласиться нельзя, основания, предусмотренные законом, для вынесения нового решения об отказе в иске отсутствуют, поскольку истица узнала о факте нарушения её жилищных прав после смерти отца 26 июля 2006 года. В суд она обратилась в феврале 2007 года, т.е. в пределах годичного срока. В связи с этим, определение суда кассационной инстанции нельзя признать законным, и оно подлежит отмене.

Данные судебные решения иллюстрируют отсутствие единообразия судебной практики по рассматриваемым вопросам.

Позиция, занятая Верховным Судом РФ, представляется обоснованной, так как следует принять во внимание, что несовершеннолетний не осознает характер нарушения его прав и возможные последствия, не имеет реальной возможности обратиться за защитой.

Согласно ч. 1, 2 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹ полноценную защиту своих прав в суде лицо вправе осуществлять с момента достижения восемнадцати лет либо со дня признания лица эмансипированным, т.к. именно в этих случаях лицо в полном объеме приобретает способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю (гражданская процессуальная дееспособность).

Исходя из рассмотренного выше, предлагаем исчисление срока исковой давности начинать со дня, когда лицо узнало о нарушении своего права, было способно осознавать характер, последствия такого нарушения, а также имело реальную возможность осуществлять защиту нарушенных прав.

Представляется необходимым сделать исключение из общих правил применения срока исковой давности, предусмотрев норму о восстановлении пропущенного срока обращения за защитой в связи с отсутствием у лица возможности более раннего обращения в суд, в связи с отсутствием полной гражданской процессуальной дееспособности, а также в случаях, когда к моменту обращения в суд, лицо не имеет в собственности иной жилой площади, кроме той, которой он пользуется и на которую он просит признать право собственности.

Полагаем необходимым законодательно предусмотреть норму о запрете на отчуждение приватизированного жилья, в котором проживают несовершеннолетние лица, до достижения ими восемнадцати лет, если сделка по отчуждению способна привести к ухудшению жилищных условий несовершеннолетнего. Считаем, что такое дополнение позволит защитить жилищные права несовершеннолетних от злоупотреблений со стороны их родителей и возможной недобросовестности органов опеки и попечительства при выдаче разрешений на приватизацию жилого помещения. Данное предложение основано на том, что деятельность органов опеки и попечительства по выдаче разрешения либо вынесения решения о запрете на совершение законными представителями сделок с жилой недвижимостью, где проживают несовершеннолетние, не регламентировано должным образом.

В законодательстве не предусмотрен порядок предоставления согласия (разрешения) органа опеки и попечительства на совершение сделок, затрагивающих имущественные права несовершеннолетних: отсутствуют четкие нормы, закрепляющие основания для дачи согласия органом опеки и попечительства на соверше-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

ние сделки с недвижимым имуществом; отсутствуют критерии и (или) правила, которые могли бы являться основой для обоснования органами опеки и попечительства принятого ими решения, относительно возможного нарушения прав несовершеннолетних при совершении сделки с его имуществом.

Таким образом, соблюдение требований законодательства об обязательном получении законными представителями предварительного разрешения органов опеки и попечительства на совершение сделок с недвижимым имуществом не является гарантией защиты жилищных прав несовершеннолетнего от возможных дальнейших нарушений, напротив, жилищные условия несовершеннолетнего могут быть ухудшены, а права нарушены.

Защита прав несовершеннолетних осложняется также наличием в законодательных актах декларативных норм, которые создают лишь видимость защиты прав.

Так, п. 2 ст. 56 Семейного Кодекса РФ, устанавливает, что ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих). Согласно данной норме ребёнок наделяется правом самостоятельного обращения в органы опеки и попечительства, а также после достижения 14 лет – в суд для защиты своих прав и законных интересов в случаях их нарушения законными представителями¹.

Вместе с тем указанное право не может быть реализовано до принятия соответствующего федерального закона, предусматривающего механизм обращения ребенка в суд, который в настоящий момент отсутствует².

Институт уполномоченных по правам ребенка введен в 1998 в рамках пилотного проекта и учрежден Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2009 года № 987 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка»³. Главной целью деятельности Уполномоченных является защита прав и интересов ребёнка. Вместе с тем в практике работы Уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации имеются случаи отказа судов в приеме исковых заявлений Уполномоченных, поданных в защиту интересов детей. Наиболее распространенными основаниями для отказа в приеме таких заявлений являются указания судей на то, что защищать интересы детей должны законные представители, а также об отсутствии на федеральном уровне нормы с четким указанием на наделение Уполномоченных таким правом. Между тем, право Уполномоченного обращаться в суд в защиту интересов детей закрепляется в Законе соответствующего субъекта Российской Федерации, следует из норм гражданского процессуального законодательства, устанавливающего, что в случаях, предусмотренных законом, органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (п. 1 ст. 46 ГПК РФ)⁴.

В целях разрешения, имеющих спорных вопросов, полагаю необходимым закрепить в ч. 1 ст. 46, ч. 1, 2 ст. 47 ГПК РФ право Уполномоченного по правам ребенка при Президенте, а также в субъектах Российской Федерации на предъявление исков в защиту прав и свобод детей и участие в деле для дачи заключений о соблюдении законных интересов ребенка.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

² Кравчук Н.В. Защита прав ребенка в судебном порядке // Государство и право. 2004. № 6. С. 66-73.

³ Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 сентября 2009 г. № 36 ст. 4312.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

Также предлагаю изложить ч. 1 ст. 46 ГПК РФ в следующей редакции: «В случаях, предусмотренных законом, органы государственной власти, органы местного самоуправления, в том числе Уполномоченный по правам ребёнка при Президенте РФ, а также Уполномоченный по правам ребёнка в субъектах РФ, организации или граждане вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределённого круга лиц». Заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина в этих случаях может быть подано независимо от просьбы заинтересованного лица или его законного представителя.

Кроме того, предлагаю изложить ст. 47 ГПК РФ в следующей редакции:

«1. В случаях, предусмотренных федеральным законом, государственные органы, органы местного самоуправления, в том числе Уполномоченный по правам ребёнка при Президенте РФ, а также Уполномоченный по правам ребёнка в субъектах РФ до принятия решения судом первой инстанции вступают в дело по своей инициативе или по инициативе лиц, участвующих в деле, для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

2. В случаях, предусмотренных федеральным законом, и в иных необходимых случаях суд по своей инициативе может привлечь к участию в деле государственный орган, орган местного самоуправления, Уполномоченного по правам ребёнка при Президенте РФ, а также Уполномоченного по правам ребёнка в субъектах РФ для достижения целей, указанных в части первой настоящей статьи».

Кроме того, полагаю, что существует необходимость дачи Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений в целях достижения единообразия судебной практики по вопросам защиты прав несовершеннолетних, в том числе и по проблемам, затронутым в данной статье.

Л. Г. ДЖИДЖАВАДЗЕ

студент 2 курса
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ БРАКА В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье исследуются институты брака и развода в дореволюционном и современном отечественном законодательстве. На основе сравнительного анализа норм X тома Свода законов Российской империи и Семейного кодекса РФ выявляются преемственные положения, и определяется специфика данных институтов в разные временные периоды. Проведенное исследование позволяет выявить закономерности в эволюции отечественного семейного права, показать его достоинства и недостатки на разных этапах, рассмотреть возможности и перспективы реформирования современного законодательства о браке и семье с учетом имеющегося исторического опыта.

Ключевые слова: Свод законов Российской империи, Семейный кодекс РФ, заключение брака, прекращение брака, церковный брак, гражданский брак.

Одним из основных институтов семейного права является брак. Данный элемент системы права включает в себя предписания, отражающие основания, порядок и условия заключения и расторжения брака. В древности семейное право в

России регулировалось каноническими нормами, среди них хорошо известными были Стоглав 1551 г., а также греческие акты (Прохирон, Эклога и др.). Только с начала XVIII века государством стали издаваться законы, касающиеся брака и семьи, тем самым было положено становление данной отрасли в отечественном законодательстве. Наиболее подробно данные положения получили обобщение и закрепление в Своде законов Российской империи 1832 года (далее – СЗРИ)¹. В современном семейном законодательстве существует множество проблем, одна из них – это большое число разводов в сравнении с дореволюционной Россией. Поэтому представляется важным сравнить институт брака России в XIX веке и современном законодательстве, проследить преемственность.

Вопросам брака в СЗРИ посвящен т. X. Согласно ст. 3, 6, 12 для заключения православного брака девушкам необходимо было достичь 16, а мужчинам – 18 лет, кроме того требовалось согласие родителей или опекунов и брачующихся. Последнее условие, как подчеркивает С.В. Пахман, хоть и было установлено церковью, но не признавалось народными обычаями². В целях обеспечения выполнения данного установления Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. закрепляло уголовную ответственность за принуждение вступления в брак. В соответствии со ст. 1550 она влекла за собой лишение всех прав состояний и ссылку на каторжную работу сроком от 4 до 6 лет³. В Закавказье брачный возраст снижался до 13 и 15 лет соответственно, что, по мнению Г.Ф. Шершеневича, было сделано из-за раннего наступления зрелости⁴. В российском законодательстве XIX века не было закреплено положение о соотношении возрастов жениха и невесты, что, как считает Н.Н. Тарусина, тоже могло противоречить идее брака, ввиду дозволения большой разницы⁵. По ст. 9 для лиц, находящихся на военной или гражданской службе дополнительно требовалось письменно удостоверенное согласие начальства. Согласно ст. 2, 4, 5, 19 запрещалось вступать в брак сумасшедшим, безумным, монашествующим лицам, посвященным в Диаконский, Иерейский саны, лицам старше 80 лет, арестантам, находившимся в исправительных отделениях, лицам, ограниченным в данном праве в силу наказания. СЗРИ регламентировал ряд ограничений, касающихся заключения брака:

нельзя было вступать в брак, если лицо состояло в другом браке (ст. 20);

нельзя было заключать брак с родственниками и свойственниками определенной степени, указанной церковными законами (ст. 23);

в течение жизни можно было заключать только 3 брака (ст. 21).

По ст. 22 в целях предупреждения данных ситуаций, священник при заключении брака делал особую отметку жениху и невесте в их видах на жительство; ст. 24 наделяла светские и духовные суды полномочиями разбирать дела, связанные с нарушением всех вышеуказанных правил.

Процедура заключения брака регламентировалась в ст. 25–33: сначала желающий заключить брак сообщал свое имя, чин и состояние, а также предоставлял необходимые сведения о невесте священнику прихода, который в следующие три воскресения на основании полученной информации делал оглашение; если невеста

¹ Свод законов Российской империи // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: <http://civil.consultant.ru> (дата обращения: 27.08.2017).

² Пахман С.В. История кодификации гражданского права. Том II // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/106/> (дата обращения: 30.08.2017). С. 33.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / Сост. проф. Таганцев С.Н. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1886. С. 562.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1 М.: Статут, 2005. С. 385.

⁵ Тарусина Н.Н. Брак по российскому семейному праву: Учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т им.П.Г.Демидова. Ярославль, 2008. С. 34.

принадлежала к другому приходу, то оглашение звучало и в ее церкви; после этого сообщалось, были ли у будущих супругов какие-либо препятствия для заключения брака. Также по духовным правилам производился обыск в присутствии свидетелей, которые подтверждали, что брачующиеся не являются родственниками. СЗРИ в ст. 30 т. X закреплял уголовную ответственность за принуждение священника к заключению незаконного брака.

Брак заключался при личном присутствии сочетающихся в церкви в специально отведенные дни при 2-3 свидетелях и с соблюдением обряда. Вне церкви заключать брак разрешалось православным, если невозможно было это сделать в ней, и при наличии благословения Епархиальных Архиереев. Любой брак заносился в приходскую книгу. По примечанию к ст. 31 лица, проживающие на территории, присоединившейся к России по Берлинскому трактату 1878 г., для узаконения своих браков совершали их по правилам Православной церкви. Иначе их брак считался действительным только до 12 марта 1888 г. Раскольники перед заключением брака в православной церкви обязаны были принести присягу о правоте веры и отказаться от своей веры. Дела, связанные с отступлением от вышеуказанных правил, за исключением уголовных, ведались духовным начальством и подсудны были духовному суду. В соответствии со ст. 34, 35 основным доказательством брачного союза являлась запись в метрической книге, также информацию о супругах можно было получить из гражданских документов и обыскной книги. Особой разновидностью доказательств являлось следствие, которое содержало в себе показания свидетелей и иных лиц, знающих о достоверности события. Но список доказательств можно продолжить, так Г.Ф. Шершеневич подчеркивает, что СЗРИ упускает такой важный документ, как паспорт, в который заносилась отметка о совершении венчания (§ 60).

В СЗРИ подробно регламентировался вопрос прекращения и расторжения брака. Г.Ф. Шершеневич считает, что брак - нравственный союз, поэтому важно правильно определить основания его прекращения, связанные не только с невозможностью совместного проживания супругов, но и с отсутствием общения между ними. Он подчеркивает, что разлучение супругов от сожительства эффекта не оказывает, так как сохраняется внешняя связь при отсутствии внутреннего содержания. В XIX веке, по его мнению, основной целью законодателя было ограничить число разводов, установив для этого четкие основания (§ 61). По естественным причинам это происходило в результате смерти одного из супругов, при этом переживший супруг, если не было препятствий, сохранял право вступления в новый брак. Духовный суд по просьбе одного из супругов мог расторгнуть брак только при наличии следующих причин:

если другой супруг совершил доказанное прелюбодеяние, или он не был способен к брачному сожительству. Собственное признание супруга не принималось во внимание, если противоречило иным обстоятельствам дела (ст. 47). Иск о расторжении брака ввиду неспособности к брачному сожительству мог быть подан через 3 года после заключения брака и основывался только на природной неспособности;

если супруг подвергся лишению всех прав и состояния или был сослан в Сибирь с лишением всех особых прав и преимуществ. По ст. 50 другой, не последовавший за ним супруг, мог просить свое духовное начальство о заключении нового брака;

если другой супруг безвестно отсутствовал. При этом оставшийся супруг через 5 лет мог заключить новый брак (ст. 54). Жены нижних чинов, бежавших со службы, могли подать иск о расторжении брака через 5 лет с момента пропажи супруга,

предоставив свидетельство Городских и Уездных полицейских управлений по месту службы мужа. В соответствии со ст. 56 для православных лиц, пропавших в ходе Русско-Японской войны, срок сокращался до 2 лет.

Самовольное расторжение брака было недопустимо, также супругам нельзя было устанавливать между собой обязательства, предусматривающие их раздельное проживание. Места и ведомства не должны были утверждать такого рода акты. В соответствии со ст. 46 священнослужители под угрозой наказания не могли писать разводные письма.

В современном российском законодательстве основным источником семейного права является Семейный кодекс РФ (далее СК РФ)¹. Согласно ст. 12 для заключения брака необходимо взаимное согласие брачующихся и достижение ими 18 лет. Иногда лицам при наличии уважительных причин разрешается заключать брак с 16 лет, а до 16 лет – если это предусмотрено законом субъекта. По ст. 14 препятствием к заключению брака является наличие другого брака, недееспособность и психическое расстройство супруга. Нельзя заключать брак между близкими родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородными и неполнородными братьями и сестрами, между усыновителем и усыновленным. Предусмотрена возможность прохождения супругами бесплатного медицинского обследования при условии взаимного согласия. Его результаты составляют врачебную тайну (ст. 15). По ст. 10 брак заключается в ЗАГСе и становится действительным только с момента регистрации.

СК РФ закрепляет основания расторжения и прекращения брака. Так, согласно ст. 16 брак прекращается смертью супруга или по заявлению одного или обоих супругов, а также их опекунов, если супруги недееспособны. Однако закон установил ограничения расторжения брака со стороны мужа, запрещающие ему возбуждать дело без согласия беременной жены, а также в течение года после рождения ребенка. Брак по ст. 19 расторгается в ЗАГСе, при наличии взаимного согласия супругов и отсутствии несовершеннолетних детей или по требованию одного супруга, если другой безвестно отсутствует, признан судом недееспособным или подвергся уголовному наказанию с лишением свободы на срок более 3 лет за совершение преступления. Спустя месяц с момента подачи заявления органы гражданского состояния должны выдать свидетельство о прекращении брака. Споры о выплате средств нетрудоспособному супругу, о разделе имущества, о детях, возникающие между супругами, один из которых недееспособен или подвергся лишению свободы на срок более 3 лет, разрешаются в судебном порядке, даже при наличии свидетельства о расторжении брака в ЗАГСе.

В судебном порядке брак расторгается, если один из супругов уклоняется от этого, а также при наличии несовершеннолетних детей, за исключением случаев безвестного отсутствия и недееспособности одного из супругов. Расторжение брака при согласии одного из супругов производится судом при условии невозможности сохранения семьи. В случае согласия обоих супругов и при наличии прочих условий брак расторгается через месяц без выяснения мотивов. Суд решает, с кем будет жить несовершеннолетний ребенок, кто будет платить алименты, каким будет размер содержания для одного из супругов, а также вопрос о разделе имущества. Но муж и жена могут самостоятельно решить эти вопросы, заключив соглашение и представив его на рассмотрение

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (с изм. и доп.) // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.08.2017).

в суд. Брак считается расторгнутым с момента государственной регистрации этого факта. Суд обязан в течение 3 дней направить в ЗАГС выписку. Супруги не могут заключить новый брак до получения ими свидетельства о прекращении предыдущего (ст. 20-25). Закон предусмотрел условие восстановления расторгнутого брака, если супруг, объявленный умершим или признанный судом безвестно отсутствующим, вернулся, но только при условии, что другой супруг не вступил в новый брак.

Итак, проанализировав нормы СЗРИ и СК РФ, мы выявили, что в семейном праве России XIX века в отличие от современного законодательства брачный возраст для мужчины и женщины был разным. Такое условие заключения брака, как разрешение родителей, в СК отсутствует, однако необходимость согласия самих брачующихся сохраняется в обоих памятниках права. Приоритетными остаются вопросы о запрете бракосочетания между родственниками, а также иные ограничения, связанные с наличием уже заключенного брака и расстройством здоровья супруга.

Однако в СК РФ исчезают препятствия, связанные с нахождением супруга в исправительных учреждениях и с возможностью заключения только 3 браков в течение жизни. Современный брак носит светский характер, в отличие от XIX века, когда он заключался в церкви с привлечением священника. Институт брака в современном законодательстве носит более либеральный характер. В СК РФ закрепляется возможность расторжения брака по собственному желанию, а в XIX веке это можно было сделать только при наличии строго определенных причин, связанных, например, с безвестным отсутствием супруга. СЗРИ основывался на моральных принципах, закрепив прелюбодеяние, как основание для развода.

В современном законодательстве женщина получила защиту и гарантию сохранения брака в период беременности и в течение года после рождения ребенка. Преемственным остается вопрос естественного прекращения брака, которое происходило со смертью одного из супругов. В СК РФ закрепляются альтернативные способы расторжения брака через суд или ЗАГС, прописываются строго определенные условия, связанные с наличием несовершеннолетнего ребенка и других спорных вопросов, при которых судебное разбирательство необходимо. Современное законодательство более гибкое, оно предусматривает возможность восстановления брака в случае объявления безвестно отсутствующего супруга.

СК РФ обязал суд принимать меры к оздоровлению и восстановлению брака, что является прогрессивным моментом. Считаю, чтобы уменьшить число разводов, нужно вернуться к дореволюционной модели брака, запретив его расторжение по собственному желанию. Для обеспечения благополучия лиц в браке, необходимо установить определенную допустимую разницу в возрасте брачующихся, закрепив при этом верхний возрастной предел.

Таким образом, некоторые нормы перешли из СЗРИ в СК РФ, но появилось и много новых положений, отражающих особенности жизни современного общества и сохраняющих опыт прошлых времен, способствующих более совершенному правовому регулированию. Кроме того, вырос уровень законодательной техники, важной для грамотного формулирования норм и удобства их реализации.

Э. В. МИЛЫХ

студентка 3 курса
Сочинского государственного
университета

ИНСТИТУТ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН

Статья посвящена анализу такой инновационной для России формы социального обслуживания как приемная семья для пожилых граждан, а также рассматриваются актуальные проблемы развития данного института и способы их решения.

Ключевые слова: формы социального обслуживания, приемная семья для пожилых граждан, Центр, пожилой гражданин, лицо, желающее оказывать социальные услуги.

Пожилые люди являются одной из наиболее уязвимых групп населения, и, как правило, граждане пожилого возраста, состояние которыхотягощено заболеваниями, инвалидностью, отсутствием семьи, могут рассчитывать исключительно на государственную помощь и поддержку. Это определило актуальность создания и развития в нашей стране специализированных учреждений, предназначенных для жизни в них пожилых и нетрудоспособных людей, - домов-интернатов. Однако исследователи отмечают, что при поступлении на проживание в учреждение социального обслуживания пожилой человек оказывается в психологически тяжелом положении, что связано с изменением его привычной деятельности, некоторым ограничением свободы, недостатком возможностей для выражения индивидуального выбора или личной ответственности, явлением госпитализма.

Анализ потребностей современных пожилых людей наглядно демонстрирует, что традиционные формы социального обслуживания устраивают их не в полной мере, что определяет необходимость разработки и внедрения новых альтернативных форм устройства пожилых людей, которые бы способствовали улучшению уровня и качества их жизни. В качестве альтернативы предлагается инновационная для России технология приемной семьи для граждан пожилого возраста, целью которой является обеспечение достойного образа жизни и преодоления одиночества пожилым человеком в кругу приемной семьи. Несомненным положительным моментом такой формы социального обслуживания является не только участие государства, но и задействование гражданского общества. Опыт успешного внедрения института приемной (фостерной, замещающей) семьи для граждан пожилого возраста с условием оплаты государством предоставляемых услуг присутствует в таких иностранных государствах как США, Великобритании, Швейцарии, Франции и ряде других.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека¹. Одно из направлений реализации данного конституционного принципа является создание проекта «Приемная семья для пожилых людей», который нашел свое отражение в целевых программах и региональном законодательстве более чем тридцати субъектов России, включая Оренбургскую, Белгородскую, Омскую, Челябинскую, Владимирскую и Московскую области, Пермский, Красноярский и Краснодарский края, активно внедряется на территории Татарстан и Башкортостан.

¹ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. №37-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

По мнению исследователя И. Н. Бондаренко, единое понимание приемной семьи для граждан пожилого возраста еще не сложилось¹. На наш взгляд, это связано в первую очередь с тем, что после запуска проекта государством не было предпринято никаких попыток для законодательного урегулирования приемной семьи для пожилых граждан. Следует отметить, что и Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»² не называет приемную семью для пожилых граждан как форму социального обслуживания.

Попытки проработать данный вопрос произошли после направления 18 февраля 2008 г. региональным органам социальной защиты населения письма Минздравсоцразвития России «О практике приемных семей для граждан пожилого возраста», в котором запрашивалась информация о распространении данной формы социального обслуживания в регионах. Предполагалось, что полученная информация поспособствует разработке предложений в законодательство России, однако все закончилось только сбором информации³.

Как было сказано ранее, проект «Приемная семья для пожилых людей» нашел свое отражение в региональном законодательстве, что обусловлено п. «ж» ст. 72 Конституции РФ, в соответствии с которой вопросы социальной защиты населения — предмет совместного ведения РФ и субъектов⁴.

Однако отсутствие законодательной и методологической базы привело к бессистемности в организации приемных семей для пожилых граждан в регионах. В первую очередь регулирование данного вопроса в регионах осуществляется разными нормативно-правовыми актами: региональными законами, постановлениями администрации субъекта Федерации, приказами региональных органов социальной защиты населения, решениями органов местного самоуправления. В разных субъектах Федерации приемные семьи создаются на разных условиях и осуществляют свою деятельность в различных вариациях. Многие региональные законы требуют доработки и детализации некоторых аспектов функционирования приемной семьи для пожилых граждан.

Наиболее грамотным следует признать правовой подход, который реализован в Республике Саха (Якутия), Архангельской, Воронежской и Самарской областях, а также Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, где приняты не только законы, но и соответствующие подзаконные акты с детальным описанием технологий создания и функционирования приемных семей для пожилых граждан.

Алгоритм оформления приемной семьи для пожилых граждан в регионах является практически одинаковым, за исключением ряда деталей, которые могут регламентироваться региональным законодательством отдельного субъекта. В большинстве своем нормативно-правовые акты, регулирующие процесс оформления приемной семьи для пожилых граждан, включают в себя основную терминологию, принципы и порядок организации приемной семьи, а также соответствующий контроль за надлежащим исполнением социальных услуг приемными семьями.

¹ Бондаренко И. Н. Модели «приемной семьи для граждан пожилого возраста» в субъектах Российской Федерации // Социальная работа. 2012. №1. С. 4.

² Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2013. №52. Ст. 7007; СЗ РФ. 2014. №30. Ст. 4257.

³ Васильчиков В. М., Чикарина Л. Я. Приемная семья для пожилого человека: государственная политика и региональная практика // Труд и социальные отношения. 2013. №10. С. 17.

⁴ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. №37-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

Обязательным условием является заключение договора между специализированным учреждением социального обслуживания (далее - Центр), лицом, желающим оказывать социальные услуги, и пожилым гражданином. Полномочия по созданию приемных семей находятся в ведении исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, исполняющих функции по социальной защите населения, а также у учреждений социального обслуживания. Договор содержит права и обязанности сторон, регулирует имущественные отношения между пожилым гражданином и лицом, оказывающим социальные услуги, формирование и расходование бюджета приемной семьи.

В целях контроля за оказанием социальных услуг и предотвращения мошенничества Центром могут осуществляться плановые и внеплановые проверки, формироваться комиссии по рассмотрению споров и конфликтных ситуаций, связанных с социальным обслуживанием граждан пожилого возраста. В договоре отдельным пунктом прописывается ответственность сторон, однако, на наш взгляд, является целесообразным включить в договор не просто общую формулировку, а ссылку на соответствующие статьи законодательства.

В настоящее время данная форма не нашла масштабного применения, поэтому ее популяризация возможна только в случае разработки федеральной нормативно-правовой базы с учетом опыта регионов. Разработка и принятие специального Федерального закона разрешит возникающие противоречия и неясности, урегулирует проблемные вопросы при создании приемной семьи, а признанные на законодательном уровне общероссийские стандарты качества и контроля жизни пожилых людей в приемных семьях позволят снизить возникающие в связи с данной формой обслуживания риски.

Более того, как считают А. Ю. Стреленко и И. В. Патрушева, приемная семья для пожилого человека не выступает в качестве универсальной социальной технологии, но целесообразность внедрения такой формы обусловлена тем, что она способна разрешить множество проблем пожилого человека, в числе которых одиночество, социальная изоляция, потеря способности к самообслуживанию, материальная необеспеченность¹.

Исследования показывают, что приемная семья для пожилых людей — малоизвестное явление в обществе, в связи с чем следует проводить работу по актуализации данной формы социального обслуживания, привлечению внимания общества к проблеме одиночества пожилых людей и формированию положительного мнения об устройстве одиноких престарелых людей в семьи замещающего типа. Опыт зарубежных стран и отдельных субъектов Российской Федерации наглядно показывает, что распространение приемных семей для пожилых людей способствует укреплению института семьи в целом и связи поколений, возрождению традиций взаимопомощи и семейной заботы о старшем поколении, профилактике социального одиночества.

Конечно, в настоящее время регламентирование данного института является еще не до конца оформленным с законодательной точки зрения, встречаются случаи мошенничества со стороны людей, берущих пожилого человека в семью, присутствует факт психологической несовместимости членов приемной семьи и пожилого человека. Однако, несмотря на некоторые проблемы, анализ нынешней практики существования приемных семей для пожилых граждан показывает, что внедрение данного института в сферу социальной жизни имеет много положительного, в частности:

¹ Стреленко А. Ю., Патрушева И. В. Приемная семья как форма жизнеустройства пожилых людей // Материалы II Международной научно-практической конференции «Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности». 2013. С. 322.

уменьшение очереди на стационарное социальное обслуживание;
решение проблемы одиночества пожилых граждан;
получение более качественного социального обслуживания;
гуманизация отношений в конкретной семье и в обществе целом;
развитие института гражданского общества.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что институт приемной семьи для пожилых граждан, несмотря на ряд проблем, имеет перспективы развития и выступает в качестве одной из важных и прогрессивных форм социального обслуживания. Опыт последних лет показывает, что в субъектах Российской Федерации данный институт пользуется все большей популярностью, и с каждым годом число приемных семей возрастает, что свидетельствует, во-первых, о востребованности такого института, и, во-вторых, о повышении уровня гражданского самосознания людей. В целях популяризации приемной семьи для пожилых граждан необходимо разработать Федеральный закон, который бы установил единую процедуру и единую форму договора для оформления приемной семьи, а также урегулировал все существующие противоречия, учитывая положительный опыт ряда регионов.

И. С. МЕЖАКОВ,

Р. А. СМАКАЕВА

студенты 3 курса

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной Прокуратуры

Российской Федерации

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассмотрено понятие персональных данных работника в аспекте современного подхода законодателя, а так же выявлен ряд актуальных проблем, связанных с их защитой. Предложены некоторые варианты решения возникающих проблем, которые могли бы повысить эффективность защиты данной информации.

Ключевые слова: трудовое право, персональные данные работника, проблемы защиты персональных данных.

В век, когда информация является одним из основных ресурсов человечества, проблемы её защиты актуальны как никогда. Данное суждение справедливо и для сферы трудовых отношений. Во-первых, это обусловлено спецификой данной сферы, вызывающей объективную необходимость у работника раскрыть значительную часть персональных данных для работодателя. Во-вторых, важный институт защиты персональных данных появился в трудовом праве значительно недавно, став новацией в трудовом законодательстве¹. Во многом это связано с иным, отличным от современного, подходом к правовому режиму персональных данных работника. Господствовавший долгое время ленинский завет о том, что «в хозяйстве нет ничего частного», явился причиной чрезмерного вмешательства в частную жизнь, например, формы листка по учету кадров, анкеты содержали

¹ Лушников А. М. Защита персональных данных работника: сравнительно-правовой комментарий гл. 14 Трудового кодекса РФ // Трудовое право. 2009. № 10. С. 77-82.

вопросы о социальном происхождении, партийности и иные, которые никак не характеризовали человека как работника, а также наличия большого круга лиц, имевшего доступ к персональным данным¹. С изменением общества на первый план выдвинулся приоритет охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленный Конституцией РФ 1993 г, в связи с чем подход к обработке и хранению персональных данных изменился, возникли серьезные проблемы в сфере защиты персональных данных.

Проанализировав положения главы 14 Трудового Кодекса Российской Федерации (Далее – ТК РФ), выделим несколько принципов, соблюдение которых является гарантией защиты персональных данных работника:

- строго целевой характер;
- обеспечение конфиденциальности полученных данных;
- свободный доступ работника к своим персональным данным;
- достоверность полученной непосредственно от самого работника информации;
- строгая система допуска минимально необходимого числа должностных и иных лиц организации-работодателя, а также третьих лиц к персональным данным работника.

Проблемы, возникающие при защите персональных данных, мы разделили на три группы: возникающие из-за недостаточного правового регулирования, организационные и технические.

Основной проблемой, которая относится в первой группе, является неконкретизированный перечень персональных данных работника, который может затребовать работодатель. До 2013 года ТК РФ содержал статью 85, в которой персональные данные определялись как информация, необходимая работодателю в связи с трудовыми отношениями и касающаяся конкретного работника, однако она утратила силу. Таким образом, кодекс отсылает нас к ст. 3 ФЗ «О персональных данных»², где они трактуются как «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Следует признать, что такое определение является довольно общим. Данный факт часто является причиной того, что работодатель, основываясь на данной норме закона, часто запрашивает информацию более широкого объема, чем это необходимо.

А.М. Лушников, исследуя данную проблему, также обращает внимание на то, что ст. 86 ТК РФ³ содержит обязательное условие о целевом характере запрашиваемой информации. Он отмечает, что сейчас сложилась следующая практика: перед заключением трудового договора работник подписывает акт согласия на обработку персональных данных, которые включают в себя необходимые по закону и те, которые могут потребоваться в процессе трудовых отношений, т.е. неконкретизированные⁴.

Таким образом, согласие заключается на перспективу, что нарушает основные требования о том, что согласие на обработку персональных данных должно быть конкретным, информированным и сознательным. По мнению Лушникова, эти данные не могут определяться родовыми или даже видовыми признаками. Это значит, что в акте о согласии могут указываться только конкретные персональные данные

¹ Там же. С. 77-82.

² Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»// Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ. // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

⁴ Лушников А.М. Неприкосновенность частной жизни и персональные данные в сфере трудовых отношений: стратегия правотворчества в контексте мирового опыта. // Юридическая техника. 2015. №9. С. 410 – 417.

конкретного работника. Данные положения действующего законодательства создают проблемы в правовом регулировании защиты персональных данных работника, давая размытое определение, какие же персональные данные необходимо работодателю для эффективного взаимодействия работника, при этом без чрезмерного вмешательства в частную жизнь¹.

Однако мы понимаем, что многообразие жизни не всегда дает возможность предугадать будущее, и установление полного исчерпывающего перечня персональных данных работника затруднительно. Тогда целесообразнее установить перечень таких данных, которые работодатель не может затребовать у работника. И, как мы видим, законодатель выбрал именно этот путь решения данной проблемы: в п. 4 ст. 86 ТК РФ² установлено, что работодатель не имеет права запрашивать и обрабатывать специальные категории персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной; а также п. 5 указанной статьи ограничивает возможность получать информацию о членстве работника в общественных объединениях и его профсоюзной деятельности.

Таким образом, решение указанной проблемы видится в необходимости установления перечня таких персональных данных, которые бы работодатель не мог потребовать у работника, чтобы устранить возможность вмешательства в его частную жизнь.

Обратим внимание на еще одну проблему: недостаточно строгую ответственность, определенную законодателем за нарушение правил работы с персональными данными. Ст. 90 ТК РФ³ устанавливает дисциплинарную, материальную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность. Проанализировав судебную практику, можно отметить, что до 2017 года подобные правонарушения чаще всего квалифицировались по статье 13.11 КоАП РФ⁴ как нарушения установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных), санкции за которые являлся незначительный, на наш взгляд, штраф. Однако с февраля 2017 г. законодатель ужесточил ответственность за аналогичные нарушения. Иной проблемой правового регулирования ответственности является отсутствие нормы в Уголовном Кодексе РФ (Далее – УК РФ), непосредственно предусматривающей нарушение правил сбора, обработки, хранения персональных данных. Ст. 137 УК РФ, предусматривающая нарушение неприкосновенности частной жизни, затрагивает данный вопрос лишь косвенно, и суды редко удовлетворяют иски по данной статье, связанные с персональными данными.

Следующий аспект связан с организацией защиты персональных данных работника. Ю.П. Орловский, основываясь на нормах ТК РФ, отмечает, что важной обязанностью работодателя является обязанность обеспечить за счет собственных средств защиту персональных данных от неправомерного использования и утраты. Для этого он должен принимать различные меры по организации эффек-

¹ Лушников А.М. Неприкосновенность частной жизни и персональные данные в сфере трудовых отношений: стратегия правотворчества в контексте мирового опыта. // Юридическая техника. 2015, №9. С. 410 - 417.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ// Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

³ Там же.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

тивной системы защиты персональных данных работника, которые бы исключали возможность несанкционированного доступа к ним, где состав и перечень данных мер он определяет сам¹.

Важной особенностью защиты персональных данных является то, что основные требования устанавливаются на уровне федерального закона, а конкретные меры и порядок должны быть детализированы на локальном уровне отдельной организации. В связи с этим выделим следующую проблему защиты персональных данных работника – непринятие работодателем локального нормативного акта (чаще всего это Положение), регулирующего порядок работы с персональными данными работников.

Обязанность принятия такого акта исходит из положений статьи 87 ТК РФ², где сказано, что порядок хранения и использования персональных данных работников устанавливается работодателем с учетом требований ТК РФ и иных федеральных законов. Таким образом, подразумевается регулирование порядка обработки персональных данных работников локальными нормативными и иными актами. Отсутствие данного локального нормативного акта создает потенциальную угрозу нарушения прав работников и чаще всего квалифицируется государственным и иным органом государственного контроля / надзора (например, Федеральной инспекцией труда) как нарушение работодателем трудового законодательства³. Это подтверждается судебной практикой.

Так, прокуратурой Новоселицкого района Ставропольского края проведена проверка исполнения трудового законодательства, в ходе которой было установлено, что обществом с ограниченной ответственностью «ИР» (далее - Общество) в нарушение требований ст. 87 Трудового кодекса Российской Федерации и ч. 5 ст. 18 Закона № 152-ФЗ не разработан и не утвержден акт, регламентирующий порядок хранения и использования персональных данных его работников, что не отвечает принципам, условиям обработки и конфиденциальности персональных данных, предусмотренных ст.ст. 5-7 Закона № 152-ФЗ. Отсутствие порядка хранения и использования персональных данных ее работников недопустимо и свидетельствует о несоблюдении одной из наиболее важных обязанностей работодателя, предусмотренной федеральным законодательством, что может повлечь за собой нарушение прав работников. Новоселицкий районный суд Ставропольского края решил исковое заявление прокурора удовлетворить и обязать Общество в течение месяца со дня вступления решения по данному гражданскому делу в законную силу разработать и утвердить порядок хранения и использования персональных данных его работников⁴.

Обратим внимание, что угрозу защите персональных данных работника создают также непринятие работодателем приказа, устанавливающего четко определенный круг лиц, имеющих доступ к персональным данным, и объем доступа таких лиц.

Еще одной проблемой является часто проявляющееся на практике злоупотребление работодателем своими правами. Например, работодатель не всегда использует соответствующие закону методы получения персональных данных, такие, как установление видеонаблюдения или мониторинг страниц работника в Интернете.

¹ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). Отв. редактор Орловский Ю.П. ИНФРА-М, 2014// Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ// Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

³ Овсянникова Е. В. Насколько эффективна защита персональных данных работников. //Трудовое право, 2013 №2. с. 91 - 102

⁴ Решение Новоселицкого районного суда Ставропольского края по делу № 2-470/2016 от 26 июля 2016 г. // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

К третьей группе проблем мы отнесли недостаточность финансирования мероприятий, связанных с защитой персональных данных работника. Бюджетные предприятия не получают достаточно денежных средств от государства, а частные просто не хотят тратить лишние деньги на подобные мероприятия. Из-за этого отсутствует возможность устанавливать надежные системы защиты информации или создавать специальную службу.

Подводя итог, необходимо отметить важность реализации мер по защите персональных данных работника. В первую очередь, институт защиты в трудовом праве требует совершенствования в сфере правового регулирования. Это позволит обеспечить более эффективное осуществление защиты персональных данных работника на практике в деятельности отдельно взятой организации. При решении проблем защиты персональных данных нужно учитывать как интерес работодателя, заинтересованного в поддержании эффективности трудового процесса, обеспечении сохранности своего имущества и безопасности внутрикорпоративной информации, так и работника, который предоставляя значительный объем своих персональных данных, надеется на их эффективную защиту от незаконного доступа третьих лиц и распространения.

Таким образом, решение проблем, возникающих при защите персональных данных работника, должно основываться на установлении баланса двух групп интересов и легального закрепления границ вмешательства работодателя в частную жизнь своих сотрудников.

Л. Г. СТРЕЛКОВА

магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ТРУДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются проблемы трудоустройства и правового регулирования труда несовершеннолетних, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, трудовой договор, рабочее время.

Несовершеннолетние лица склонны стремиться к самостоятельности, ни от кого не зависеть, в первую очередь в материальном плане. Даже если родители выделяют достаточно средств несовершеннолетним, им все равно хочется иметь свои собственные деньги и расходовать их по своему усмотрению, в связи с чем, они пытаются находить различные варианты источника доходов.

На данный момент в России труд несовершеннолетних используется недостаточно активно из-за сложности законодательного регулирования процедуры их приема на работу, большого количества документов, обязательных к предоставлению при трудоустройстве.

Необходимо отметить, что в 2016 году в целях поиска подходящей работы за предоставлением государственной услуги по организации временного трудоустройства обратилось 10 959 граждан, зарегистрированных в ГАУ ЦЗН Санкт-Петербур-

га, в том числе 10726 – несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет. Трудоустроено на временную работу 10 450 несовершеннолетних граждан¹. Это подтверждает то, что данная категория населения заинтересована в работе, но, к сожалению, доступ к трудоустройству открыт только в крупных городах.

Трудоустройство несовершеннолетних организуется в течение всего календарного года, но больше всего в летний период. Некоторые работодатели охотно принимают несовершеннолетних на работу, однако оформлять их согласно всем требованиям законодательства не хотят по многим причинам. Например, из-за отсутствия у них квалификации и повышенными требованиями к условиям труда подростков².

С несовершеннолетними, участниками летних временных работ работодатель, как правило, заключает срочный трудовой договор. В нем прописываются права и обязанности сторон, виды и объемы работ, условия труда, рабочее время и т.д.

При трудоустройстве несовершеннолетних учитывается возрастной критерий. Так, по общему правилу трудовой договор заключается с лицами, достигшими 16-летнего возраста. Для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью, могут заключать трудовой договор и лица 15-летнего возраста, получившие или получающие общее образование. С согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства трудовой договор может быть заключен с лицом, получающим общее образование и достигшим возраста 14 лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью и без ущерба для освоения образовательной программы (ч. 3 ст. 63 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ))³.

Таким образом, в соответствии с ТК РФ для заключения трудового договора с несовершеннолетним, достигшим возраста 14 лет, достаточно согласия только одного из родителей. Однако данная норма входит в противоречие с семейным законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 61 Семейного кодекса РФ родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей, являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (ст. 64 СК РФ), поэтому, если другой родитель полагает, что выполняемая работа негативно влияет на здоровье ребенка, то он вправе требовать расторжения договора⁴. Возможно, законодателю стоило бы закрепить в ТК РФ требование о получении согласия на работу двух родителей.

При трудоустройстве работодатель вправе затребовать у работника, в том числе и несовершеннолетнего, необходимые документы, но нередко работодатели при приеме на работу несовершеннолетних истребуют документы, не предусмотренные законом, что нарушает требования ст. 65 ТК РФ. Например, на сайте муниципального образования «Литейный округ» г. Санкт-Петербурга есть перечень документов, необходимых для трудоустройства подростков от 14 лет: паспорт; ме-

¹ Итоги 2016 года. Временное трудоустройство [Электронный ресурс] // Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга. URL: <http://ktzn.gov.spb.ru/sodejstvie-zanyatosti-naseleniya/organizaciya-vremennogo-trudoustrojstva/#glaval> (дата обращения: 08.02.2017).

² Шаповал Е. А. Пятая четверть // Главная книга. 2006. № 14. С. 3.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

дицинская справка; реквизиты к банковской карте Сбербанка РФ; СНИЛС; трудовая книжка (если нет – приобрести в канцелярском магазине); справка из образовательного учреждения; письменное разрешение родителей или опекуна (обязательно прилагается копия паспорта родителя или опекуна) – только для 14-летних подростков; разрешение из органов опеки и попечительства муниципального образования (только для 14-летних подростков); если есть ИНН¹.

В приведенном выше объявлении мы можем выявить следующие нарушения трудового законодательства. Работодатель требует приобретения трудовой книжки, в то время как «оформление трудовой книжки работнику, принятому на работу впервые, осуществляется работодателем в присутствии работника не позднее недельного срока со дня приема на работу»². То есть наличие трудовой книжки должен обеспечить работодатель.

Кроме этого, в соответствии со ст. 63 ТК РФ родители не должны предоставлять именно «письменное разрешение», закон с них требует «документально подтвержденное согласие». При этом можно предоставлять не только паспорт, но и иной документ, удостоверяющий личность. Подобные нарушения нормы трудового законодательства требуют от контролирующих и надзирающих органов особого внимания и проведения проверок.

Сам процесс приема на работу состоит из двух этапов – прохождения обязательного предварительного медосмотра (за счет работодателя) и заключения трудового договора, с изданием приказа о приеме на работу несовершеннолетнего. Без медицинского заключения по результатам медосмотра, где будет указано, что у подростка не выявлено противопоказаний к конкретной работе, его нанимать нельзя. В противном случае работодателю грозит штраф от Гострудинспекции³. За нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права для предпринимателей установлена административная ответственность в виде штрафа от 1 до 5 тыс. руб. либо приостановки деятельности на срок до 90 суток⁴.

Работодатель должен ознакомить работника с правилами внутреннего трудового распорядка, иными локальными актами организации, провести инструктаж по охране труда. Работодатели очень часто не выполняют данных требований, так как не видят в этом необходимости.

Перечень работ, на которых нельзя применять труд работников, не достигших возраста 18 лет, утвержден постановлением Правительства РФ № 163⁵, а нормы нагрузок определены постановлением Минтруда и соцразвития РФ. № 7⁶. Очень

¹ Список документов, необходимых для трудоустройства подростков от 14 лет [Электронный ресурс] // Литейный округ. Муниципальное образование. URL: <http://www.liteiny79.spb.ru/trudoustrojstvo/spisok-dokumentov-dlya-trudoustrojstva> (дата обращения – 08.02.2017)

² Постановление Правительства РФ от 16.04.2003 № 225 (ред. от 25.03.2013) «О трудовых книжках» (вместе с «Правилами ведения и хранения трудовых книжек, изготовления бланков трудовой книжки и обеспечения ими работодателей») // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

³ Суховская М.Г. «Рабочие» каникулы // Главная книга. 2014. № 12. С. 5

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ ст. 5.27 (ред. от 07.02.2017) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

⁵ Постановление Правительства РФ от 25.02.2000 № 163 (ред. от 20.06.2011) «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

⁶ Постановление Минтруда России от 24.10.2002 № 73 (ред. от 14.11.2016) «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

часто работодатели нарушают данные нормы, привлекая несовершеннолетних к подобным работам, что является нарушением требований охраны труда.

Запрещено трудовым законодательством допускать несовершеннолетних к работе в ночное время, сверхурочной работе, в выходные и нерабочие праздничные дни. Письменные договоры о полной материальной ответственности работников с ними не заключаются, соответственно нельзя допускать таких работников к работе с денежными, товарными ценностями или иным имуществом. Особенно родителям необходимо быть внимательными: трудовая деятельность несовершеннолетних имеет свои особенности и нюансы, и нужно следить, чтобы были соблюдены все необходимые условия трудовой деятельности их детей, и своевременно выплачивалась заработная плата.

Доходы несовершеннолетних граждан, принимающих участие во временных работах, складываются из двух частей: заработной платы за счет средств работодателей и материальной поддержки за счет средств местного бюджета, которая выплачивается центром занятости населения. Например, средняя зарплата несовершеннолетних работников в 2016 году составила около 10 тыс. рублей¹. Работодатель может устанавливать этим работникам доплаты к заработку за счет собственных средств².

Летом 2015 года прокуратура Амурской области проверила соблюдение трудовых прав несовершеннолетних и установила, что на временных работах в регионе в летний период было трудоустроено более 700 несовершеннолетних. Прокуратура выявила факты невыплаты в день прекращения трудового договора заработную плату 88 несовершеннолетним, работающим подсобными рабочими, помощниками воспитателя (вожатыми) в 9 образовательных учреждениях города. По итогам проверки несовершеннолетним выплачена задолженность по заработной плате на общую сумму более 120 тыс. рублей³. Так детей часто обманывают и не выплачивают обещанной зарплаты. Такой «первый трудовой опыт» может сыграть отрицательную роль в дальнейшей судьбе несовершеннолетнего и даже может закрепить в его сознании мысль о том, что честным путём заработать нельзя.

Очень часто на практике возникает следующий вопрос: каким образом высчитывается продолжительность рабочего времени для несовершеннолетних, если они работают во время летних каникул? Ведь, как мы знаем, работодатель обязан устанавливать сокращенное рабочее время для несовершеннолетних, при этом на половину меньше для тех, кто совмещает работу с учебой. Учебный год в образовательных организациях начинается 1 сентября и заканчивается в соответствии с учебным планом соответствующей общеобразовательной программы⁴. Документальным основанием для сокращенного рабочего времени будут справка из образовательного учреждения о том, что несовершеннолет-

¹ О трудоустройстве несовершеннолетних в летнее время [Электронный ресурс] // Новости Центрального района Санкт-Петербурга. URL: <http://www.news-centre.ru/news/2016-07-04/o-trudoustroystve-nesovershennoletnikh-grazhdan-v-letnee-vremya/> (дата обращения – 08.11.2016)

² Сувернева А. И. Летняя работа школьников // Отдел кадров коммерческой организации. 2013. № 7. С. 11

³ Органы прокуратуры Амурской области выявили более 100 нарушений законности в сфере летней трудовой занятости несовершеннолетних [Электронный ресурс]// Прокуратура Амурской области. URL: http://prokamur.ru/news_cont.php?idnews=5371 (дата обращения – 08.11.2016)

⁴ Приказ Минобрнауки России от 30.08.2013 № 1015 (ред. от 17.07.2015) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам - образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»// КонсультантПлюс. ВерсияПроф[Электронный ресурс].Электрон. дан. [М., 2017].

ний там обучается, и его учебное расписание, утвержденное руководителем образовательного учреждения. По общему правилу во время летних каникул продолжительность рабочего времени у учащихся такая же, как у тех несовершеннолетних, которые не учатся. Продолжительность рабочей недели работников в возрасте от 15 до 16 лет составляет не более 24 часов, а смена не более 5 часов в день, в возрасте от 16 до 18 лет - не более 35 часов, а смена не более 7 часов в день. После летних каникул продолжительность рабочего времени сокращается.

Несовершеннолетнему не имеют право устанавливать испытательный срок. Уволить его могут лишь по собственному желанию или при ликвидации фирмы или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем. В остальных случаях для расторжения трудового договора, помимо соблюдения общего порядка, требуется согласие комиссии по делам несовершеннолетних и государственной инспекции труда. Допускается, что существует пробел в законодательстве: учитывая, что несовершеннолетние в возрасте 14 лет могут вступать в трудовые правоотношения и заключать трудовой договор только с согласия одного из родителей (опекуна, попечителя) и органа опеки и попечительства, было бы логичнее предусмотреть обязанность работодателя информировать указанных лиц об увольнении несовершеннолетнего работника. Но пока в законе об этом речи нет.

Труд – главная сфера самореализации личности. Главная, но не единственная¹. И если несовершеннолетние не будут приобщаться к труду, получать навыки трудовой активности, то они будут реализовывать себя в девиантном поведении.

¹ Боженко Ю. Г. Летняя занятость подростков // Пламя. 2013. № 19. С. 13.

IV

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО - ПРАВОВОЙ НАУКИ

Р. Н. АЛМАКАЕВ
студент 4 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной Прокуратуры
Российской Федерации

ЭКСТРЕМИЗМ В ИНТЕРНЕТЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА

Статья посвящена анализу процесса адаптации норм антиэкстремистского законодательства к условиям современных информационных технологий. Рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением мер по противодействию радикальной деятельности в сети Интернет.

Ключевые слова: понятие экстремизма, антиэкстремистское законодательство, экстремизм в Интернете.

Очевидно, что на сегодняшний день распространение информации в сети Интернет приобрело глобальный характер. По данным исследовательского центра GfK¹, в 2015 году Интернет-аудитория в России увеличилась на 4 миллиона пользователей и теперь составляет 84 миллиона (70,4% от населения страны). При этом проникновение Интернета в возрастную категорию лиц от 16 до 29 лет составляет 97%.

Такая тенденция роста распространения информационных технологий приводит к изменению характера преступлений, изменению форм их осуществления. Наиболее актуальной и серьезной, с учетом массовой аудитории, сегодня является проблема использования Интернет-ресурсов в целях пропаганды идей

¹ Исследование GfK: за 2015 год Интернет-аудитория в России увеличилась еще на 4 млн. человек [Электронный ресурс] // GfK GROUP: исследовательский центр. URL: <http://goo.gl/Pxijqs> (дата обращения: 28.08.2017).

терроризма и экстремизма, распространения экстремистских материалов. Соответственно, появляется потребность в новых способах противодействия и профилактики данных противоправных проявлений.

Указанная тенденция отчетливо проявляется в Федеральном списке экстремистских материалов, который публикуется Минюстом России¹. Так, в конце августа 2016 года список включал в себя 3818 материалов. За период с 2013 по 2014 год список приобрел 474 материала, из которых 329 (70%) – размещены в сети Интернет, в следующем году (2014-2015) из 648 новых единиц – 477 (73%), за последний год (2015-2016) из 656 – 608 (92%).

Таким образом, все материалы, признанные судом экстремистскими и запрещенные к распространению на территории России за последние 3 года, включают 20% того, что носит материальный характер (брошюры, листовки, книги) и 80% – виртуальный (веб-публикации, видео-, аудиозаписи, фото изображения и т.д.).

Согласно данным аналитического центра «СОВА», в 2015 году из 232 приговоров за публичные высказывания, которые были отнесены к экстремистским, 194 приговора было вынесено за высказывания в Интернете, то есть примерно 84%. В 2014 году – не менее 138 из 165 приговоров, то есть те же 84%. Отметим, что лишение свободы по обвинительным приговорам в 2015 году назначено только 43 (20%) осужденным из 216².

В июне 2014 года Федеральный закон № 179-ФЗ³ внес изменения в Уголовный кодекс России: ч. 2 ст.ст. 280-280.1, ч.1 ст. 282 дополнены словами «информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». В связи с чем, указанные деяния образуют состав, если совершены с использованием сети Интернет – происходит расширение составов.

5 мая 2014 года принят Федеральный закон № 97-ФЗ⁴ (или «Закон о блогерах»), который обязывает авторов Интернет-страниц (с аудиторией более 3000 пользователей в сутки) регистрировать ресурс в Роскомнадзоре и накладывает ряд ограничений. Например, к владельцам сайтов применяются все ограничения, установленные в России для СМИ. Также принят «пакет Ирины Яровой», ужесточающий наказание за терроризм и экстремизм. Эти примеры позволяют показать новый вектор в политике государства, который направлен на обеспечение безопасности российского сегмента Интернет-пространства. Интернет постепенно становится объектом уголовно-правовой защиты.

По итогам первого российского форума «Интернет экономика» (22 декабря 2015 года) Президент России В. Путин подписал ряд поручений ИРИ⁵, в том числе: представить предложения по организации мониторинга информационных

¹ Министерство Юстиции РФ [Электронный ресурс]: Федеральный список экстремистских материалов. URL: <http://goo.gl/MbJH87> (дата обращения: 28.08.2016).

² Наталья Ю. Антиэкстремизм в виртуальной России в 2014–2015 годы [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр «СОВА». URL: <http://goo.gl/sM0ny1> (дата обращения: 08.08.2017).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 N 179-ФЗ // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

⁵ ИРИ – АНО «Институт Развития Интернета» — это единый центр знаний о следующих отраслях: Интернет-технологии, медиа, софт. Осуществляет сбор и обработку статистической и аналитической информации. Ключевой проект - Программа развития российского сегмента сети Интернет и связанных с ней отраслей экономики.

угроз в сети Интернет (Пр-168, п.9), а также представить предложения в законодательство по регулированию обработки данных граждан Российской Федерации в сети Интернет (Пр-168, п.10)¹.

За первые 6 месяцев 2015 года Генеральной прокуратурой РФ и Федеральной службой по надзору в сфере связи более чем с 4500 тысяч страниц была удалена экстремистская информация².

Что же есть экстремизм? Законодательное определение отсутствует, но Федеральный закон № 114-ФЗ³ перечисляет конкретные признаки экстремистской деятельности.

1. Публичность⁴. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 для составов ст. 280 и ст. 282 УК РФ необходима публичность: выраженные в любой форме (в том числе через Интернет) обращения к другим лицам (множественность субъектов) с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела⁵. Исходя из природы Интернет-пространства, становится ясно, что размещение записи на любом ресурсе, независимо от его аудитории, априори предполагает публичность. Факт опубликования в Интернете приравнивается к публичному провозглашению и совпадает с окончанием преступления. Является ли такая позиция обоснованной?

2. Анонимность. Идентификация преступника может быть затруднена специальными прокси-серверами, анонимными браузерами и другими утилитами для незаметного серфинга. В 2015 году в ООН был представлен доклад, который закрепил анонимность и шифрование как гарантии реализации свободы слова и призвал правительства не препятствовать развитию средств шифрования и обеспечения анонимности⁶. Однако 21 июля 2017 года в Государственной Думе в третьем чтении был принят законопроект, запрещающий использовать анонимайзеры — средства для обхода Интернет-блокировок⁷.

Отметим, что Интернет-пользователи в России знакомы со способами скрыть свое присоединение. Так, после начала практики блокировки сайтов по веб-адресам численность анонимного браузера TOR увеличилась с 20 683 (01.10.2012) человек в день до 262 770 (31.01.2016), подняв Россию с 9 на 2 место по посещаемости⁸.

¹ Перечень поручений по итогам первого российского форума «Интернет экономика» [Электронный ресурс] // Институт Развития Интернета. URL: <http://goo.gl/kzW2v8> (дата обращения: 08.08.2017).

² Иван Егоров. Юрий Чайка раскрыл каналы финансирования экстремистов [Электронный ресурс] // Российская газета : выпуск №6763 (192), 2015. 27 авг. URL: <http://goo.gl/Ymkg13> (дата обращения: 08.08.2016)

³ О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

⁴ Алмакаев Р. Н. Признак публичности в уголовном законодательстве: краткий анализ // Молодой ученый. 2017. №11. С. 335-338.

⁵ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

⁶ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, David Kaye [Электронный ресурс] // URL: <http://goo.gl/ADpLBx> (дата обращения: 28.08.2017).

⁷ Закон о запрете анонимайзеров окончательно принят Госдумой [Электронный ресурс] // МИГ Интерфакс URL: <https://goo.gl/121QtG> (дата обращения: 12.08.2017).

⁸ Свобода интернета 2015: торжество цензуры [Электронный ресурс] // Международная правозащитная группа Агора URL: <http://goo.gl/jpbteZ> (дата обращения: 28.08.2017).

Также существуют сложности во взаимодействии с зарубежными Интернет-площадками. Например, за июль-декабрь 2015 года «Facebook» отклонил все 4 запроса со стороны правоохранительных органов РФ на предоставление информации об аккаунтах¹. Аналогично с июля по январь 2015 года «Twitter» отклонил все 82 запроса², а «Google» за период с июля по декабрь 2015 года удовлетворил лишь 7% запросов из 257³.

3. Организационные вопросы, связанные с особенностями использования инструментов Интернет-порталов.

Например, «ВКонтакте» предоставляет возможность сохранять аудио-, видеозаписи. Механизм формирования аудио- и видеoinформации на сайте построен по принципу: материал, загруженный на сайт, становится открытым и доступен в поиске любому другому пользователю. Если только настройками приватности не урегулирован доступ к материалам (например, список аудиозаписей может быть виден только собственнику страницы или включена функция «не выводить при поиске аудиозапись»), то добавление аудио- или видеозаписи даже для личного пользования спровоцирует его распространение (что является основанием для привлечения виновного лица, например, по ст. 20.29 КоАП РФ за распространение экстремистских материалов).

Итак, экстремизм – явление сложное. В его фундаменте заложено большое количество размытых категорий, толкование которых не является однозначным: нация, раса, религия, язык, социальная группа; ненависть, вражда, достоинство, рознь, унижение; конституционный строй, целостность РФ. В этом и заключается проблематика явления. Однако стремительное распространение высоких технологий связывает антиэкстремистскую деятельность с новыми сложностями, сохраняя за собой прежние.

На сегодняшний день отсутствует практика привлечения к ответственности за сохранение медиа-информации даже при наличии признаков состава правонарушения. Неизвестны случаи наказания и за «лайк» (выражение симпатии – ред.) экстремистской информации⁴. Была рассмотрена крупнейшая и доминирующая в России социальная сеть «ВК»: в то же время «лайк» на «Одноклассниках» покажет эту запись в ленте ваших виртуальных друзей, что будет соответствовать признаку публичности.

Доля приговоров за мультимедийные материалы остается значительной⁵. Эффективность противодействия экстремизму в Интернете и правомерность привлечения лиц к ответственности находятся в прямой зависимости от Интернет-грамотности.

Медиасреда, поглощая и без того проблематичное антиэкстремистское законодательство, диктует становление нового уровня противодействия – информационного. Несмотря на значительное количество критических мнений, главным аргументом которых является недопустимость ограничения Интернет-пространства, представляется, что право должно одинаково действовать как в Интернете, так и вне сети. Цензурой такое действие назвать нельзя.

Эффективность права достигается через его паритет с прогрессом.

¹ Facebook: отчет о государственных запросах [Электронный ресурс] // govtrequests.facebook.com URL: <https://govtrequests.facebook.com/country/Russia/2015-H2/#> (дата обращения: 08.08.2017).

² Twitter: transparency report [Электронный ресурс] // transparency.twitter.com URL: <https://transparency.twitter.com/country/ru> (дата обращения: 08.08.2017).

³ Google: transparency report [Электронный ресурс] // google.com URL: <https://www.google.com/transparencyreport/userdatarequests/RU/> (дата обращения: 08.08.2017).

⁴ Некоторые СМИ, утверждают обратное, но только в заголовках: Лента, Медуза, Роскомсвобода и другие.

⁵ Наталья Юдина. Антиэкстремизм в виртуальной России в 2014–2015 годы [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр «СОБА». URL: <http://goo.gl/sM0ny1> (дата обращения: 08.08.2017).

Е. В. КИРЕЕНКОВ

студент 3 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной Прокуратуры
Российской Федерации

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена актуальным вопросам и проблемам применения новой меры уголовно-правового характера – судебного штрафа. Руководствуясь федеральным законодательством, Постановлением Пленума Верховного Суда и примерами судебной практики, автор раскрывает понятие, условия, порядок и основания назначения и прекращения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Ключевые слова: судебный штраф, иные меры уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, уголовное право.

Традиционным для уголовного законодательства многих демократических государств является наличие в них не только мер государственного принуждения (уголовной ответственности и наказания), но и альтернативных мер правового регулирования – институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Заслуженный деятель науки А.И. Рарог определяет освобождение от уголовной ответственности как совокупность юридических норм, предусматривающих допустимость вынесения в отношении лица совершившего преступление, официального акта компетентного государственного органа, освобождающего это лицо от обязанности подвергнуться осуждению от имени государства и претерпеть меры принудительного воздействия в виде наказания¹.

Согласно отчету «Об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел», представленному Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2016 года всего 92 тысячи 127 человек были освобождены от уголовной ответственности в связи с применением мер уголовно-правового характера².

Федеральным законом от 13.06.2016 № 323-ФЗ³ года была введена новая мера уголовно-правового характера, являющаяся основанием для освобождения от уголовной ответственности – судебный штраф. В связи с этим Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) дополнились соответствующими статьями, регламентирующими понятие, условия, порядок, основания назначения и прекращения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Необходимо четко разграничивать понятие судебного штрафа как меры уголовно-правового характера, и штрафа – как одного из видов наказания. Они отличаются друг от друга основаниями назначения, сроками выплат, возможностью предоставления отсрочки, размерами, но самое существенное различие заключается в правовых последствиях – так, лицо, совершившее преступление и освобожденное от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа считается несудимым.

¹ Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. для бакалавров М.: Проспект, 2013. С.159.

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2016 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.07.2017).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Консультант плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М.,2017].

Согласно статье 76.2 УК РФ судебный штраф может быть применен в случае наличия трёх оснований: лицо совершило преступление впервые; совершенное лицом преступление попадает под категорию небольшой или средней тяжести; лицо, совершившее преступление возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред.

Особое внимание следует обратить на постановление Пленума Верховного Суда «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» № 19 от 27 июня 2013 года, в котором указано, что совершение лицом впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не является препятствием к освобождению его от уголовной ответственности на основании статьи 76.2 УК РФ¹.

В соответствии со статьями 104.4 и 104.5 УК РФ судебный штраф – это денежное взыскание, сумма которого не может составлять больше половины от максимального размера штрафа, который предусмотрен соответствующей статьей Особенной части. А в тех случаях, когда штраф не предусмотрен статьей Особенной части, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей. При определении размера судебного штрафа суд в обязательном порядке обращает внимание на тяжесть совершенного преступления, имущественное положение подсудимого или обвиняемого и его семьи, а также на возможность получения им заработной платы или иного дохода. Срок выплаты судебного штрафа назначается судом, а контроль за осуществлением выплаты, возлагается на судебного пристава-исполнителя.

Согласно статье 25.1 УПК РФ судебный штраф может быть назначен в любой момент производства по уголовному делу, но только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу. Данная мера может быть применена судом:

- по собственной инициативе;
- по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа;
- по результатам рассмотрения ходатайства, поданного дознавателем с согласия прокурора.

К числу обязательных условий освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа относится согласие на это лица, совершившего преступление. Если лицо возражает против прекращения уголовного дела и назначения ему судебного штрафа, то производство по уголовному делу будет продолжено в обычном порядке.

Следует обратить внимание на то, что в отличие, например, от освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не является безусловным видом освобождения от уголовной ответственности. Это означает, что в случае с примирением не существует никаких оговорок, которые бы сохраняли возможность уголовного преследования в случае их несоблюдения, а в случае с судебным штрафом – такие оговорки существуют и играют весьма важную роль. Так, если по истечении десяти дней со дня окончания срока уплаты судебного штрафа должник не произведет уплату, то судебным приставом-исполнителем в суд направляется представление об отмене постановления о прекращении уголовного дела и применении меры уголовно-правового характера, для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности².

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19 ФЗ (ред. от 29.11.2016) // Консультант плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан [М., 2017].

² Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229 ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета, № 223, 06.10.2007.

Так как судебный штраф на данный момент является самым «молодым» основанием освобождения от уголовной ответственности, вполне закономерным является тот факт, что судебная практика по данной статье весьма немногочисленна. Из-за относительной новизны этого института, суды неохотно применяют его в ходе вынесения решений по уголовным делам. Так, за период с 01.01.2017 по 01.06.2017 судами общей юрисдикции было вынесено всего 1 101 постановление об освобождении от уголовной ответственности в связи с применением судебного штрафа¹.

На наш взгляд, диспозиция статьи 76.2 УК РФ не совсем совершенна. Например, исходя из оснований применения судебного штрафа, логичным представляется невозможность его применения в том случае, если лицо, совершившее преступление, не возместило ущерб и не загладило иным образом причиненный вред. Отсюда возникает закономерный вопрос: правомерно ли применение судебного штрафа к преступлениям с формальным составом? Современный УК РФ содержит в себе значительное число формальных составов преступлений небольшой и средней тяжести. Такие преступления не предусматривают общественно опасных последствий в виде имущественного (неимущественного) вреда, по таким делам нет потерпевших, следовательно, преступник никак не сможет возместить ущерб или же иным образом загладить причиненный вред. Федеральный судья в отставке Ю.Ю. Магомедгаджи считает, что суд не имеет права прекращать дело с назначением судебного штрафа по преступлениям с формальным составом². Однако же на практике такие случаи нередки.

Например, мировой судья города Владивостока своим постановлением № 1-326/2017 от 1 июня 2017 г. прекратил уголовное дело в отношении М., обвиняемого в незаконном хранении без цели сбыта наркотических средств в значительном размере³. Таким образом, суд прекратил дело, в рамках которого обвиняемым не был возмещен ущерб и заглажен причиненный вред, а, следовательно, отсутствовало одно из трех оснований, необходимых для применения судебного штрафа.

Также для многих правоприменителей до сих пор неясным остаётся значение юридической силы согласия или несогласия потерпевшего на освобождение обвиняемого от уголовной ответственности в связи с применением статьи 76.2 УК РФ. Так, если для применения статьи 76 УК РФ в законе чётко обозначена необходимость примирения сторон и приложения соответствующего заявления от потерпевшего о прекращении уголовного дела, то статья 76.2 УК РФ формально не учитывает позицию потерпевшего по поводу освобождения подозреваемого или обвиняемого от уголовной ответственности. Например, в постановлении мирового судьи Чувашской Республики от 28 февраля 2017 г. по делу № 1-5/2017, указано, что потерпевшая сторона не возражала против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа⁴. А в постановлении мирового судьи г. Тюмени от 26 декабря 2016 г. по делу № 1-365/2016 зафиксировано, что двое из троих потерпевших возражали против ходатайства адвоката о прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа⁵. Однако, как в первом, так и во втором случае уголовные дела в отношении подсудимых были прекращены в связи с применением к ним меры уголовно – правового характера в виде судебного штрафа.

¹ Судебные акты судов общей юрисдикции / Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/?regulardedoc/courtstalk/345> (дата обращения: 19.07.2017).

² Магомедгаджи Ю. Ю. Практика и проблемы применения судебного штрафа // Юридический центр. 2017. № 1 С.13.

³ Постановление о прекращении уголовного дела от 01 июня 2017 г. по делу № 1 326/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://http://sudact.ru/magistrate/doc/lfjnM17mzqlO/> (дата обращения: 27.03.2017).

⁴ Постановление о прекращении уголовного дела от 28 февраля 2017 г. по делу № 1 5/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://http://http://sudact.ru/regular/doc/l5jKWVzBRoLl/> (дата обращения: 24.07.2017).

⁵ Постановление о прекращении уголовного дела от 26 декабря 2016 г. по делу № 1 365/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://http://sudact.ru/magistrate/doc/FssTNdGTedVJ/> (дата обращения: 24.07.2017).

Нераспространенность применения судебного штрафа, на наш взгляд, обуславливается также тем, что даже при наличии всех юридических оснований, прекращение уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа является правом, а не обязанностью уполномоченного на то лица¹. Ведь освобождение от уголовной ответственности с уплатой судебного штрафа, как уже говорилось ранее, не является безусловным видом освобождения от уголовной ответственности. Отсюда следует возможность (в случае неуплаты судебного штрафа в срок без уважительных причин) дальнейшего производства по уголовному делу в общем порядке. Логичным представляется, что для дознавателей, следователей, начальников подразделений дознания, руководителей следственных органов, обладающих согласно УПК РФ правом по своему внутреннему убеждению принимать решение о прекращении уголовного дела, более благоприятным вариантом является направление дела в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением), чем получение уголовного дела обратно в свое производство.

На наш взгляд, несмотря на незначительное применение на практике судебного штрафа, как одного из оснований освобождения от уголовной ответственности, учитывая некоторые трудности, с которыми сталкивается правоприменитель при реализации данной меры, нельзя не отметить положительную тенденцию российского уголовного права, проявляющуюся в непрерывной гуманизации уголовной сферы. Так, с появлением статьи 76.2 УК РФ российское законодательство приобрело еще один механизм освобождения от уголовной ответственности, необходимый для того, чтобы защитить лиц однажды оступившихся и не представляющих реальной опасности для общества.

Е. И. КОНЬШИН

магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной Прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ О СТАДИЯХ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

В статье рассматривается проблема определения стадий убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. Приведены мнения ученых по данному вопросу. Представлена собственная позиция по указанной проблеме, заключающаяся в том, что подготовка и приготовление к совершению убийства, при превышении пределов необходимой обороны невозможны.

Ключевые слова: уголовное право, стадии совершения преступления, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, покушение, приготовление.

Проблема определения стадий совершения убийства при превышении пределов необходимой обороны является одним из наиболее остро-обсуждаемых вопросов среди ученых, занимающихся изучением института необходимой обороны.

К стадиям умышленного преступления относятся стадии возникновения умысла на совершение преступления, принятия решения о совершении преступления, приготовления и покушения на преступление, а также стадия оконченного пре-

¹ Рыжаков А. П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения // Уголовный процесс. 2016. № 10. С.23.

ступления. Стадии возникновения умысла и принятия решения о совершении преступления не являются уголовно наказуемыми, в отличие от приготовления и покушения на преступление.

По нашему мнению, вопрос об ответственности за приготовление к совершению преступления, предусмотренного ч.1 ст. 108 УК РФ, не стоит, так как из прямого указания ч.2 ст. 30 УК РФ следует, что приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести не является уголовно наказуемым, а преступление, предусмотренное ч.1 ст. 108 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести.

Но следует заметить, что если при приготовлении к предполагаемой обороне, которая может иметь место в будущем, лицо совершает какое-либо уголовно наказуемое деяние, например, незаконно приобретает огнестрельное оружие, то оно должно нести ответственность за преступление, предусмотренное соответствующей статьей УК РФ. В случае же, когда лицо осуществляет приготовление к совершению убийства лица под видом необходимой обороны, либо готовится к превышению пределов необходимой обороны от его посягательства, то его действия подлежат квалификации как подготовка к совершению простого или квалифицированного убийства.

Более сложным представляется вопрос о возможности покушения на убийство, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. Сторонники того, что покушение на данное преступление возможно, аргументируют это общим правилом о возможности покушения на любое преступление, совершаемое с прямым умыслом. Такого мнения придерживаются В.Ф. Кириченко¹, К.И. Попов², С.В. Винник³.

А.Ф. Истомин также указывает на возможность покушения на данное преступление, оговариваясь, однако, что оно возможно только при наличии прямого конкретизированного умысла на превышение пределов необходимой обороны путем причинения смерти посягающему лицу⁴.

Сторонники противоположной точки зрения утверждают, что покушение на данное преступление невозможно в связи с тем, что случаи, когда защита от общественно опасного посягательства не причиняет никакого вреда охраняемым правом интересам посягающего лица, не являются необходимой обороной в уголовно-правовом смысле. В таких случаях не возникает состояния необходимой обороны, а, следовательно, не может быть и превышения ее пределов.

Такой точки зрения придерживаются, например, А.Н. Попов⁵, А.Ф. Панфилов⁶, Н.Г. Валдимарова⁷, Н.Н. Паше-Озерский⁸.

Следует заметить, что случаи привлечения лица к ответственности за покушение на убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, в судебной практике встречаются, хоть и достаточно редко. Так, Микущин В.М. ор-

¹ Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.; Л., 1948. С. 79.

² Попов К. И. Уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны / К.И. Попов. Москва : Ин-т бизнеса и политики, 2007. С. 112.

³ Винник С.В. Отдельные вопросы квалификации преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 250.

⁴ Истомин А.Ф. Самооборона: право и необходимые пределы. М.: Норма, 2005. С. 110.

⁵ Попов А.Н. Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ) / А.Н. Попов. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2001. С. 170.

⁶ Панфилов И.П. Причинение вреда жизни и здоровью при превышении пределов необходимой обороны: учебное пособие. Липецк: изд-во ЛГТУ, 2014. С. 50.

⁷ Валдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. с. 102.

⁸ Паше-Озерский, Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву / Н.Н. Паше-Озерский. Москва: Госюриздат, 1962. С. 113.

ганами предварительного расследования был обвинен в преступлениях, предусмотренных ч.1 ст. 108 и ч.3 ст.30, ч.1 ст. 108 УК РФ. Из материалов дела следует, что М.И.В. по предварительной договоренности с Микушиным В.М. стал проживать в его доме. Между Микушиным В.М. и М.И.В. сложились личные неприязненные отношения, в результате которых М.И.В. подговорил А.С.Ю., Б.Е.В., М.К.Е. и П.А.В. ворваться с ним в указанный дом и путем угроз заставить Микушина В.М. написать расписку о бесплатном проживании М.И.В. в его доме. Вышеуказанные лица ворвались в дом и путем избиения и приставления ножа к горлу сына Микушина В.М. пытались заставить его написать расписку. Микушин В.М., опасаясь за жизнь своего сына, взял на чердаке хранившийся там пистолет и произвел выстрел в П. А.В., причинив ему легкий вред здоровью, затем он произвел выстрел в голову Б.Е.В. и А.С.Ю., причинив им смерть, затем Микушин В.М. произвел выстрел в область головы М.И.В., но тот увернулся, в результате чего последствия, на которые рассчитывал Микушин В.М., не наступили по не зависящим от него обстоятельствам¹.

Несмотря на обвинение Микушина В.М. по статьям ч.1 ст. 108 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч.1 ст. 108 УК РФ, суд правомерно не признал действия Микушина В.М. выходящими за рамки необходимой обороны и оправдал его в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Мы солидарны с мнением ученых, утверждающих, что покушение на убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, невозможно. Рассмотрим ч. 2 ст. 37 УК РФ, в которой говорится о том, что превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно несоответствующие характеру и опасности посягательства. Действительно, деяние может быть признано превышающим пределы необходимой обороны только в случае наступления последствий, предусмотренных ч.1 ст. 108 УК РФ. Без наступления таких последствий нельзя говорить о состоянии необходимой обороны в уголовно-правовом смысле, а следовательно, о превышении пределов необходимой обороны и о покушении на нее.

Превышение пределов необходимой обороны – это специфическое преступление, у которого не может быть стадии покушения, так как причинение какого-либо вреда посягающему лицу не является целью этого преступления. Данный вред служит лишь орудием, избранным обороняющимся лицом для достижения своей основной цели – отражения посягательства. Если обороняющееся лицо имеет своей целью именно убийство лица, без цели защиты от осуществляемого им общественно опасного посягательства, то действия обороняющегося подлежат квалификации по общим основаниям, в том числе и как покушение на преступление, предусмотренное ч.1 ст. 105 УК РФ.

По нашему мнению, если оборонительными действиями не причинен реальный вред, то сам факт действий, которые могли привести к смерти посягающего или к причинению тяжкого вреда здоровью, но не привели по независящим от обороняющегося лица обстоятельствам, не обладает той степенью общественной опасности, которая необходима для признания таких действий преступлением.

Согласимся с мнением Тишкевича И.С., который, рассуждая на тему возможности покушения на убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, отмечает, что общественная опасность превышения пределов необходимой обороны, которое могло повлечь смерть нападающего, но причинило ему иное повреждение, заключается не в том, что могла наступить смерть, а в том, что превышением причинен тяжкий вред здоровью посягающего².

¹ Кассационное определение Судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда от 25 августа 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-104263041/>

² Тишкевич, И. С. Условия и пределы необходимой обороны / И.С. Тишкевич. М.: Госюриздат, 1969. С. 128-129.

При причинении посягающему лицу тяжкого вреда здоровью, наличии умысла на убийство и превышении пределов необходимой обороны, квалифицировать данные действия необходимо по ч.1 ст. 114 УК РФ, но только при условии, что причинение тяжкого вреда здоровью в данном случае будет выходить за рамки правомерной обороны. При причинении в таком случае вреда здоровью легкой и средней тяжести, или при причинении вреда здоровью, вовсе не представляющего опасности для здоровья посягающего лица, действия обороняющегося должны быть признаны совершенными в рамках необходимой обороны.

Л. О. ПАВЛОВА

магистрант 2 курса
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ «РЕАНИМАЦИИ» КАТЕГОРИИ НЕОСТОРОЖНЫХ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье предлагается ввести неосторожные деяния в категорию тяжких преступлений, главным образом, в связи с высокой степенью их общественной опасности, а также по другим основаниям.

Ключевые слова: неосторожные преступления, категории преступлений, уровень общественной опасности, наказание, составы преступлений.

Первый проект УК РФ содержал преступления, не представляющие большой общественной опасности (уголовные проступки), менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступные деяния. При этом неосторожными являлись лишь менее тяжкие преступления¹. Второй проект (проект Б.Н. Ельцина 1992 г.) воспринял данные положения². Третий проект УК РФ уже не выделял уголовные проступки, а содержал преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие³. Неосторожные деяния относились к первым трем категориям.

Принятый УК РФ в первоначальной редакции также содержал неосторожные преступления небольшой, средней тяжести и тяжкие. Но в 2001 году ситуация изменилась, и неосторожные тяжкие стали преступлениями средней тяжести, в рамках которых они были отграничены от умышленных преступных деяний⁴.

П.В. Коробов положительно относится к этим изменениям и полагает, что законодатель, выделяя в самостоятельную категорию преступлений неосторожные деяния, стремится учесть их специфику, так как они имеют самый низкий уровень общественной опасности⁵. Мы не согласны с данным мнением и предлагаем вернуть категорию неосторожных тяжких преступных деяний в силу следующих положений.

¹ За что и как будут судить в России... Новый Уголовный кодекс (Проект) // Специальный выпуск журнала «Закон» - нового приложения к газете «Известия». М., 1992. С. 1.

² Уголовный кодекс Российской Федерации (проект) // Юридический вестник. Всероссийская правовая газета. № 20 (22). М., 1992. С. 1.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации (проект) // Российская газета. № 302. М., 1995. С. 14.

⁴ Федеральный закон от 09 марта 2001 г. N 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» //

⁵ Коробов П.В. Неосторожные преступления в классификации преступных деяний // Уголовное право. 2004. № 4. С. 27.

Во-первых, стоит отметить, что указание в ч. 3 ст. 15 УК РФ на словосочетание «превышают три года» означает, что за неосторожные преступления может быть назначено наказание в виде десяти лет, пятнадцати лет лишения свободы, что приравнивает их фактически (не юридически) к тяжким или особо тяжким преступлениям. Как отмечает Е.В. Благов: «Слишком большой размах наказуемости получили неосторожные деяния в преступлениях средней тяжести»¹. Думается, что неосторожные преступные деяния средней тяжести, так же как и умышленные, должны предусматривать наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы. Наряду с ними необходимо выделять неосторожные тяжкие преступления, за которые будет предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет и не превышающее десяти лет.

Во-вторых, если обратиться к санкциям, предусматривающим наказание за совершение неосторожных преступлений (не преступлений с двумя формами вины, так как в целом они признаются совершёнными умышленно), то можно видеть, что в большинстве случаев максимальное наказание в виде лишения свободы равняется пяти годам. Но существует ряд неосторожных преступлений средней тяжести, типовое наказание за совершение которых составляет до семи, до восьми, до девяти и даже до десяти лет лишения свободы, что говорит об их высоком уровне общественной опасности. В УК РФ, по нашим подсчетам, имеется двадцать составов таких уголовно наказуемых деяний. Они обозначены в ч. 3 ст. 215, ч. 3 ст. 216, ч. 3 ст. 217, ч. 3 ст. 217¹, ч. 3 ст. 219, ч. 3 ст. 263, ч. 3, 4 ст. 263¹, ч. 4, 5, 6 ст. 264, ч. 3 ст. 266, ч. 3 ст. 267, ч. 3 ст. 268, ч. 3 ст. 269, ч. 2 ст. 271¹, ч. 3 ст. 349, ч. 3 ст. 350, ст. 351, ст. 352 УК РФ. Полагаем, что критерий разграничения умышленных и неосторожных преступлений должен быть единым. Наши предложения основаны на печальной действительности, отражающей многочисленные жертвы, которые повлекли за собой неосторожные преступные деяния.

Достаточно вспомнить события, произошедшие с ярославской хоккейной командой «Локомотив» 7 сентября 2011 года. По факту этой трагедии в отношении заместителя генерального директора авиакомпании «Як Сервис» Вадима Тимофеева было возбуждено уголовное дело, а впоследствии он был признан виновным в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, повлекшего по неосторожности смерть 44 человек (ч. 3 ст. 263 УК РФ)². Санкция данной нормы предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет. Таким образом, это преступление средней тяжести. Хотя масштабы трагедии очевидны, а уголовно-правовые последствия не соответствуют данному деянию, они должны быть более суровыми.

К сожалению, трагедии на этом не закончились. В 2014 году был вынесен приговор по делу об аварии в московском метро, когда произошло крушение электропоезда по причине неправильного монтажа стрелки в месте съезда на вновь строящуюся линию метро, повлекшего гибель 24 человек (ч. 3 ст. 263¹ УК РФ)³. А в апреле 2015 года произошло крушение траулера «Дальний Восток», в результате которого погибло 69 человек, обвинения по факту нарушения правил безопасности мореплавания (ч. 3 ст. 263 УК РФ) были предъявлены руководителям ООО «Магеллан», бывшему капитану траулера⁴. В декабре прошлого года След-

¹ Благов Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. С. 47.

² Катастрофа пассажирского самолета Як-42 в Ярославской области (2011) [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/spravka/20160907/1476173284.html> (дата обращения: 02.09.2017).

³ Крушение на стрелке [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2015/11/09/prigovor-site.html> (дата обращения: 02.09.2017).

⁴ Дело о крушении траулера «Дальний Восток» передадут в Магаданскую область [Электронный ресурс] // URL: <http://www.interfax.ru/russia/546545> (дата обращения: 02.09.2017).

ственным комитетом РФ по Ханты-Мансийскому автономному округу было возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 264 УК РФ по факту гибели 12 человек в ДТП, среди которых было 10 детей спортсменов¹.

В-третьих, следует привести данные о состоянии преступности в России за 2015 и 2016 годы, предоставленные главным информационно-аналитическим центром МВД России. Они свидетельствуют о том, что в 2015 году было зарегистрировано 26 662 преступлений, касающихся нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263-271¹ УК), а в 2016 году – 22 013². Только кражи, грабежи, мошенничества, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью и незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами опережают эти деяния по статистическим показателям.

Таким образом, многие составы преступлений средней тяжести, совершаемые с неосторожной формой вины, необходимо перевести в категорию неосторожных тяжких преступных деяний. Это оправданно тем, что, например, нарушение правил дорожного движения в состоянии алкогольного опьянения, повлекшее по неосторожности смерть допустим не двух, а двадцати лиц, стоит по характеру и степени общественной опасности на одной ступени с тяжкими преступлениями. Помимо прочего, совершение таких деяний вызывает общественный резонанс.

П. В. ПУТИЛИНА

студентка 3 курса
Санкт-Петербургского
государственного Университета

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ОБОРОТА БИОАКТИВНЫХ ДОБАВОК: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Мошеннические преступления крайне распространены на практике. В статье рассматриваются вопросы квалификации мошеннических схем при распространении биологически активных добавок, в том числе, их продаже с последующим обманным завладением кредитными денежными средствами. В статье рассмотрены различные варианты квалификации, представлена судебная практика по данной проблематике.

Ключевые слова: уголовное право, мошенничество, мошенничество в сфере кредитования.

Мошеннические преступления являются крайне распространенными и высоклатентными. Высокая латентность связана с особенностями личности преступника: мошенники – это своеобразные интеллектуалы преступного мира³. Они склонны изобретать способы и организовывать новые схемы совершения преступлений в различных сферах деятельности. Одной из таких сфер, привлекающих внимание криминальных структур своей прибыльностью, является оборот лекарственных средств и медицинских изделий. Противодействие незаконному распространению фальсифицированных, недоброкачественных лекарств и биоактивных добавок является актуальным направлением совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики. В настоящее время правоохранительные

¹ После гибели детей в ДТП в ХМАО задержали директора спортшколы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rbc.ru/society/06/12/2016/5846a6659a794747a2a36e8a> (дата обращения: 02.09.2017).

² Состояние преступности [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 02.09.2017).

³ Малков В.Д. Криминология: учебник для ВУЗов. М., 2006. С. 254.

органы и суды применяют различные нормы УК РФ при квалификации действий участников криминального бизнеса, связанного с незаконным распространением биологически активных добавок. Содеянное может быть квалифицировано как преступление в сфере экономической деятельности (ст.171 УК РФ «Незаконное предпринимательство»), преступление против здоровья населения (ст.238.1 УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок»). В настоящей статье речь пойдет о вопросах квалификации подобных деяний как преступления против собственности, а именно – как мошенничества (ст.159 УК РФ).

Публикации в средствах массовой информации показывают распространенность случаев завладения денежными средствами доверчивых граждан, приобретающих биоактивные добавки под видом лекарственных препаратов по цене, значительно превышающей их реальную стоимость. Как правило, потерпевшими по таким делам являются лица преклонного возраста, пенсионеры, инвалиды.

Для признания данного деяния мошенничеством необходимо, чтобы:

в действиях субъекта имелись признаки хищения;

действия должны совершаться путем обмана или злоупотребления доверием.

Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности, к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям. Исходя из позиции Верховного Суда РФ, если биологически активные добавки заведомо для продавца не обладают тем качеством и не могут оказать такого воздействия на организм, которое для них заявлено, и при этом имущественная масса потерпевшего значительно уменьшается, а виновного – увеличивается, такая продажа должна расцениваться как мошенничество, поскольку виновный завладевает имущественной массой потерпевшего (денежными средствами), при этом не осуществляя равноценного встречного предоставления¹.

Здесь закономерно возникает вопрос о характере ответственности продавца: будет ли она являться уголовной или гражданско-правовой. Для наступления уголовной ответственности продавец должен предоставить такой товар, который заведомо не отвечает в полном объеме заявленным требованиям (например, обычные витамины вместо БАД), а также иметь при этом прямой умысел на хищение денежных средств у потерпевшего в размере не менее двух тысяч пятисот рублей.

В качестве иллюстрации уголовной ответственности продавца за продажу БАД можно привести приговор Центрального районного суда города Новосибирска от 1 сентября 2015 года. Подсудимые А. и Г. создали преступную организацию, основным направлением деятельности которой являлось совершение мошенничеств в сфере оборота БАД. Подсудимые лично и через других участников преступного сообщества систематически совершали мошеннические действия, направленные на незаконное завладение путем обмана денежными средствами, вырученными от реализации БАД к пище под видом высокоэффективных средств в лечении различных заболеваний, заведомо для подсудимых, не обладающих такими лечебными свойствами. Препараты продавались гражданам, которые в силу возраста и стечения тяжелых жизненных обстоятельств, легко поддаются убеждению и внушению.

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27.12.2007 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

При этом потерпевшим сообщалось о наступлении ухудшения состояния здоровья в случае неприменения новых препаратов. Подсудимые убеждали граждан в том, что потраченные ими денежные суммы в последующем будут компенсированы из государственных средств по различным надуманным программам¹.

Анализ судебной практики показывает, что по уголовным делам, дошедшим до суда и завершившимся обвинительными приговорами, как правило, удается доказать существование хорошо организованной преступной группы, состоящей из ряда структурных подразделений, отвечающих за определенный функционал: приобретение или производство БАДов, реклама продукции, диспетчерский пункт, служба доставки.

Так, в Саратове был осужден руководитель преступного сообщества, занимавшегося реализацией БАДов и аналогичных препаратов с доставкой по России. Мошенническая схема включала несколько этапов. На 1-м этапе участники организованной группы принимали входящие звонки от абонентов, которые заинтересовались информацией о лечебных свойствах препаратов, полученной из рекламных роликов, демонстрируемых в средствах массовой информации. В автоматическом режиме звонок переадресовывался «операторам», которые, представляясь диспетчерами, ссылаясь на отсутствие у них какой-либо информации о свойствах и стоимости рекламируемых препаратов, вносили в клиентскую базу номер абонента, его имя и отчество, возраст и населенный пункт проживания. На 2-м этапе «операторы-консультанты», выдавая себя за сотрудников различных социальных учреждений, в частности, Территориального центра социального обслуживания пенсионеров и пожилых людей, посредством телефонной связи узнавали полные анкетные данные, социальный статус, материальное положение и состояние здоровья ранее обратившегося абонента. Полученными сведениями операторы пополняли клиентскую базу, которая использовалась для хищения денежных средств. После проведенного опроса абонента «оператор» убеждал абонента согласиться на бесплатную консультацию по телефону врача той или иной специальности. На 3-м этапе абоненту звонил «врач» и, выдавая себя за медицинского работника, представляясь вымышленным именем выдающегося профессора либо доктора медицинских наук, не имея медицинского образования, не видя пациента, истории его болезни, без результатов анализов, ставил абоненту диагноз, после чего, расположив собеседника к себе, путем сильного морально-психологического воздействия и сообщения заведомо ложной информации указывал на то, что единственный способ излечения имеется только у них, и что они обязательно смогут помочь. На 4-м этапе оператор-консультант подробно, по имеющимся у него аннотациям и текстам, в зависимости от заболевания, описывал псевдолечебные свойства реализуемых ими БАДов как дорогостоящих высокоэффективных лекарственных средств, последних разработок ученых, являющихся новейшими достижениями науки, способных излечить любое заболевание потерпевшего и не имеющих противопоказаний. При этом, сообщая, что многие купившие данные препараты излечились, вызывали у потерпевшего надежду на неизбежное излечение своих болезней. На 5-м этапе оператор-консультант в соответствии с минимальной стоимостью продаж, превышающей реальную стоимость реализуемых препаратов в несколько тысяч раз, завышал стоимость товара, после чего в случае отказа потерпевшего предлагал купить препарат по льготной цене в связи с существующей системой скидок на препараты с целью убедить потенциального покупателя приобрести как можно большее количество БАДов, при этом конечная цена продолжала превышать реальную стоимость препаратов в тысячи раз. На 6-м этапе оформлялся заказ в виде записи продиктованных потерпевшим его анкетных данных и места жительства, по которому

¹ Приговор Центрального районного суда города Новосибирска от 01.09.2015 по делу № 1-41/2015 (1-413/2014) // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

в дальнейшем необходимо доставить заказ, с указанием стоимости приобретенных препаратов. После чего полученные данные о заказчике операторами-консультантами передавались менеджеру и по факсимильной связи – в курьерскую службу¹.

Поскольку потенциальные приобретатели БАДов, которым мошенники предлагают свою продукцию, не всегда располагают необходимыми денежными средствами, в ряде случаев мошенничество сопровождается заключением кредитного договора на приобретение соответствующей продукции. Это порождает проблемы квалификации соответствующих действий. Так, по одному из возбужденных в Санкт-Петербурге уголовных дел было установлено, что руководители коммерческой организации вводили в заблуждение пенсионеров и добились подписания ими, без фактического ознакомления с содержанием подписанных документов, кредитных договоров на приобретение дорогостоящих препаратов. На основании кредитных договоров на расчетный счет коммерческой организации банками перечислялись денежные средства по схеме потребительского кредитования.

Приведенная преступная схема порождает вопросы относительно квалификации возникших правоотношений, в том числе, для определения того, кто является потерпевшим от неправомерных действий. Представляется правильным разграничить отношения, возникающие при продаже товара по завышенной стоимости, и отношения по поводу получения кредита. Оба деяния при наличии ряда условий будут посягать на собственность (в первом случае – покупателей, во втором – банка).

В первом правоотношении сторонами будут выступать продавец и покупатель. Что касается второго правоотношения – получения кредита, вопрос о наличии преступления вообще и вопрос о виде преступления должен решаться исходя из того, что потерпевшим при определенных условиях может быть признан банк, поскольку мошенничество в сфере кредитования является преступлением против собственности и наносит ущерб имущественной сфере потерпевшего, то есть банка. С одной стороны, получение кредита является самостоятельным правоотношением, в котором участвуют покупатель (заемщик) и банк (кредитор). С другой стороны, заемщик должен принимать самостоятельное решение о получении кредита, вступать в данные отношения с банком добровольно, а не под влиянием обмана со стороны продавца. Кредитный договор – это сделка, которая может быть признана недействительной в рамках гражданского судопроизводства по основанию, предусмотренному ст. 178 ГК РФ, как совершенная под влиянием существенного заблуждения. Для этого покупателю необходимо обратиться в суд с соответствующим иском и обосновать тот факт, что его (ее) ввели в заблуждение.

Если кредитный договор не будет оспорен, и в рамках уголовного дела не будут предоставлены доказательства того, что покупатели действительно заблуждались относительно правовой природы заключаемого ими кредитного договора, то преступление, предусмотренное ст. 159.1 УК РФ, будет иметь место только в случае обмана со стороны покупателей. Объективная сторона данного преступления состоит в хищении денежных средств заемщиком путем предоставления банку ложных и (или) недостоверных сведений: покупатели БАД подписывают кредитный договор, соглашаясь с его условиями, но не имеют намерений выплатить кредит. В таком случае субъектами данного преступления выступают именно покупатели, а потерпевшими должны признаваться банки.

Если же суд признает кредитный договор недействительным, будут применяться последствия недействительности, то есть реституция. А поскольку деньги, которые покупатели получали от банка, сразу переходили к продавцам в обмен на неравно-

¹ Приговор Октябрьского районного суда города Саратова от 03.02.2017 по делу № 1-7/2017(1-185/2016) // Консультант Плюс Версия Проф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

ценные БАД, именно к продавцам необходимо предъявлять требования о соответствующем возврате денежных средств. В этой ситуации проверка на предмет наличия признаков преступления может проводиться в отношении продавцов, если они использовали покупателей для завладения денежными средствами банка. Как следует из части 2 статьи 33 УК РФ, исполнителем признается лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных уголовным законом. Поэтому если заемщик действовал невиновно, а использовавшие его продавцы обманывали банк относительно наличия намерений возвращать кредит, их действия могут быть квалифицированы как мошенничество.

Таким образом, анализ судебной практики показывает сложность и разнообразность существующих преступных схем, направленных на хищение денежных средств при распространении биоактивных добавок. При квалификации соответствующих преступлений особое внимание необходимо уделять доказыванию обмана как способа хищения, поскольку существование гражданско-правовых отношений с участием продавцов и приобретательниц продукции (договор купли-продажи, кредитных договоров) используется в качестве обоснования отсутствия признаков преступления. Установление в ходе предварительного расследования всех обстоятельств сбыта продукции - недобросовестной рекламы, введения в заблуждение относительно качества биоактивных добавок и их псевдолечебных свойств, постановка вымышленного диагноза и сообщение заведомо ложной информации о способах лечения - обеспечивает необходимую доказательственную базу для правильной квалификации совершенного преступления.

Е. В. РОДИМКИНА,

И. С. ПЕТРОВ

студенты 4 курса

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

ОБНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТ.116 И СТ.116.1 УК РФ, РАЗГРАНИЧЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ

В статье проводится уголовно-правовой анализ летних изменений (по ФЗ-323, ФЗ-326) на примере ст.116 и ст. 116.1 УК РФ, поднимается вопрос о специфике субъектного состава и неоднозначности толкования указанных норм. Авторами также анализируется уже существующая судебная практика по обновленным статьям, рассматривается возможность повторного реформирования законодательства.

Ключевые слова: гуманизация законодательства, побои, близкие лица, справедливость и обоснованность, сужение норм, «легальное» насилие, духовные ценности, малозначительность деяния, санкции.

Динамика общественных отношений диктует законодателю необходимость изменения существующей нормативно-правовой базы. Преобразования происходят во всех сферах жизни общества и государства. Последние, в свою очередь, изменяют нормы различных отраслей права, в том числе и уголовного.

Так, последние наиболее серьезные изменения были проведены летом 2016 года и зимой 2017 года. Федеральный закон № 323 от 03.07.2016 года существенным образом обновил УК РФ посредством введения статьи 116.1. Статья 116 УК РФ была вновь изменена отдельным ФЗ от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Федеральным законом от 03.07.2016 № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен статьей 6.1.1 «Побои».

Необходимо дать оценку деятельности законодателя в сфере правотворчества посредством подробного анализа нововведений. Интересными представляются проблемные моменты, возникшие в результате прошлогодних изменений. Так, если рассматривать ст.116 УК РФ, то бросается в глаза поспешность действий законодателя, непоследовательное поведение последнего. Летом 2016 года ст.116 УК РФ была уточнена. Статью завершало примечание, раскрывающее круг специальных субъектов данного состава преступления. Ими могли быть только близкие лица¹. Данное понятие трактовалось законодателем весьма специфически и вызывало разобщенность мнений не только среди ученых, но и в кругах действующего судейского корпуса. Разногласия вызвал нечетко очерченный перечень лиц, подпадающих под санкцию измененной статьи. Законодатель не раскрыл понятие «лица, ведущие совместное хозяйство», что сразу же нашло отражение в нарушении прав граждан на практике.

Гражданин Дмитриев С.А. заподозрил сына своей супруги (А.) в краже денег, применил к последнему физическое воздействие (шесть ударов ремнем по левой руке и левой голени). Потерпевший испытал физическую боль. Согласно акту медицинского освидетельствования полученные телесные повреждения вреда здоровью А. не причинили. В возбуждении уголовного дела по ст.116 УК РФ было отказано, т.к. сын супруги до мая X года проживал отдельно от матери - в общежитии г. Ярославля по месту учебы, общего хозяйства с Дмитриевым С.А. не вел. В итоге Дмитриева С.А. признали виновным по ст.6.1.1 КоАП РФ и подвергли наказанию в виде штрафа в размере пяти тысяч рублей².

Вторым серьезным вопросом являлся вопрос о справедливости и обоснованности наказания для указанных лиц. Справедливо ли было применять к подобным субъектам более строгое наказание по ст.116 УК РФ, по сравнению со ст.115 УК РФ? Фактически получалось, что умышленное причинение легкого вреда здоровью (с потерей работоспособности до 3 недель) оценивалось государством в лице суда намного мягче, чем действия, которые существенным образом не влияют на работоспособность пострадавшего. В пояснительной записке к ФЗ № 323³ говорилось

¹ Примечание к статье 116 УК РФ «Побои» в редакции от 03.07.2016: «Под близкими лицами в настоящей статье понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство».

² Постановление мирового судьи от 11 августа 2016 по делу № 5-315/2016 [Электронный ресурс] URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-tutaevskogo-rajona-yaroslavskoj-oblasti-s/act-231042829/> (дата обращения: 20.07.2017)

³ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункт 4 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=149322#0> (дата обращения: 20.08.2017).

о том, что «в результате необоснованного изменения статьи 116 УК РФ сложилась абсурдная ситуация, когда за побои (статья 116) близкие лица будут нести более строгое наказание, чем за причинение легкого вреда здоровью (статья 115). То есть более тяжкое по последствиям преступление, совершенное в отношении близкого лица, влекло значительно менее тяжкое наказание». Данный вывод на практике мог спровоцировать наиболее жестокое и, как ни парадоксально, «легальное» насилие в семье, побои могли быть вытеснены причинением умышленного легкого вреда, т.е. цель обеспечения безопасности членов семьи (которая преследовалась законодателем) не была достигнута. Летом 2017 года законодатель повторно изменил ст.116 УК РФ, исключив указанный перечень, что, на наш взгляд, представляется разумным.

Одной из важнейших причин повторного изменения ст.116 УК РФ являлась проблема сохранения и укрепления духовных ценностей семьи. Ведь в семье не всегда можно решить все с помощью доводов / уговоров. Так, иногда приходится принудить малолетнего ребенка совершить полезное (для него самого, в первую очередь) действие. Таким образом, обыденные бытовые действия членов семьи подпадали под состав преступления, предусмотренный ст.116 УК РФ, и могли повлечь состояние судимости для лица, их совершившего.

Однако напомним, что ч. 2 ст. 14 УК РФ гласит: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Прежде всего, о малозначительности деяния должны свидетельствовать объективный и субъективный критерии. Объективный критерий свидетельствует о той незначительной степени выраженности признаков деяний и последствий, которая позволяет отнести содеянное к малозначительным деяниям. А субъективный критерий свидетельствует о том, что лицо желало совершить именно эти малозначительные деяния. В науке уголовного права при оценке деяний преимущественное значение имеет субъективный критерий.

Научное сообщество также неудовлетворительно отзывалось о прежней версии ст.116 УК РФ. Так, И. Пронкин и М. Кузнецов отметили, что «редакция ст. 116 УК РФ, направленная (как было заявлено) на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства Российской Федерации посредством декриминализации части насильственных действий, связанных, в частности, с побоями, в действительности, не способствует решению надлежащим образом значительных проблем в сфере защиты прав граждан (прежде всего - детей), порождает ряд правовых неопределённостей и коллизий»¹. Авторы критической статьи указывали на дефект определения субъектного состава и признаки субъекта преступления по статье 116 УК РФ, двоякость адекватности мер уголовной ответственности.

Таким образом, деление субъектов на близких и так называемых «иных» лиц ранее позволяло законодателю разграничить один и тот же состав по различным отраслям права: административное и уголовное право. Так, в одном из постановлений суда описаны следующие обстоятельства: А. совершил причинение иных насильственных действий (выстрелил из пневматической винтовки марки МР-512 4,5мм, в недалеко находившегося знакомого Б. – инвалида второй группы (инвалид детства), тем самым причинил физическую боль и телесные повреж-

¹ Кузнецов М., Пронкин И. Заключение на Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в части закрепления новой редакции статьи 116 УК РФ [Электронный ресурс] URL:http://ruskline.ru/analitika/2016/07/08/zaklyuchenie_na_federalnyj_zakon_ot_3_iyulya_2016_g_323fz_v_chasti_zakrepleniya_novoj_redakcii_stati_116_uk_rf (дата обращения: 20.08.2017).

дения в виде огнестрельного ранения правого предплечья указанному лицу. Суд назначил А. административное наказание в виде штрафа в размере 10.000 рублей, в соответствии с санкцией по ст.6.1.1 КоАП РФ¹.

Касаясь вопроса применения новой ст.6.1.1. КоАП РФ за «простые» побои, следует отметить ряд систематических ошибок судебного корпуса. Указанная статья, введенная в действие 15.07.2016, применялась и к аналогичным событиям до своей даты вступления в законную силу. Однако, Верховный Суд РФ, напомнив коллегам о том, что закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет, отменил незаконные решения нижестоящих инстанций².

Также хотим обратить внимание на соотношение побоев и истязаний (ст.116 и ст.117 УК РФ). Оба этих деяния имеют сходства и, одновременно, обладают рядом особенностей. Так, если объект преступления и субъективная сторона зачастую общая, то в объективной стороне выделяются следующие отличия: при побоях, объективная сторона состоит в нанесении побоев и иных насильственных действий, причиняющих физическую боль. В истязаниях объективная сторона состоит не просто в побоях и иных насильственных действиях, а в их систематическом нанесении. Причиняется при этом не просто физическая боль, но и психические страдания. Важно отметить, что в отличие от истязания (систематическое нанесение побоев) побои – одномоментный акт. В отличие от побоев, при истязании специфическим признаком, влияющим на правовую оценку содеянного, выступают физические и психические страдания потерпевшего.

Анализ норм Особенной части УК РФ показывает, что побои могут быть проявлением различных форм преступного поведения, предусмотренных, например, ст. 110, 120, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 2 ст. 139, ст. 149, ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151, п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «в» ч. 2 ст. 163, п. «в» ч. 2 ст. 166 и др. В указанных случаях побои и иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, выступают в качестве неотъемлемых признаков объективной стороны данных составов преступлений и не требуют дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ.

Так как побои выступают одной из сопутствующих моментов объективной стороны, следует задаться вопросом, являются ли такие побои аналогичным деянием? Что такое аналогичные деяния? Можно ли за повторное нанесение побоев, когда последние выступают как самостоятельный состав или одним из элементов объективной стороны иного состава, привлечь лицо по ст.116.1 УК РФ? Эти и другие вопросы на данный момент не разъяснены законодателем, что дает правоприменителю почву для злоупотреблений. Представляется, что возможно признать побои, составляющие объективную сторону иного состава, аналогичным в контексте ст.116.1 УК РФ, наравне со ст. 6.1.1 КоАП РФ. В данном случае авторы данного доклада ставят в равные условия КоАП РФ и УК РФ.

Таким образом, в заключение следует еще раз отметить дефектность и пробельность ранее существовавшей редакции статьи 116 УК РФ. На наш взгляд, исключение специальных субъектов представляется целесообразным и закономерным результатом, так как законодатель не достигнул поставленных целей.

¹ Постановление мирового судьи от 13 октября 2016 г. по делу № 5-591/2016 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/o1TcAghLfXgu/> (дата обращения: 20.06.2017).

² Примерами могут служить Постановления Верховного Суда РФ от 07.07.2017 № 24-АД17-2 и от 13.07.2017 № 74-АД17-9. Административные производства в отношении привлеченных лиц ВС РФ прекратил за отсутствием события правонарушения.

Относительно ст. 116.1 УК РФ необходимо отметить следующее. Видится, что применение уголовного законодательства при повторном административном правонарушении (переход из количественного в качественный) нельзя назвать справедливым и разумным, оно говорит о двойственной политике государства в отношении привлекаемых лиц. С одной стороны – перенос «простых» побоев в КоАП РФ (гуманизация законодательства), с другой – назначение серьезного уголовного наказания при повторном правонарушении (ухудшение уже существующего положения). Представляется разумным тот вариант, когда накопительный эффект выступаетотягчающим обстоятельством при назначении административного наказания за повторное правонарушение, но ни коим образом не переводит административное правонарушение в разряд уголовно наказуемых деяний.

И. В. САВЕЛЬЕВ

студент 2 курса
юридического факультета
Всероссийского государственного
университета юстиции

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ УМЫСЛА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В настоящей статье автором исследуются основные противоречия между законодательной формулировкой умысла и трактовкой умышленной формы вины доктринального толка, а также в правоприменительной практике. Анализируется соотношение элементов умышленной формы вины и обосновывается целесообразность нормативного «соединения» элементов содержания вины.

Ключевые слова: уголовное право, умысел, умышленная форма вины, содержание умысла, элементы умысла.

Не вызывает сомнений тот факт, что учение об умысле, как и теорию вины в целом, с уверенностью можно отнести к тому перечню вопросов, интерес к исследованию которых в науке вряд ли иссякнет¹. Многоаспектность и специфика феномена вины, умышленной вины в частности, выражающаяся в невозможности её непосредственного изучения с одной стороны, и ролью в качестве важнейшего элемента основания уголовной ответственности с другой, позволяет говорить о вполне обоснованной и выраженной на практике актуальности выбранной для исследования темы.

Как известно, содержание, «будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций... форма есть способ существования и выражения содержания»², то есть при разговоре о той или иной форме вины важное значение приобретает уяснение содержания этого явления. Отметим, что мы сознательно не будем вступать в дискуссию, существующую в юридической литературе и диссертационных исследованиях, касательно верности употребления понятия «форма» при характеристике умысла и неосторожности.

¹ Паньков И. В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. С-Пб., 2010. С. 3.

² Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М., Сов. Энциклопедия, 1983. С. 621.

В отечественной уголовно-правовой науке закрепилось двухэлементное понимание содержания вины, что получило своё закрепление в действующем законодательстве. То есть вина складывается из интеллектуального и волевого элементов¹. Различное же соотношение элементных признаков выражается в формах вины. Однако, отдельные учёные², по мнению А.И. Рарога, «предпринимают неосновательные попытки сузить психологическое понимание вины за счёт исключения одного из двух элементов»³. Позволим себе не согласиться с таким мнением, ведь если внимательно изучить работы, например, профессора Н.Г. Иванова, становится ясно, что предлагается не исключение одного из элементов, а их как бы «слияние» в один. Это обосновывается тем, что воля – такой же «продукт» психофизиологических процессов, предшествующих поведенческому акту, как и предвидение, которые в совокупности являются проявлениями одного и того же процесса.

Безусловно, ответственность наступает за осознанное и «волимое» (в ред. автора) противоправное поведение, объективированное вовне. В свою очередь воля – «это психический механизм, служащий дополнительным импульсом, а также регулятором активности человека, предполагающий преодоление возникших преград на основе выбора одного из предпочтений. При этом следует иметь в виду, что воля есть производное от сознания. Она является осознанным свойством психической деятельности...»⁴. Психофизиологические процессы, предшествующие преступному акту, представляют собой осознание его общественной опасности и противоправности. Осознание, в свою очередь, полностью охватывает собой предвидение и волю.

Профессор А.И. Рарог указывает на то, что в психологической науке закреплено положение о том, что «уголовно-правовое понятие вины не сводится к характеристике мыслительных процессов – оно включает и волевой компонент, это умышленный или неосторожный поступок, запрещённый законом»⁵. Но «преступный поступок» – это признак объективной стороны преступления, т.е. общественно опасное противоправное деяние.

Этот же ученый отмечает, что «волевая сторона психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию образует волевой элемент вины»⁶. Но поступок и отношение к нему – далеко не одно и то же, потому довод, приведённый ранее, не является достаточно обоснованным. Отношением же к поступку (деянию) можно признать только осознание того, что оно из себя представляет – то есть осознание его сущности и абстрактной возможности или реальной неизбежности последствий.

Воля, являясь результатом «борьбы мотивов», как бы «подталкивает» индивида к реализации того мотивирующего побуждения, которое оказалось «доминирующим» в данном конкретном месте и в данной конкретной ситуации, то есть представляет собой некую последнюю стадию интеллектуальных процессов перед поведенческим актом (перед объективированием результатов интеллектуальной деятельности).

¹ Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2016. С. 53-55.

² Примечание автора: Б. Хорнабуджели, Н.Г. Иванов, С.В. Сляров и др.

³ Рарог А. И. Указ. соч. С. 53.

⁴ Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. – М., 1998. С. 82-83.

⁵ Рарог А. И. Указ. соч. С. 54.

⁶ Там же. С. 55.

Можно найти определённое сходство воли (в предложенном нами понимании явления) и эфферентного синтеза, разработанного в теории функциональных систем П.К. Анохина¹. Афферентный синтез – стадия сбора, синтеза информации о различных детерминантах поведения с целью принятия решения, переходит в дальнейшем в эфферентный синтез – стадию формирования программы действий в результате интеграции возбуждающих факторов, то есть в стадию принятия решения.

Как известно, одной из форм вины, закреплённых в российском Уголовном законе, является умысел. Виды умысла (прямой и косвенный), в свою очередь, раскрываются в ст. 25 УК РФ. Признаками умысла являются осознание, предвидение (признаки интеллектуального элемента содержания вины) и желание (признак волевого элемента). Определение умысла на законодательном уровне отсутствует, что, несомненно, является негативным моментом, ведь термин без определения не может претендовать на «звание» понятия. На основании этого мы утверждаем, что в данном контексте весьма важно придание дефиниции его дефиниции. Мы также понимаем, что признаки явления и его определение неразрывно связаны между собой, ведь одно обуславливает другое. Однако, оставим саму процедуру разработки дефиниции умысла для будущих изысканий и приступим к исследованию признаков умысла.

Дабы понять природу признаков умысла, проанализируем некоторые фундаментальные работы известного дореволюционного учёного-криминалиста - Н.С. Таганцева, который определил умысел, как «такое направление воли виновного, при котором он не только предвидит те последствия, которые могут возникнуть из его действий, но желал их наступления и действовал ради осуществления этого желания»², «умысел может быть определён, как сознательное и волимое направление деятельности, а умышленным преступлением может быть называемо деяние, сознаваемое и волимое деятелем в момент его учинения»³. Именно преступная воля, воля на совершение преступного деяния и причинение общественно опасных последствий в указанных определениях является детерминирующим умысел признаком. В связи с этим возникает вопрос – если умысел направлен не только на деяние, но и на последствия этого деяния, можно ли говорить о том, что умышленным может быть только такой поступок (деяние), который содержит признаки материального состава преступления?

Исследуя законодательную дефиницию умысла, можно сделать вывод о том, что закреплённая в ст. 25 УК РФ ориентирована лишь на преступления с материальным составом. Правоприменитель, доказывая наличие умысла в преступном деянии, со всей достоверностью должен установить, что лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления, либо же сознательно допускало или безразлично относилось к их наступлению. Выходит, что если данное обстоятельство не доказано (или общественно опасных последствий в результате деяния не наступило), то, исходя из законодательной конструкции умысла, нет никаких оснований для вменения в вину умышленного деяния⁴.

«Правоприменитель выходит из положения с помощью искажения законодательного определения... игнорируя момент предвидения... а момент желания перенося с последствий на действия: субъект сознавал общественную опасность

¹ Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы : избр. тр. / отв. ред. Ф. В. Константинов, Б. Ф. Ломов, В. Б. Швырков; АН СССР, Ин-т психологии. М., 1978. 399 с.

² Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Ч. 1. С-Пб., 1875. С. 138.

³ Он же. Русское уголовное право. Лекции. Общая часть. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 229.

⁴ См.: Иванов Н. Умысел в уголовном праве России // Российская юстиция. М., 1995. № 12. С. 16.

деяния и желал его совершить», что противоречит принципу законности и ответственности строго в рамках закона – ст. 25 Конституции РФ¹ и ст. 3 УК РФ², то есть в корне дискредитирует представление об умысле законодателя и большинства учёных.

А.И. Рарог, рассуждая о прямом умысле в контексте формальных составов преступления, а именно о желании как признаке умысла, и отмечая то, что законодательное определение умысла связывает желание только с опасными последствиями деяния, как раз и переносит этот признак (желание) с последствий действий (бездействия) на конкретное деяние, признаки которого образуют формальный состав³. Под предвидением общественно опасных последствий А.И. Рарог понимает «мысленное представление виновного о вреде, который он своим деянием причинит (или может причинить) тем общественным отношениям, которые находятся под охраной уголовного закона»⁴.

Следуя такой логике рассуждения можно прийти к выводу, что само совершение общественно опасного деяния неизбежно влечёт наступление общественно опасных последствий, как и совершение неоконченного преступления в некоторых случаях. Однако в таком контексте общественно опасные последствия понимаются в аспекте социального вреда преступного деяния, вреда из самого факта его совершения, а не как признака объективной стороны преступления, закреплённого в статьях Особенной части УК РФ. Следовательно, при таком подходе стирается грань между общественно опасным деянием и его последствиями как признаками объективной стороны преступления, что представляется нам необоснованным.

Заслуживает внимания утверждение А.И. Рарога о том, что при определении умысла речь может идти не только о фактической неизбежности последствий, то есть не только о том, что последствия объективировались посредством действий (бездействия) субъекта, но в большей степени о том, что сознание субъекта выстроило определённую модель причинно-следственной связи, в которой деяние вызывает следствие⁵. Таким образом, прямой умысел может быть признан имеющим место при определённого вида «мысленной модели причинно-следственной связи», но при фактическом отсутствии общественно опасных последствий.

Допустим, Ш. пытался причинить смерть потерпевшему М. (посягательство по ст. 105 УК РФ – материальный состав); хоть умысел и был направлен на причинение смерти, то есть лицо «выстраивало» эту мыслительную связь и желало, чтобы последствия неизбежно наступили, но, по независящим от действий лица обстоятельствам вышло так, что потерпевший остался жив – следовательно, деяние квалифицируется как покушение на убийство – неоконченное преступление (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ), ведь общественно опасное последствие в виде смерти лица не наступило. Следовательно, фактические обстоятельства, составляющие объективную сторону преступного деяния, неизбежно влияют на квалификацию преступления.

В таком случае следует говорить о неразрывной и важнейшей связи объективных и субъективных критериев вменения лицу в ответственность, которые взаимозависимы и влияют друг на друга, образуя сложную цепь детерминант. Пси-

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.08.2017).

³ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 69-70.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 67.

хического отношение может предопределять поступок (деяние), но и различные действия (бездействие) способны порождать определённое психическое отношение, устремлённое как в прошлое, так и в будущее.

Однако, вернёмся к уголовно-правовой «материи». При соотнесении деяний с составами, не предусматривающими общественно опасные последствия как обязательный конструктивный элемент, а также квалифицируя неоконченные преступные посягательства мы снова «упираемся» в законодательную формулировку прямого умысла, где предвидение и желание относятся только к общественно опасным последствиям деяния. То есть, в случае, например, с покушением на убийство мы не можем говорить о соответствии состава неоконченного преступления законодательной конструкции умысла, не перенося признаки «предвидение» и «желание» с одного признака объективной стороны преступления (общественно опасных последствий, которые фактически не установлены) на другой (общественно опасное деяние).

Таким образом, закреплённая законодателем в УК РФ конструкция умысла «вводит в тупик» правоприменителя, заставляя его прибегать к толкованию положений закона, искажающему нормативные установления.

Подводя итог работы, необходимо отметить, что руководящей проблемой, вдохновившей автора, является возникающее при квалификации умышленных преступлений различных по конструкции объективной стороны явное противоречие, обусловленное некорректностью законодательной конструкции умысла, а также неявное «столкновение» признаков состава при квалификации преступлений; дискуссионный вопрос о том, что должно являться доминирующим при квалификации: фактически содеянное субъектом или аспекты осознания субъектом совершённого им деяния, поскольку действующая законодательная конструкция умысла порождает мнение о том, что правомерно говорить о умышленном преступлении при определённой выстроенной сознанием субъекта «модели причинно-следственной связи», в рамках которой деяние вызывает последствие, пускай и при фактическом отсутствии общественно опасных последствий деяния, что в некоторой степени раскрывает принцип так называемого «субъективного вменения».

А. В. СОЛЯНИК

магистрант 2 курса
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА

В научной работе рассматриваются основные признаки профессионального риска как разновидности обоснованного риска на примере медицинских работников, а также проблемы его правоприменения. В работе предложены рекомендации по решению указанных проблем и способы конкретизации условий правомерности профессионального риска.

Ключевые слова: профессиональный риск, обоснованный риск, медицинский работник, ответственность, условия правомерности, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Часто при осуществлении профессиональных функций возникают случаи, которые требуют быстрых и неординарных решений, целью которых является предотвращение либо минимизация возможных негативных последствий рискованных

действий¹. В ряде зарубежных стран, таких как Латвия и Швейцария, законодательно закреплено понятие оправданного профессионального риска, в то время как Уголовным кодексом РФ предусмотрен обоснованный риск в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, что порождает спор относительно субъекта риска. Таким образом, появляется необходимость в устранении такого пробела в российском законодательстве путем внесения в статью 41 УК РФ понятия профессионального риска.

Статья 41 УК РФ регламентирует условия правомерности обоснованного риска, в том числе в деятельности медицинских работников. Во-первых, медицинский риск должен осуществляться с целью достижения общественно полезной цели, а именно с целью сохранения жизни и здоровья человека или облегчения его страданий. При этом важным уточнением будет то, что общественно полезная цель может иметь и нетерапевтический характер, например, в ходе проведения медицинского эксперимента или во время косметических операций. В этом случае общественно полезной целью будет изобретение нового лекарства, испытание новой техники, устранение дефектов внешности, коррекция посттравматических состояний². Однако на практике при проведении операций эстетической медицины часто возникает проблема признания риска обоснованным, в связи с тем, что в данном случае отсутствует опасность для жизни и здоровья пациента и потребность в применении экстренных мер. Исключением может стать необходимость в устранении обезображивания лица, возникшего в результате действий третьих лиц. Представляется необходимым, более подробно осветить в законодательстве содержание условий правомерности причинения вреда в условиях обоснованного риска при осуществлении эстетической медицинской практики.

Следующим условием правомерности обоснованного риска является то, что поставленная цель не могла быть достигнута иными, не связанными с риском действиями (бездействием), то есть должен избираться способ, связанный с созданием менее угрожающей опасности. Причинение вреда охраняемым законом интересам при обоснованном риске является возможным (вероятностным), но не обязательным последствием действий субъекта³. В Этическом кодексе российского врача говорится: «...врач обязан сопоставить степень риска причинения ущерба пациенту и возможность достижения положительного результата»⁴. Например, когда ампутация какого-нибудь зараженного органа тела является единственно возможным способом сохранить жизнь пациента.

Из решения Тихоокеанского флотского военного суда Приморского края видно, что командир воинской части собрал с подчиненных военнослужащих полмиллиона рублей и действуя из иной личной заинтересованности, потратил их на замену входной двери в здание военной прокуратуры и на нужды воинской части, т.е. использовал свои служебные полномочия вопреки интересам службы⁵. Адвокат настаивал на применении статьи 41 УК РФ, усматривая в его

¹ Козаев Н. Ш. Уголовно-правовые аспекты медицинского риска // Сборник докладов Первой международной конференции «Общество-Медицина-Закон». Кисловодский институт экономики и права. 1999. М.: Грантъ. С 25-28.

² Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 1. С. 20.

³ Кибальник А.Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников: монография / А.Г. Кибальник, Я.В. Старостина. М.: Илекса, 2008. С. 56

⁴ Этический кодекс российского врача. Утвержден 4-ой Конференцией Ассоциации врачей России, ноябрь 1994. Статья 18 раздел 4 [Электронный ресурс] URL: <http://www.med-pravo.ru/Ethics/EthCodRF.htm> (дата обращения: 18.07.2017).

⁵ Определение от 15 ноября 2012 г. Тихоокеанского флотского военного суда [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения: 15.08.2017).

действиях общественно полезную цель в виде создания благоприятных условий для службы военнослужащих. Суд не признал действия осуждённого обоснованным риском, поскольку для достижения поставленных целей командиром могли быть использованы законные средства, не связанные с требованием передачи денежных средств подчиненными.

Также важным критерием правомерности является достаточность предпринятых мер для предотвращения вреда. Понятие достаточности по характеру является оценочным, и некоторые авторы выделяют объективный и субъективный критерии достаточности. Объективный критерий включает соблюдение инструкций и правил, предварительное получение максимальной информации об индивидуальных особенностях больного. К субъективным относятся осознание субъектом вероятной возможности вредных последствий, принятие необходимых мер к предотвращению вреда или его минимизации. Здесь важно обратить внимание на исключение такой формы вины при необоснованном риске, как небрежность, которая предполагает, что субъект не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий. Однако медицинский работник предвидит возможные вредные последствия и для этого предпринимает достаточные меры, поэтому при необоснованном риске будет иметь место преступление с неосторожной формой вины в виде преступного легкомыслия¹. При этом компетентность и степень профессионализма лица, принимающего решение о медицинском вмешательстве должно быть официально подтверждено документом о квалификации, специализации, для признания риска обоснованным в случае наступления неблагоприятных последствий². Кроме того, медицинский работник должен руководствоваться не только своими знаниями, опытом, но и применять доступное современное техническое оборудование и новые разработанные методики лечения в соответствующей области. В решении Промышленного районного суда г. Ставрополя по делу № 2-184-11 от 6 апреля 2011 года суд указал, что у медицинского учреждения были ограниченные возможности для диагностики заболевания, что было учтено судом при оценке степени вины медицинских работников³.

Во всех случаях необходимым условием правомерности действий медицинских работников является получение информированного добровольного согласия пациента или его законных представителей на медицинское вмешательство, что закрепляется Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴, при этом представляется спорным вопрос о достаточности перечня информации, указанного в Законе, который не позволяет пациенту самостоятельно оценить степень риска диагностического или лечебного вмешательства, что требует дополнительного законодательного урегулирования. Также возникает ряд вопросов при квалификации действий врача в экстремальной обстановке, когда добровольное согласие было невозможно получить, а угроза была наличной и действительной для жизни пациента.

Особого внимания требует вопрос о правовом регулировании биомедицинских исследований на человеке в РФ, когда возникает противоречие между всеобщей заинтересованностью общества, государства в изобретении нового метода лечения

¹ Козаев Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Ставрополь, 2001. С. 84-85.

² Кибальник А.Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников: монография /А.Г.Кибальник, Я.В. Старостина. М.: Илекса, 2008. С. 90.

³ Решение № 2-184/2011 от 6 апреля 2011 г. по делу № 2-184/201. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru> (дата обращения 15.07.2017).

⁴ Михайлов В.И. Согласие лица на обстоятельство, исключающее преступность деяния// Законодательство. 2002. №2. С.14.

или препарата, и интересами лица, которому гарантируется защита его прав¹. Однако данная сфера регламентируется отдельными нормами, нуждающимися в систематизации и совершенствовании в соответствии с реалиями нового времени².

Несоблюдение всех вышеперечисленных условий правомерности обоснованного риска в совокупности влечет уголовную ответственность по соответствующей статье УК РФ и иногда рассматривается как смягчающие наказание обстоятельство (п. «ж» ст. 61 УК РФ)³. В случаях, когда имеется дефект оказания медицинской помощи, наступает уголовная ответственность за ненадлежащее исполнения лицом своих профессиональных обязанностей в зависимости от наступивших последствий: причинение смерти по неосторожности - ч.2 ст.109 УК РФ, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности - ч.2 ст.118 УК РФ. Причинение любого другого вреда здоровью по неосторожности, кроме тяжкого, уголовной ответственности не влечет: за причинение легкого вреда по неосторожности она изначально не предусмотрена, а причинение средней тяжести вреда здоровью декриминализировано (исключение составляет только ч.1 ст.124 УК РФ неказание помощи больному).

Однако в судебной практике крайне редко встречаются случаи исключения ответственности медицинских работников по такому основанию как обоснованный риск. При установлении отсутствия вины медицинских работников в неблагоприятном исходе суды, как правило, не ссылаются на ст. 41 УК РФ, так как она скрывается за констатацией факта отсутствия состава преступления.

Так, в 2017 году судебным решением республики Татарстан не установлена вина медицинского работника гинекологического отделения при проведении пациентке ряда медицинских манипуляций, приведших к удалению матки и хроническому заболеванию. Из выводов судебно-медицинской экспертизы следует что у потерпевшей все оперативные вмешательства проведены с целью сохранения жизни по экстренным показаниям, то есть вред причиненный был меньше вреда предотвращенного. Кроме того, медицинская помощь была оказана в соответствии с порядками и стандартами оказания медицинской помощи, причинная связь между действиями врачей и наступившими последствиями в состоянии здоровья отсутствует. Из указанного следует, что действия врачей были правомерными, а наступившие последствия были результатом факторов риска (возрастные изменения, воспалительные процессы пациентки)⁴.

Данные выводы подтверждаются обзором судебной практики Верховного Суда РФ за 2015 г., разъяснившим, что ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей является поведение лица, полностью или частично не соответствующее официальным требованиям, в результате чего наступает смерть потерпевшего. Кроме того, действия лица должно быть обязательным условием наступившего последствия, т.е. должна быть установлена причинно-следственная связь между деянием и наступившим неблагоприятным исходом⁵.

¹ Овичинникова Г.В. Виды профессионально- хозяйственного риска/ Правоведение. 1990. № 4. С. 60.

² Федеральный закон от 12.04.2010 № 61 «Об обращении лекарственных средств» (ст. 43); «Основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; Приказ Минздрава РФ от 26.05.2003 № 220 «Об утверждении отраслевого стандарта «Правила проведения внутрилабораторного контроля качества количественных методов клинических лабораторных исследований с использованием контрольных материалов».

³ Бедрин Л.М. Ответственность медицинских и фармацевтических работников за профессиональные правонарушения. Ярославль. 1996. С. 432.

⁴ Решение № 2-2344/2016 2-4/2017 от 1 февраля 2017 г. по делу № 2-2344/2016 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru>.

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) Определение N 13-УД15-1(дата обращения 15.07.2017).

А. А. ШИЛКИНА

магистрант 1 курса
юридического института Иркутского
государственного университета

КАТЕГОРИЯ «ЗАВЕДОМОСТЬ» В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 18 УК РФ

Анализируются многочисленные изменения в позициях законодателя и правоприменителя относительно субъективной стороны половых преступлений. Оценивается обоснованность исключения критерия «заведомость» из норм, предусматривающих ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Автором высказываются критические замечания в части изменения позиции Пленума Верховного Суда РФ, касающейся вменения признаков возраста потерпевшего лица при совершении половых преступлений.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, заведомость, половая свобода, половая неприкосновенность.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за преступления, предусмотренные ст. 131 – 135 УК РФ, в 2011 г. было осуждено 7081 лицо, в 2012 г. – 6026, в 2013 г. – 5630, в 2014 г. – 6126, в 2015 г. – 7260, в 2016 – 7566, что на 34 % больше, чем 3 года назад. Особое беспокойство общества вызывают преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, поскольку они представляют значительную опасность для развития ребенка в психическом, физическом и нравственном аспектах. Совершенные действия могут стать причиной возникновения суицидных наклонностей у потерпевших.

В данном случае одним из самых трудных этапов квалификации общественно опасных деяний по субъективной стороне является отношение субъекта преступления к возрасту потерпевшего лица. Ни одно десятилетие ученые и практики осуществляют непрерывный поиск наиболее оптимальной модели вменения данного признака, но до сегодняшнего дня согласия в подходе к решению настоящего вопроса не достигнуто, о чем явно свидетельствуют многочисленные изменения, вносимые в УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ).

С момента введения в действие современного УК РФ позиции высших законодательных и судебных органов менялись с завидной регулярностью.

Изначально во всех статьях главы 18 УК РФ, где был прописан возраст потерпевшего лица (а именно в статьях 131, 132, 134 и 135 УК РФ), присутствовало указание на заведомость. В тот момент действовало постановление Пленума ВС РФ от 22 апреля 1992 года № 11 «О судебной практике по делам об изнасиловании» в редакции от 21 декабря 1993 года, которое в 10 пункте содержало следующее разъяснение: «квалификация ... возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней. При этом необходимо учитывать не только показания самого подсудимого, но и тщательно проверять их соответствие другим обстоятельствам дела»¹. Здесь обозначены возможные интеллектуальные границы от «знал» до «допускал», то есть от прямого до косвенного умысла, от достоверных знаний о возрасте потерпевшего лица, например, в силу прежнего знакомства, до предположений и факта не исключения малолетства или несовершеннолетия. «Использование термина допущение, в смысле интеллектуального признака

¹ О судебной практике по делам об изнасиловании : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 апр. 1992 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.

ка, очень неудачно и не только потому, что толкующий орган вольно использует законодательную терминологию, характеризующую волевой момент косвенного умысла, но, прежде всего потому, что допущение, как интеллектуальный признак, очень близко приближается к размытой формулировке «могло и должно предвидеть». Допущение не может очертить границы умысла, использование такого интеллектуального признака ставит правоприменителя в очень сложное положение, ему нужно будет устанавливать различные оттенки осознания возраста потерпевшего лица»¹.

В 2004 году Пленум ВС РФ занял более однозначную позицию и при вынесении постановления от 15 июня 2004 года № 11 зафиксировал, что виновный должен был достоверно знать о возрасте потерпевшего лица или же его внешний облик явно свидетельствовал, например, о его возрасте. «Добросовестное заблуждение, возникшее на основании того, что возраст потерпевшего лица приближается к совершеннолетию или в силу акселерации оно выглядит взрослее своего возраста, исключает вменение виновному лицу данного квалифицирующего признака»². Именно данная трактовка на тот период времени законодательно закреплённого признака «заведомо не достигшего [определённого] возраста» является, на наш взгляд, наиболее терминологически точным и удачным с точки зрения модели вменения этого признака в составах преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ.

Следующей важной вехой стал федеральный закон от 27 июля 2009 года № 215-ФЗ³, которым были внесены противоречивые изменения в УК РФ. Из диспозиций статей 131 и 132 УК РФ были исключено слово «заведомо» как по отношению к малолетним потерпевшим, так и по отношению к несовершеннолетним. Однако в статьях 134 и 135 УК РФ установленный признак не стали упразднять, более того, законодатель дифференцировал уголовную ответственность в зависимости от возрастной характеристики потерпевшего лица (12, 14 и 16 лет) и в каждой новой части вышеперечисленных статей ввел признак заведомого знания субъектом преступления о возрасте детей и подростков. Неоднозначную оценку вызвало данное решение парламента. Указанный признак был исключен из статей 134 и 135 УК РФ лишь спустя три года федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ⁴.

Свою позицию по этому вопросу Верховный Суд РФ выразил в Определении от 31 января 2011 № 3-О11-2, где было указано, что «исключение из прежней редакции указания о «заведомости» совершения изнасилования потерпевшей, не достигшей четырнадцати лет, не освобождает органы следствия от обязанности доказывания наличия у виновного лица умысла на совершение инкриминируемых ему действий»⁵.

¹ Дубовиченко С. В. Спорные вопросы субъективной стороны преступления в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Вестник ВУиТ. 2015. № 2. С. 183.

² О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 // Рос. газ. 2004. 29 июня.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3921.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29 фев. 2012 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 янв. 2011 г. № 3-О11-2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

С. В. Дубовиченко считает: «Такая позиция полностью согласуется с принципом субъективного вменения, при этом не имеет никакого значения, закреплена ли «заведомость» в тексте закона или нет»¹. А. П. Дьяченко так же поддерживает решение законодателя: «Признак «заведомости» отсутствует в уголовном законодательстве зарубежных стран и обоснованно исключен из УК РФ. Представляется, что возврат этого признака в национальное уголовное законодательство будет наихудшим законодательным решением, поскольку он существенно нарушает права и свободы потерпевших на защиту, а также позволяет виновному избежать более строгой ответственности и наказания за содеянное»².

Сохранил свое мнение по данному вопросу Пленум ВС РФ и через два года постановлении от 14 июня 2013 года № 18. Внося изменение в свое постановление от 15 июня 2004 г. № 11 года «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал: «...квалификация преступлений возможна лишь в случаях, когда виновное лицо знало или допускало, что потерпевшим является лицо, не достигшее соответственно восемнадцати либо четырнадцати лет»³. Таким образом, мы вернулись к правилам, высказанным Пленумом ВС РФ в 1992 году.

В.Б. Поезжалов и А.Е. Линкевич высказались следующим образом: «Установление фактического возраста потерпевшей должно было стать объективным мерилom ответственности насильника, исключаящим его субъективное представление о данном свойстве жертвы. Следовательно, законодатель поставил задачу, возвести в ранг закона объективное вменение рассматриваемых квалифицирующих обстоятельств изнасилования. Между тем, Пленум ВС РФ проигнорировал данный факт. Получается, что законодатель вносит изменения в закон, а правоприменитель игнорирует его позицию, давая ограничительное толкование вполне однозначно требующего буквального понимания признака уголовно-правовой нормы»⁴.

В ныне действующем постановлении Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»⁵ сохранена прежняя позиция, согласно которой лицо знало или допускало определенный возраст потерпевшего лица.

Представляется спорным, что даже в одном и том же постановлении Пленум ВС РФ избирает разный подход при разьяснении признаков субъективной стороны⁶. Так, по отношению к беспомощному состоянию субъект преступления должен безусловно знать, что потерпевшее лицо находится в таком состоянии, напри-

¹ Дубовиченко С. В. Спорные вопросы субъективной стороны преступления в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Вестник ВУиТ. 2015. № 2. С. 180.

² Дьяченко А. П. Отзыв официального оппонента на диссертацию А. М. Мартиросьяна «Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты)», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук (по специальности – 12. 00. 08) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 2. С. 97.

³ О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 года № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2013 г. № 18 // Рос. газ. 2013. 21 июня.

⁴ Поезжалов В. Б., Линкевич А. Е. Разьяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации: спорные вопросы судебного толкования // Евразийская адвокатура. 2016. № 5. С. 23.

⁵ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 дек. 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014. 12 дек.

⁶ Гармышев Я. В., Егев И. М., Пархоменко С. В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 734.

мер, из-за определенной степени опьянения, а по отношению к возрасту он может только допускать, догадываться, но точно не знать. Складывается весьма спорная ситуация: в первом случае при допущении такого состояния состав преступления будет отсутствовать, если не будет насилия или угрозы его применения, а во втором – будет иметь место квалифицированный состав преступления. «Пределы интеллектуального содержания умысла следует определять не сомнением в наличии или отсутствии сознания, а использованием правил о фактической ошибке: лицо либо осознает, либо добросовестно заблуждается относительно возраста, равно как и других признаков потерпевшего»¹.

Анализируя многочисленные изменения, внесенные в главу «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» за период действия современного Уголовного кодекса Российской Федерации, можно прийти к выводу об отсутствии последовательности позиции законодателя и Пленума ВС РФ. Последний то давал ограничительное толкование признаку «заведомости» относительно половых преступлений, то вновь прибегал к расширительному толкованию, иногда выходя за рамки буквального.

Стоит согласиться с мнением Е. А. Пашенко: «Нестабильность практики применения уголовного закона постепенно становится основной характерной чертой современной правоприменительной деятельности, и предпосылок к ее упорядочению пока нет. Во многом возникновение такого ее состояния обусловлено не только непоследовательностью вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования, но и его полной неадекватностью реальной действительности, криминогенной обстановке и тенденциям развития преступности в современном обществе. Все это оказывает самое непосредственное влияние на дестабилизацию правоприменительной деятельности и способствует дальнейшему подрыву авторитета уголовного закона»².

В целях устранения названных недостатков предлагаем вернуть исключенный признак «заведомости» в диспозиции статей главы 18 УК РФ, поскольку на практике этот признак все равно приходится доказывать в связи с разъяснениями Пленума ВС РФ. Однако целесообразно трактовать указанный термин не как знание или допущения, а исключительно как достоверную осведомленность относительно возрастных характеристик потерпевшего лица, что нужно закрепить в примечании к статье, чтобы Пленум ВС РФ не смог вновь поменять суть новеллы. А так же вернуть положения о добросовестном заблуждении, в связи с чем, необходимо будет внести соответствующие изменения в постановление Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

¹ Дубовиченко С. В. Спорные вопросы субъективной стороны преступления в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «о судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Вестник ВУиТ. 2015. № 2. С. 184.

² Пашенко Е. А. Уголовная политика в отношении преступлений против половой неприкосновенности: правотворчество и правоприменение // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 46.

V

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

С. Р. БОБЫЛЕВ
магистрант 2 курса
Воронежского Государственного
Университета

ОСНОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье затронуты проблемные аспекты задержания в уголовном процессе. Автор анализирует предусмотренные действующим УПК РФ основания и двусмысленность данного процессуального действия, акцентирует внимание на неоднозначности используемых законодателем формулировок и предлагает собственные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: задержание, уголовный процесс, УПК РФ.

Институт задержания уже длительное время привлекает пристальное внимание ученых и практических работников. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ важнейшим условием для задержания является подозрение лица в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы (91 УПК РФ).

Под основаниями задержания понимаются фактические данные, позволяющие заподозрить лицо в совершении преступления¹. В связи с тем, что в законе отсутствуют четкие формулировки, основания задержания, приведенные в части 1 статьи 91 УПК РФ, оставляют желать лучшего с позиций охраны прав личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Рассмотрим первое основание для задержания – лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). В данном контексте понятие «при совершении преступления» означа-

¹ Коротков А. П., Тимофеев А. В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ : комментарий. М. : Экзамен, 2005. С. 165–166.

ет следующее: лицо было застигнуто при покушении на преступление, или же во время совершения действий, которые образуют оконченное деяние. Задержание лица, которое застигнуто непосредственно после совершения преступления, охватывает те случаи, когда лицо уже не совершает преступных действий, однако всё ещё находится на месте совершения преступления, где обстановка его совершения и другие обстоятельства во всей совокупности дают основания заподозрить именно данное лицо в совершении общественно опасного деяния. По нашему мнению, следует также относить к указанному основанию те случаи, когда лицо застигнуто уже после совершения оконченного покушения или в момент бегства с места преступления.

Вторым основанием для задержания УПК РФ называет наличие сведений о том, что потерпевшие или очевидцы указывают на данное лицо как на совершившее преступление. Следует обратить внимание, что п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ изложен в иной редакции, нежели соответствовавший ему п. 2 ч. 1 ст. 122 УПК РСФСР, и не содержит обязательного требования о том, чтобы очевидцы и потерпевшие «прямо» указывали на конкретное лицо как на совершившее преступление. Иными словами, в качестве основания для задержания подозреваемого может рассматриваться не любое указание потерпевшего или очевидца на лицо, как на совершившее преступление, а лишь те случаи, когда ими определено называется лицо, которое, по их мнению, совершило конкретное преступление. Необходимо отметить, что используемое в п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ выражение «потерпевшие или очевидцы» вызывает вполне логичный вопрос: возможно ли показания потерпевших, которые не были очевидцами преступления, но, указывают на конкретное. лицо. как. на совершившее преступление, рассматривать в качестве основания для задержания? Полагаем, что нет: в случае, если потерпевший не был очевидцем преступления, то его указание на лицо как на совершившее преступление будет относиться к «иным данным». Обобщая вышеизложенное, следует заметить, что п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ применяется исключительно в тех случаях, когда потерпевшие или иные лица непосредственно своими глазами наблюдали совершение преступления. И при этом очевидцы и потерпевшие могут указать на лицо, как на совершившее преступление только по им понятным основаниям, что подтверждает исключение из УПК РФ обязанности прямого указания. Толкование данного основания для задержания с позиций охраны прав и свобод подозреваемого приводит к признанию правильности формулировки ранее действующей ст. 122 УПК РСФСР и объективной необходимости прибегать к использованию положений советского законодательства. Принимая во внимание вышеизложенное, формулировка п. 2 ч. 1 ст. 122 УПК РСФСР, в сравнении с положениями п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, наиболее предпочтительна, так как в ней довольно точно и конкретно регламентированы основания задержания подозреваемых.

В качестве третьего основания для задержания в п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ называется обнаружение явных следов преступления на подозреваемом, на его одежде, при нем или в его жилище. Здесь обращает на себя внимание указание на место, где их обнаружение возможно и то, что данные следы должны быть явными. Явными являются следы, устанавливающие взаимосвязь предметов или объектов с преступным событием. Мы разделяем мнение М.В. Наумова, о том, что к ним можно отнести пятна крови и другие выделения организма человека, укусы, царапины, порезы, оставленные на теле подозреваемого потерпевшим при самообороне, следы пороховой копоти на руках подозреваемого в случае применения им огнестрельного оружия, различные вещества с места происшествия (пыжи,

дробины, обрывки бумаг, стреляные гильзы и т.д.)¹. К следам преступления, обнаруженным при подозреваемом, могут быть отнесены орудия совершения преступления (огнестрельное и холодное оружие, кастеты и т.п.), похищенные предметы и деньги. В доме или квартире, где проживает подозреваемый, в принадлежащих ему подсобных помещениях и хозяйственных постройках могут быть найдены орудия преступления, похищенные ценности, одежда с пятнами крови и иными человеческими выделениями, различные документы (фотографии, видео, аудиозаписи). Обнаружение таких следов может явиться основанием и для подозрения лица в совершении преступления, и для его задержания. Явными следами следует признавать и такие, когда подозреваемый не может объяснить их происхождение иначе как своей причастностью к преступлению. Если существуют возможные варианты неправомерного происхождения следов, то будет важно, какие аргументы в свое оправдание сможет привести подозреваемый. Вызывает, как минимум, недоумение, четкое и не двусмысленное перечисление всех мест, где эти следы могут быть обнаружены для принятия процессуального решения о задержании – «на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище».

Не поддается никакому объяснению, почему следы должны быть непременно «на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище». Основным местом локализации следов преступления является место происшествия. В следственной практике нередко ситуации обнаружения на месте происшествия следов рук, обуви, транспортных средств, иных предметов, принадлежащих преступнику. Таким образом, несмотря на явность следов и их взаимосвязь с событием преступления и подозреваемым, конструкция п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ не позволяет принять решение о задержании, т. к. данные следы обнаружены не на подозреваемом, ни на его одежде, ни при нем, в ни его жилище. Можно констатировать явную нелогичность ситуации.

Все данные о причастности подозреваемого, которые не вошли в перечисленные три основания для задержания, автоматически должны быть отнесены к «иным данным, дающим основание подозревать лицо в совершении преступления». Однако и тут законодатель установил жесткие условия использования «иных данных». Так, например, ч. 2 ст. 91 УПК РФ предписывает: «При наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу». Отсутствие перечисленных условий исключает возможность использования иных данных в качестве основания задержания. Однако, при наличии только одних этих условий без иных данных, указывающих на совершение преступления определенным лицом, на наш взгляд, лицо не может быть задержано.

Конструкция оснований для задержания должна быть четкой, понятной правоприменителю и не дающей оснований для двоякого толкования. Полагаем, ч. 1 ст. 91 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«1. Орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда

¹ Наумов М. В. Эволюция правового института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России / М.В. Наумов // Актуальные проблемы российского права. М., 2013. № 5. С. 543 – 553.

это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, а по тяжким и особо тяжким преступлениям также при приготовлении к преступлению; 2) когда на допросе или опознании потерпевшие или свидетели укажут на данное лицо как совершившее преступление; 3) когда будут обнаружены явные следы преступления, указывающие на данное лицо как совершившее преступление».

Совершенствование правового регулирования применения мер уголовно-процессуального принуждения, в частности задержания, является одним из концептуальных направлений в теории уголовного процесса.

Проведенный анализ уголовно-процессуальных норм, в частности положений статьи 91 УПК РФ, позволил выявить ряд проблем законодательного регулирования, а именно двусмысленность и неоднозначность формулировок, которые неизбежно повлекут объективную путаницу правоприменителей при определении оснований для задержания. Полагаем, что внесение вышеизложенных изменений в Уголовно-Процессуальный Кодекс РФ смогут разрешить все существующие проблемы.

А. Ю. ВЕДЯЙКИН

выпускник

Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В научной статье раскрывается значение института присяжных заседателей в уголовном процессе как гарантии реализации конституционных прав граждан. Автором исследованы особенности участия присяжных в процессе уголовного судопроизводства, проанализирована судебная практика по вопросам исследования доказательств в присутствии присяжных заседателей, типичные нарушения судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, предложены меры по совершенствованию данного института в уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: присяжные, конституционные гарантии, уголовный процесс, доказывание, доказательства.

Конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия является одним из основных политических прав. Именно поэтому судебная реформа берет свое начало от конституционного провозглашения принципа участия граждан в отправлении правосудия. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» придает особое значение необходимости учета общественного мнения в работе судов на основе регулярного общественного мониторинга качества работы судов, а также подотчетности и контроля со стороны общества за судебной властью как средству антикоррупционной политики.

Суд присяжных является мощным правозащитным институтом. Именно в таком качестве его рассматривает Конституция РФ, поэтому право обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных - это одно из неотъемлемых его конституционных прав, гарантирующих демократичность судебного процесса.

Порядок судопроизводства с участием присяжных заседателей определен в УПК РФ, которым регламентированы подсудность дел и состав коллегии присяжных заседателей, предоставлена возможность привлечения запасных присяжных.

Важным элементом закона РФ о присяжных заседателях судов общей юрисдикции является условие, при котором может быть назначен суд присяжных. Уголовное дело должно быть рассмотрено судом присяжных, если оно подсудно областному и приравненному к нему судам и сам подсудимый заявит ходатайство с просьбой рассмотреть уголовное дело с участием присяжных заседателей. Суд обязан удовлетворить такое заявление, так как это конституционное право любого гражданина России.

Особенность доказывания в суде с участием присяжных заседателей выражается в том, что его можно разделить на две части: до вынесения вердикта и после вынесения вердикта.

В компетенцию присяжных заседателей входит разрешение вопросов, обозначенных в ч. 1 ст. 339 УПК РФ. В случае признания присяжными заседателями подсудимого виновным они также указывают, заслуживает ли он снисхождения.

Судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей открывается вступительными заявлениями государственного обвинителя и защитника. Первая особенность судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей заключается в том, что в судебном разбирательстве обвинительное заключение целиком не оглашается. Государственный обвинитель излагает только существо предъявленного подсудимому обвинения, то есть определяет предмет и пределы уголовно-правового конфликта. В завершении вступительного заявления государственный обвинитель предлагает порядок исследования представленных им доказательств, обсудив его предварительно с другими участниками судопроизводства на стороне обвинения. С этого выступления прокурора и начинается судебное следствие.

Не следует недооценивать указанную часть судебного процесса, поскольку это первое выступление перед присяжными заседателями, в котором кратко и понятно излагается суть предъявленного обвинения, определяется порядок исследования доказательств. Версия обвинения не должна ограничиваться простым описанием случившегося, а должна указывать и причины, по которым события развернулись именно так, как это утверждает государственный обвинитель. В своем вступительном заявлении прокурор может указать на характерные особенности дела, особый характер доказательств, пояснить некоторые моменты, которые изначально могут вызвать предубеждение у присяжных заседателей.

Второй особенностью и уголовно-процессуальным действием на этапе судебного следствия при разрешении уголовного дела с участием присяжных заседателей является выступление защитника, который излагает суду согласованную со своим подзащитным позицию по существу инкриминируемого обвинения, а также свое мнение о порядке исследования доказательств, представленных стороной защиты.

Выступая со вступительным заявлением и определяя порядок исследования доказательств, стороны должны иметь в виду, что данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в которой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления. Запрет исследования некоторых обстоятельств в присутствии присяжных заседателей обусловлен тем, что такие обстоятельства могут вызвать несправедливое сомнение у коллегии присяжных заседателей в отношении подсудимого, что может повлечь за собой вынесение несправедливого вердикта.

В то же время, как быть в случае, если подобные сведения о подсудимых становятся известными присяжным заседателям в ходе допросов свидетелей или потерпевших законодатель не разъясняет. Верховный Суд РФ признает оглашение потерпевшими или свидетелями сведений о личности подсудимых как несущественную ошибку, если она была исправлена председательствующим в напутственном слове.

Положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ не содержат аналогичного запрета на исследование данных о личности потерпевшего, свидетелей, что порой приводит к злоупотреблению сторонами правом представлять как положительные, так и отрицательные сведения о них. Справедливости ради стоит отметить, что сведения о личности потерпевшего так же, как и подсудимого, способны вызвать предубеждение со стороны присяжных.

В связи с этим целесообразно внесение в ст. 335 УПК РФ изменений, запрещающих исследовать факты прежней судимости потерпевшего, свидетеля, признания их хроническими алкоголиками или наркоманами и иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных.

Кроме того, необходимо наделить государственного обвинителя правом доводить до сведения присяжных заседателей информацию, негативно характеризующую подсудимого, в тех случаях, когда возникает необходимость в опровержении доводов защиты. Представляется несправедливым, что присяжные заседатели не должны воспринимать информацию, негативно характеризующую только подсудимого, что, в свою очередь, не способствует объективности и всесторонности исследования и затрудняет вынесение справедливого решения.

Анализ практики Верховного Суда РФ в части особенностей судебного следствия с участием присяжных заседателей показывает, что к наиболее часто встречающимся нарушениям относятся: нарушение пределов судебного следствия; исследование в присутствии присяжных заседателей заявлений подсудимого о даче им признательных показаний на предварительном следствии в связи с незаконными методами ведения следствия; исследование в суде присяжных фактов, обозначенных в ч. 8 ст. 355 УПК РФ.

Специфика судебного следствия с участием присяжных заседателей выражается также в порядке и последствиях признания доказательств недопустимыми.

По общему правилу вопрос об исключении недопустимых доказательств из материалов уголовного дела решается на предварительном слушании. Если же обстоятельства, которые свидетельствуют о недопустимости доказательства, обнаружены непосредственно в ходе его исследования на этапе судебного следствия, такое доказательство может быть исключено председательствующим, как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе мотивированным постановлением. Стороны, заявляя свое ходатайство об исключении недопустимого доказательства, должны сообщать председательствующему лишь о наличии у них ходатайства юридического характера, но не раскрывать его содержания в присутствии присяжных заседателей.

Исключение недопустимого доказательства из уголовного дела на начальных этапах судебного разбирательства не лишает стороны права заявить ходатайство о признании данного доказательства допустимым и о его рассмотрении с участием присяжных заседателей на стадии судебного следствия. Вопрос о допустимости доказательства или о пересмотре ранее принятого решения об исключении недопустимого доказательства из дела рассматривается в отсутствие присяжных заседателей.

Одной из существующих проблем, по мнению Рубачевой Е.Л., является то, что законодатель без достаточных оснований лишает присяжных заседателей права на активное участие в исследовании, проверке и оценке доказательств путем поста-

новки вопросов подсудимому, потерпевшему, свидетелям и экспертам. Присяжные заседатели не имеют даже право самостоятельно задавать вопросы допрашиваемым в суде лицам¹.

Сложность для самостоятельной оценки присяжными нередко представляют такие доказательства, в основе которых лежат материалы оперативно-розыскной деятельности, аудио и видеозаписи, данные биллинга и другой информации, связанной с использованием мобильной связи, технические и иные современные экспертизы, требующие глубокого анализа материалов уголовного дела и профессиональных правовых навыков. В результате присяжные вынуждены до нескольких десятков раз выходить из совещательной комнаты для разъяснения им председательствующим тех или иных вопросов.

Соглашаемся с позицией А. Г. Халиулина, что «присяжные в российских судах должны иметь возможность знакомиться с доказательствами, имеющимися в уголовном деле, кроме доказательств, признанных недопустимыми. Вряд ли можно согласиться с тем, что сложнейшие доказательства, такие, например, как заключения судебных экспертиз, присяжные заседатели должны воспринимать на слух в судебном заседании. То же можно сказать и об ознакомлении присяжных заседателей со сведениями о личности подсудимого, так как присяжные вправе решать вопрос о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения, участвуя таким образом в процедуре определения наказания»².

Этого же мнения придерживается и О. В. Качалова, которая в качестве путей реформирования суда с участием присяжных заседателей говорит о необходимости наделить присяжных правом знакомиться с материалами уголовного дела в части, обеспечивающей доступ к доказательственной информации, в том числе правом обращаться к заключениям экспертов, знакомиться с протоколами следственных действий, иными материалами дела³.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ присяжные заседатели вправе допрашивать свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов только через председательствующего путем направления старшиной соответствующих записок. Такое положение законодательства предопределено тем, что, во-первых, вопросы должны рассматриваться как исходящие от коллегии в целом, а не от конкретного присяжного заседателя, а, во-вторых, это своего рода гарантия обеспечения беспристрастности присяжных заседателей.

Считаем, что если на присяжных заседателях лежит обязанность вынесения вердикта, определяющего во многом судьбу подсудимого, то они должны иметь право задавать вопросы сразу после председательствующего судьи до того, как свои вопросы будут задавать допрашиваемым лицам стороны. Но законодатель не позволяет присяжным заседателям даже самостоятельно сформулировать и задать вопросы допрашиваемым лицам.

Обратим внимание на серьезное противоречие в правах присяжных заседателей: решать вопрос о том, виновен подсудимый в совершении преступления или нет, законодатель присяжным заседателям доверяет, а вот задать самостоятельно вопрос допрашиваемым лицам в ходе судебного следствия - нет. Представляется, что присяжные заседатели должны иметь право самостоятельно формулировать и непосредственно задавать вопросы допрашиваемым лицам в ходе судебного следствия как в письменном виде, так и устно.

¹ Рубачева Е. Л. О некоторых причинах необоснованно большого количества оправдательных приговоров суда с участием присяжных заседателей / Е. Л. Рубачева, Н. М. Новик // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 2. С. 66.

² Халиулин А. Г. Реформа суда присяжных и реализация права граждан на участие в отправлении правосудия // Уголовный процесс. 2015. № 4. С. 32.

³ Качалова О. В. Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации // Уголовный процесс. 2015. № 4. С. 18.

А. А. ДЕДУШКИН

выпускник

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СФОРМИРОВАННЫХ НА ОСНОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследован дискуссионный аспект доказательственного значения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе и случаях признания их недопустимыми. Автором проанализирована научная литература по данному вопросу и уделено особое внимание необходимости соблюдения ряда правил процессуального оформления результатов оперативно-розыскной деятельности с целью дальнейшего их признания в качестве доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: ОРД, доказательства, уголовный процесс, недопустимый.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), как самостоятельный вид государственной деятельности с присущими ей специфическими целями, задачами и средствами их достижения, находится в фокусе изучения нескольких юридических наук. Для науки уголовного процесса и теории ОРД общим предметом изучения выступает институт использования результатов ОРД в доказывании.

Действующий УПК РФ допускает использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, но ст. 89 УПК РФ ограничивает возможность их использования только теми случаями, когда результаты ОРД отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Согласно п. 36.1 ст. 5 УПК РФ под результатами ОРД понимаются сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В то же время в научной литературе данная дефиниция подвергается обоснованной критике по той причине, что она не полностью отображает объем раскрываемого понятия. Конструктивная научная критика не только отмечает существующие недостатки определения, но и предлагает собственное. Так, Т.Г. Николаева, А.А. Ларинков, Е.Л. Никитин определяют результаты ОРД в уголовном судопроизводстве как оперативно-розыскные сведения (информация), полученные путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые устанавливают обстоятельства, связанные с подготавливаемым, совершаемым или совершенным преступлением, розыском лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания, отражающиеся в оперативно-служебных документах, фиксирующих ход и итог оперативно-розыскных мероприятий (справка, рапорт и др.), на технических носителях, в различных материальных предметах и документах, полученных гласно и негласно при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий¹.

Анализ УПК РФ во взаимосвязи с ФЗ «Об ОРД» позволяет прийти к выводу о том, что законодатель не конкретизировал, каким образом результаты ОРД вводятся в уголовный процесс, как они «трансформируются» в доказательства или, иначе

¹ Николаева Т. Г., Никитин Е. Л., Ларинков А. А. Правовая природа результатов оперативно-розыскной деятельности и процедура их использования в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 303.

говоря, каким образом уголовно-процессуальные доказательства формируются на основе результатов ОРД, и что самое главное, какие требования должны быть соблюдены компетентными должностными лицами для того, чтобы полученные на основе результатов доказательства обладали свойством допустимости.

Исследуя вопрос о допустимости доказательств, сформированных на основании результатов ОРД, следует выделить комплекс важнейших требований и условий, соблюдение которых формально наделяет свойством допустимости образованные доказательства. К ним относятся:

- 1) требования о соблюдении порядка проведения и документирования оперативно-розыскных мероприятий;
- 2) требования о соблюдении надлежащего порядка предоставления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд;
- 3) требования о соблюдении надлежащего порядка преобразования результатов ОРД в доказательства по уголовному делу.

Известно, что доказательства по уголовному делу могут существовать только в формах, предусмотренных ч.2 ст. 74 УПК РФ. Часть 2 ст. 74 УПК РФ не содержит таких видов доказательства как результаты ОРД, акты ОРМ, из чего следует, что результатам ОРД должна быть предана форма разрешимых законом доказательств путем производства следственных действий.

Поступившие следователю, дознавателю результаты ОРД для использования в целях доказывания на стадии предварительного расследования подлежат осмотру, фиксируемому в протоколе согласно ст. 166, 180 УПК РФ. После проведения осмотра представленных результатов ОРД следователь, дознаватель выносит постановление о приобщении результатов ОРД к уголовному делу в качестве вещественных доказательств (п. 4 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) или иных документов (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В некоторых случаях целесообразно преобразовать, «трансформировать», включить результаты ОРД в уголовный процесс или, иначе, сформировать доказательства на их основе в ходе допроса оперативного работника, осуществлявшего ОРМ.

На сегодняшний день теоретические воззрения ученых¹, утверждающих, что результаты ОРД могут иметь доказательственное значение без их трансформации в доказательства, использоваться при доказывании по уголовному делу, при соотношении с действующим уголовно-процессуальным законодательством и практикой его реализации, подвергаются конструктивной критике и разделяются меньшинством ученых-процессуалистов.

Таким образом, приобщение результатов ОРД к материалам уголовного дела, в обход процедуры их уголовно-процессуального преобразования, порождает два обстоятельства. Во-первых, представленные результаты ОРД не могут рассматриваться в качестве доказательств, они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также отражены в обвинительном заключении (постановлении, акте). Во-вторых, в случае выявления представленных, но не преобразованных результатов ОРД они подлежат исключению ввиду их недопустимости.

Резюмируя сказанное, отметим, что использование доказательств, сформированных на основании результатов ОРД, в доказывании выступает важнейшим компонентом процесса установления истины о преступлениях некоторых категорий. Ошибки или неточности в процессе преобразования результатов ОРД в доказательства могут привести к вынесению незаконного решения по делу, чем и предопределяется высокая значимость разработки указанных проблем.

¹ Агутин А.В., Осипов С.А. Место оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам // Следователь. 2003. N 2. С. 47 – 55; Бозров В. Результаты оперативно-розыскной деятельности - статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. N 4. С. 46 - 48.

А. А. КАЛИНИНА

студент 4 курса

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

РАЗВИТИЕ ДОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

На сегодняшний день остается актуальным вопрос о целесообразности выделения дознания в качестве самостоятельной формы предварительного расследования. Автором рассмотрен генезис термина «дознание», представлены основные характеристики дознания в различные исторические периоды, описана компетенция органов дознания.

Ключевые слова: дознание, характер и содержание действий, осуществляемых при дознании, предварительное расследование.

На протяжении всей истории России можно проследить, что термин «дознание» присутствовал в разных источниках соответствующей эпохи, однако обозначал он различную по характеру и содержанию деятельность. Так, упоминание данного термина встречается еще в «Русской правде», «Судебниках 1497 и 1550 г.». В данной работе мы обратимся к источникам, указывающим на тот момент, когда «дознание» начало приобретать современное понимание.

В 1832 г. все институты уголовно-процессуального судопроизводства были помещены в единый нормативно-правовой акт – Свод законов о судопроизводстве по преступлениям,¹ который вошел в состав Свода законов Российской империи. В данном акте не проводилось разграничений между органами предварительного следствия и органами, осуществляющими сыск. В связи с чем 8 июня 1860 г. «Наказом судебным следователям», «Наказом полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок»² предварительное расследование делилось на дознание, где полиция разыскивала преступников путем негласного разведывания, и на предварительное следствие, при проведении которого осуществлялся сбор и оценка доказательств, в том числе избличение преступника.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) уже более подробно раскрывалось значение дознания, дифференцировались формы судопроизводства, исходя из тяжести преступления, в частности, по преступлениям, которые были подсудны мировому суду, предварительное следствие не проводилось.

Квачевский А.А. высказал мнение, которое разделял Фойницкий И.Я., что дознание отличается от предварительного следствия по юридическому характеру, качеству, глубине и обширности собираемых данных, органу, его производящего, поводу, порядку, объему мер, представляемых законом³. При дознании все собранные материалы полицией направлялись непосредственно в суд. О каждом происшествии полиция обязана была немедленно сообщить судебному следователю или прокурору, если же они не находились на месте – полиция производила дознание. В указанном случае полиция производила все следственные действия до прибы-

¹ Свод законов о судопроизводстве по преступлениям // Свод законов Российской империи. 1832. Т. XV, Кн. II.

² Перфильев В. В. Следствие в пореформенной России // Следователь: теория и практика деятельности. 1995. № 1. С. 26–27

³ Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебному уставу 1864 г. СПб., 1867. Т. 2. С. 61; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 374.

тия судебного следователя, в том числе по собиранию доказательств, применяла меры против уклонения подозреваемого от расследования и суда (ст.ст. 250, 252, 256 УУС). К компетенции дознания относились те преступления, наличие которых ставилось под «сомнение», при этом следственные действия не проводились. Так, в ст. 253 УУС значение термина «сомнение» определялось как «народная молва», «недостоверный источник». Расследование осуществлялось путем розыска, устных расспросов и негласных наблюдений, то есть устанавливалось наличие признаков преступления, из чего можно заключить, что в дореволюционное время основным органом дознания являлась полиция. Ввиду отсутствия четкого разграничения полномочий органов дознания, имелись факты злоупотребления (незаконные лишения свободы, угрозы).

В 1908 г. в соответствии с законом «Об организации сыскной части в Империи» при полицейских управлениях были созданы сыскные отделения, которые осуществляли дознание по уголовным делам.¹ В 1910 г. дознание определялось как «исследование уголовного дела по горячим делам в розыском порядке, направленное к обнаружению обвиняемого и собиранию доказательств его виновности».²

После революции 1917 г. был упразднен прежний порядок уголовного судопроизводства. С 1917 г. по 1922 г. в процессе поиска универсальной модели дознания, предварительное следствие было схоже с дознанием. Так, «обыски, осмотры, выемки... производились для пресечения сокрытия следов преступления», соответственно, без уже упраздненных судебных следователей.³ Как и ранее отсутствовало разграничение между дознанием и предварительным следствием, что привело к принятию УПК РСФСР 1922 г.,⁴ в соответствии с которым органы дознания вправе были производить опрос подозреваемых и свидетелей. Следует обратить внимание на раздел 2 главы 28 данного кодекса, где регламентированы положения о дежурных камерах, значительно упрощающих досудебное производство в отношении задержанного лица. В частности, при наличии признания вины самим задержанным лицом или же мнения органов, произведших задержание, что дело не нуждается в дальнейшем расследовании, лицо заключали в дежурную камеру. В таких случаях предоставление защитника задержанному лицу было не обязательно. Данное обстоятельство ставит под сомнение самостоятельность органов, производящих расследование.

В УПК РСФСР 1923 г. впервые регламентируется два вида дознания.⁵ В ст. 98 УПК РСФСР 1923 г. определено, что «деятельность органов дознания различается в зависимости от того, действуют ли они по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным, или же по делам, по которым акты их могут послужить основанием к преданию обвиняемых суду без производства предварительного следствия». Анализируя ст. 101 УПК РСФСР, можно сделать вывод о том, что при производстве дознания по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, органы дознания руководствуются правилами предварительного следствия.

¹ История полиции дореволюционной России (Сборник документов и материалов по истории государства и права): Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1981.

² Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной палаты//Сборник и руководство к составлению полицейских протоколов с приложениями. – СПб., 1911. – С. 108-157.

³ Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции: Инструкция НКВД и НКЮ. – 1918 г. – С.813

⁴ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: Постановление ВЦИК от 25.05.1922 // СУ РСФСР. – 1922. – № 20. – С. 21.

⁵ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 15.02.1923// Известия ВЦИК. – № 37. – 18.02.1923.

В 1928 г. согласно постановлению ВЦИК И СНК РСФСР «Об изменении положений о судеустройстве» следственный аппарат стал подчиняться прокуратуре. В последующем, расследование в органах НКВД «приобрело такой широкий размах, что в конце 1940 г. ведомственным актом был создан специальный следственный аппарат в органах милиции, который формально по закону занимался дознанием. Уже тогда появились предложения о слиянии всех следственных аппаратов и передаче всего следствия в органы милиции».¹

В конце 50-х г. началась дискуссия о существовании дознания. Так, М.В. Барсуков раскритиковал «разобщение органов дознания и предварительного следствия», поскольку деятельность органов дознания повторяла деятельность следственного аппарата прокуратуры и подобный «параллелизм» себя не оправдывал.² Однако, «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», принятые 25.12.1958 г., сохранили дознание как самостоятельную форму расследования преступлений. Тем самым стало недопустимым существование следователей в органах милиции. 28 февраля 1959 г. органы, производящие дознание, сформировались в структурированную службу с соответствующим названием.³

Принятый в 1960 г. УПК РСФСР предусматривал две формы дознания: дознание по делам, где производство предварительного следствия обязательно (в виде производства неотложных следственных действий по делам данной категории) и, соответственно, не обязательно. В 1985 г. в указанный УПК была введена глава 34, которая закрепила перечень преступлений, расследуемых в протокольной форме. В дальнейшем данную форму исключили, признав ее не конституционной⁴. Протокольная форма расследования имела сходство с новеллой УПК РФ – дознанием в сокращенной форме, которое также упрощает и ускоряет производство по уголовному делу.

Согласно УПК РФ 2001 г. орган дознания также обязан проводить неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно. В то же время дознание, как самостоятельная форма расследования, допускалось для производства по уголовным делам, возбуждаемым в отношении конкретных лиц, и в сжатые сроки – 15 суток, с последующим продлением прокурором до 10 суток. С течением времени сроки такого дознания увеличивались, а его форма усложнялась. В соответствии с изменениями, внесенными в УПК РФ в 2007 г., прокурор стал продлевать срок дознания уже до 30 суток, до 6 месяцев и до 12 месяцев⁵. Таким образом, дознание по форме и значению приблизилось к предварительному следствию, однако необходимость в более ускоренном производстве по уголовному делу сохранилась. Вследствие этого наряду с дознанием, производимым «в общем порядке», в 2013 г. в УПК РФ было введено дознание в сокращенной форме (глава 32.1)⁶.

¹ Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов-на-Дону, 1952. – С. 73

² Барсуков М.В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Советское государство и право. -1957. - № 2.

³ О переименовании в органах милиции следственных отделов-отделений в отделы-отделения дознания: Приказ МВД № 107 от 28.02.1959 г.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: ФЗ от 15.11.1997 № 141-ФЗ. «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 г. № 19-П// Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. - № 50. Ст. 5679.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2027.

⁶ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.,2017].

Существование в настоящее время одновременно двух видов дознания как формы расследования преступлений представляется не вполне оправданным. Вопрос о дальнейшем развитии дознания остается проблемным и открытым. Ученые-процессуалисты предлагают различные способы решения данной проблемы. Так, Дикарев И.С. высказывает мнение о том, что дознание «в общем порядке» надо упразднить, а преступления, расследуемые в указанной форме, передать в подследственность органов предварительного следствия. Дознание должно оставаться как упрощенная форма производства.¹ Подобное мнение, как представляется, заслуживает внимания и поддержки. Однако, как именно будет в будущем развиваться дознание в отечественном уголовном процессе, очевидно, покажет последующее формирование практики российского досудебного производства по уголовным делам.

Е. Ю. КОНЮХОВА

студентка 4 курса
Юридического института
Балтийского федерального
университета им. И.Канта

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КОГНИТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ В ТАКТИКЕ ДОПРОСА

В статье раскрываются цели, задачи, этапы допроса с использованием метода когнитивного интервью, а также рекомендации следователям для повышения эффективности допроса.

Ключевые слова: уголовный процесс, тактика допроса, когнитивное интервью.

Допрос по методу когнитивного интервью возник на стыке двух наук – когнитивной психологии и криминалистики. Когнитивная психология изучает познавательные процессы, формирующие в человеческом сознании информационный базис его представлений об окружающем мире. Задача следователя – раскрыть этот информационный базис и изучить те его части, которые необходимы для расследования преступления.

Особую значимость для следователя представляют достоверные, полные и точные показания, но не всегда удается получить всю интересующую следствие информацию. Помимо стандартных приемов ведения допроса, метод когнитивного интервью базируется на получении информации о преступнике, событии произошедшего, значимых фактов от допрашиваемых лиц с применением методов активизации памяти и процессов припоминания. Установление психологического контакта стимулирует допрашиваемых лиц к предоставлению информации об известных им событиях и восстановление обстоятельств произошедшего побуждает их к изложению большего объема информации.

¹ Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация Содействия Правосудию. // Российская юстиция. 2016. № 5. URL <http://www.iauaj.net/node/2095> (дата обращения: 10.03.2017).

В совокупности с традиционными приемами допроса, метод когнитивного интервью оказывает эффективное содействие следователю при проведении данного следственного действия¹.

Исходя из практики использования когнитивного интервью в расследовании преступлений, данный метод наиболее эффективен при допросе свидетелей и потерпевших. В связи с тем, что эти лица наиболее подвержены стрессу, зачастую находятся в подавленном или наоборот возбужденном состоянии, этот метод помогает им при припоминании определенных событий, представляющих значимость для следствия. При припоминании определенных событий произошедшего часть из них легко воспроизводится, а другая часть хоть и частично утрачивается, но оставляет свой след, и данные события можно вспомнить при помощи активизации памяти.

К сожалению, далеко не каждый следователь использует при проведении допроса метод когнитивного интервью. Попробуем сформулировать ряд рекомендаций для повышения эффективности допроса:

1. Допрос нужно проводить сразу после произошедшего, ведь процесс забывания особенно интенсивен в первые два часа после происшествия, и детали события могут забыться. Но по истечению одного - двух дней процесс забывания замедляется. Целесообразно производить допрос потерпевших и свидетелей на месте происшествия. С помощью приема «оживления» ассоциативных связей можно не только активизировать их память, но и добиться максимальной точности показаний.

2. Если нет возможности провести допрос незамедлительно, то необходимо его произвести при первой возможности в наиболее комфортной для допрашиваемого обстановке, например, в его квартире.

3. В случае, если допрашиваемое лицо испытывает чрезмерные эмоции, волнение, страх, то необходимо дать ему выговориться, чтобы допрашиваемый успокоился.

4. Для установления положительного контакта с допрашиваемым следователю сначала можно представиться и рассказать какую-либо общую информацию о себе. Затем проявить сочувствие, и придерживаясь спокойной, вежливой и медленной манеры речи, побудить допрашиваемого к даче показаний. Возможно, что предлагаемые приемы вызовут доверие к следователю со стороны потерпевшего и свидетеля.

5. Следователь должен убедить допрашиваемого в том, что его показания очень ценны, и он готов ждать столько времени, сколько потребуется. Также, следователь должен обратить внимание свидетеля или потерпевшего, чтобы в своих показаниях они обязательно указывали на детали: запоминающиеся черты в личности преступника, его внешности, окружающей обстановке, поведении, что очень важно для его последующего розыска.

Ведь информация о произошедшем представлена в памяти в виде отдельных фактов и признаков этого события. Поэтому припоминание одного факта или признака может привести к закономерному припоминанию других.²

6. В случае возникновения затруднений у допрашиваемого в определении роста человека, размера какого-либо предмета, необходимо предоставить ему предмет для сравнения. Так, допрашиваемый может и не помнить какого роста был преступник, но он может сравнить его со своим собственным ростом, ростом следователя и указать параметры. Также можно действовать и в случае возникновения трудностей в определении цвета.

¹ Холевчук А. Г. Использование тактики «когнитивного интервью» в целях получения достоверной информации о запланированных действиях допрашиваемого: современные зарубежные подходы // Инновационная наука. 2015. № 11. С. 193-195.

² Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 312-322.

7. Узнать объект значительно проще, чем его вспомнить. К примеру, если допрашиваемый не может вспомнить оружие (его тип и размер), которое он видел у преступника, то следователь может на изображениях показать ему различные виды орудия. Тот же принцип можно использовать и с определением марки автомобиля.

8. Следует помнить, что речь – это не единственный способ получения информации. Так, если допрашиваемый испытывает сложности в объяснении увиденного объекта, то он может изобразить данный объект на бумаге.

Представляется важным обратить внимание следователя на этапы проведения когнитивного интервью:

Начальный этап. Следователь предоставляет возможность допрашиваемому лицу успокоиться и освоиться в новой обстановке, устанавливает с ним психологический контакт, необходимый для дальнейшего сотрудничества. Следователь убеждает допрашиваемого в исключительной важности его показаний и в необходимости их дачи.

Объяснение цели. В задачу следователя входит стимулирование процесса припоминания лицом событий произошедшего и инструктаж о том, что в ходе дачи показаний необходима максимальная концентрация, точность и последовательность показаний, и ни в коем случае нельзя выдумывать ответы.

Инициация свободного рассказа. Следователь предлагает допрашиваемому лицу изложить события произошедшего и выступает в роли внимательного слушателя. На протяжении рассказа не рекомендуется перебивать, задавать вопросы, прерывать, торопить. Задача следователя заключается в фиксации значимой информации и определение уточняющих вопросов.

Расширенный поиск. Допрашиваемому предлагается сконцентрироваться на событии произошедшего (для усиления сосредоточенности можно предложить закрыть глаза), воссоздать отдельные фрагменты происшествия (к примеру, момент, когда преступник угрожал оружием, требуя отдать деньги), изложить события с точки зрения того, как допрашиваемый это видит, попросить подробнее описать объект (лицо преступника, орудие, автомобиль). При необходимости можно вернуться к какому-либо отдельному событию и поподробнее его описать.

Обзорный этап. Следователь медленно и четко озвучивает допрашиваемому все, что было зафиксировано в протоколе и сразу же предлагает допрашиваемому прервать его, если он заметит какие-либо несоответствия или захочет дополнить свои показания.

Завершающий этап. Следователь уточняет необходимую информацию о личности допрашиваемого, выражает благодарность за оказанную помощь и содействие следствию и предоставляет контактную информацию для того, чтобы допрашиваемый мог сообщить, если вспомнит что-либо еще.¹

Пожалуй, одной из причин того, что преступления расследуются не всегда качественно, является отсутствие у следователей необходимых знаний об особенностях сохранения личностной информации и соответствующих навыков ее «извлечения» из памяти допрашиваемого.²

Например, при допросе потерпевших и свидетелей по делам, связанных с преступлениями экстремистской и террористической направленности, необходимо учитывать факторы, которые влияют на восприятие человеком информации: 1) возраст; 2) пол; 3) тип темперамента; 4) профессиональную деформацию; 5) отношение к религии (этот фактор особенно важен при расследовании указанной категории дел); 6) наличие негативного отношения к какой-либо нации; 7) физиче-

¹ Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. М.: Проспект, 2011. С. 133.

² Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 346.

ское состояние потерпевшего, свидетеля (усталость, апатия, радость, стрессовая ситуация на работе, физическая травма); 8) объективность восприятия (необходимо также выяснить, насколько психологически здоров допрашиваемый, имеются ли у него какие-либо отклонения, или даже имеется ли обостренная стрессовая ситуация в его жизни)¹.

Таким образом, цель допроса с использованием метода когнитивного интервью состоит в том, чтобы при помощи определенных тактических приёмов активизировать память допрашиваемого лица и помочь ему вспомнить важные для уголовного дела факты, обстоятельства, моменты. В связи с этим можно рекомендовать следователям проводить такой допрос при расследовании преступлений в условиях дефицита информации для выдвижения розыскных и следственных версий.

Е. А. КУЗЬМИНА

аспирант

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЕ) И РЕШЕНИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируются некоторые вопросы рассмотрения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, различные точки зрения исследователей и правоприменительная практика по возможным решениям данных вопросов.

Ключевые слова: уголовный процесс, рассмотрение прокурором жалоб, жалоба на действия (бездействие), жалоба на действия и решение, органы предварительного расследования

Право на обжалование действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц установлено статьей 46 Конституции Российской Федерации. В уголовном судопроизводстве указанное положение является одним из его принципов.

Обжалованию действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, в каждой составной части уголовного процесса присущи свои отличительные особенности. Особое значение обжалованию указанных действий (бездействия) и решений как гарантии прав и свобод человека и гражданина, вовлекаемого в производство по уголовному делу, придается в досудебном производстве, где преимущественно применяются меры процессуального принуждения, а действие принципа состязательности проявляется ограниченно.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепил возможность обращения участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц в той части, в которой затрагиваются их интересы, с жалобой на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, к руководителю следственного органа, прокурору и/или в суд.

¹ Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности / недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 45.

Участие прокурора, наряду с другими участниками уголовного судопроизводства, в рассмотрении и разрешении жалоб в досудебном производстве, является одним из существенных факторов, способствующих защите прав, свобод и законных интересов гражданина в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Согласно ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» защита прав и свобод человека и гражданина является одной из целей деятельности прокуратуры.

По итогам 2016 г. органами прокуратуры Российской Федерации разрешено 661 613 жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, а также по вопросам следствия и дознания¹.

При всей масштабности практики обжалования прокурору действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, УПК РФ не предусматривает нормативных правил для отдельных действий и решений, охватываемых уголовно-процессуальной деятельностью по обжалованию².

Например, дискуссионным остается вопрос о порядке рассмотрения жалоб о несогласии с проведением оперативно-розыскных мероприятий.

Имеет место мнение авторов, которые как Ю.А. Гончан убеждены, что «уголовное преследование следует связывать со всем комплексом правоотношений, включая, кроме стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, также и допроцессуальную проверку оснований возбуждения уголовного дела. Понятием «уголовное преследование» охватывается не только процессуальная, но и оперативно-розыскная деятельность, и иные действия, предпринимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания»³.

Существует также точка зрения схожая с мнением П.А. Скобликова, который замечает, что «оперативно-розыскное мероприятие не предусмотрено и не может быть предусмотрено УПК РФ. Соответственно, оно не является процессуальным действием. Автор отмечает, что порядок, установленный УПК РФ, для обжалования бездействия оперативных работников не подходит»⁴.

Однако на наш взгляд, наряду с указанными, контрастирующими вариантами решения данного вопроса и многообразием имеющейся правоприменительной практики, необходимо согласиться с мнением А.Н. Артамонова, указывающего, что «нарушения уголовно-процессуального законодательства должны устраняться в порядке, установленном этим же законодательством. Рассмотрение же жалоб на нарушения прав и свобод граждан, допущенных, хотя и в какой-либо связи с расследованием по уголовному делу или рассмотрением заявления и сообщения о преступлении, но в сфере отношений, регулируемых иными отраслями права, должно производиться в порядке, соответствующем характеру этих отношений»⁵.

В настоящее время заявители чаще обращаются за защитой своих прав, свобод и законных интересов напрямую в органы прокуратуры Российской Федерации, чем в вышестоящий следственный орган либо суд. Указанную тенденцию подтвержда-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2016 г. [Электронный ресурс]// URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/1162324/> (дата обращения – 01.09.2017).

² Горак Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 4.

³ Гончан Ю. А. Правоотношения субъектов уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокат. 2008. № 5. С. 37.

⁴ Скобликов П. А. Обжалование в суд решений и действий (бездействия) правоохранительных органов и их должностных лиц. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 30, 71.

⁵ Артамонов А. Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях Российского уголовного процесса: дис ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 21.

ет, к примеру, постоянное увеличение количества жалоб, перенаправленных органами прокуратуры Российской Федерации руководителям органов предварительного следствия для рассмотрения по существу¹.

Прокурорами рассматривается и разрешается значительное количество жалоб на действие (бездействие) и решения самих руководителей органов предварительного следствия. Как отмечает Н.В. Горак: «дискуссионным остается вопрос о соотношении прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля применительно к разрешению жалоб в досудебном производстве, что вызывает необходимость разработки мер по исключению дублирования в деятельности указанных органов, определению наиболее эффективных форм обжалования и его стадийности²».

С данным утверждением невозможно не согласиться, так как даже в нашей правоприменительной деятельности в период работы в органах прокуратуры районного звена, неоднократно возникали случаи направления гражданами жалоб идентичного содержания единовременно руководителю следственного органа, в прокуратуру района и районный суд.

Так, например, гражданкой М. в период с первого по третье ноября 2015 года, в связи с несогласием с вынесенным постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, в различные правоохранительные органы федерального уровня, Президенту Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также руководителю следственного органа, прокурору района и председателю районного суда направлено 37 жалоб идентичного содержания.

Данное обстоятельство было установлено в судебном заседании по рассмотрению одной из указанных жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ. По результатам рассмотрения, судом в удовлетворении жалобы было отказано.

При широком применении норм, регламентирующих рассмотрение прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, неразрешенным остается достаточно большое количество вопросов.

В УПК РФ не установлены определенные пределы обжалования и сроки, в течение которых участники уголовного судопроизводства и иные лица могут воспользоваться своим правом на обжалование действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и их должностных лиц. Данное обстоятельство нередко влечет за собой злоупотребление гражданами рассматриваемым правом. Вместе с тем и в науке не сложилось единого мнения о природе и сущности злоупотребления правом на обжалование³.

Не выработано однозначного подхода к порядку подачи жалобы прокурору в силу ст. 123, 124 УПК РФ, установлению круга участников процедуры обжалования, требуют проработки их процессуальные права и обязанности, остается открытым вопрос о предмете обжалования, сроках рассмотрения жалобы⁴.

Несомненно, законодательство, касающееся рассмотрения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, нуждается в дальнейшем совершенствовании в целях его реализации как одного из механизмов защиты прав, свобод и законных интересов гражданина в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2016 г. [Электронный ресурс]// URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/1162324/> (дата обращения – 01.09.2017).

² Горак Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 5.

³ Горак Н. В. Указ. дис. С. 4.

⁴ Горак Н. В. Указ. дис. С. 4-5.

Д. А. КУЧИН

выпускник

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УЧАСТИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА В РОЗЫСКЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

Статья посвящена рассмотрению и поиску путей разрешения проблем участия прокурора и следователя в розыске подозреваемых и обвиняемых в целях повышения эффективности деятельности участников уголовного судопроизводства по рассмотренному направлению деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, розыск подозреваемого, розыск обвиняемого, роль прокурора в уголовном процессе.

Розыск лиц – понятие многогранное, допускающее его неоднозначное понимание. Амбивалентность его понимания по вопросам субъектов, объектов и видов розыска усугубляется еще и тем, что данный институт представляет собой межотраслевое неконсолидированное образование правовых норм, не имеющее общих положений, закрепляющих его основы.

Согласно п. 38 ст. 5 УПК РФ под розыскными мерами следует понимать меры, принимаемые следователем, дознавателем, органом дознания для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. В ч.1 ст. 210 УПК РФ речь идет о розыске подозреваемого, местонахождение которого неизвестно. Из сказанного следует, что в тексте действующего УПК РФ не выработана единая и непротиворечивая позиция законодателя по вопросам розыска, в частности относительно целей его осуществления (установление лица – п. 38 ст. 5 УПК РФ, установление места нахождения подозреваемого, обвиняемого – ст. 210, 238, 253 УПК РФ), что требует доктринальной разработки разграничения деятельности по розыску лиц и деятельности, заключающейся в раскрытии и расследовании преступлений. Принимая во внимание данное обстоятельство, в рамках настоящей статьи под розыском следует понимать деятельность уполномоченных субъектов уголовного судопроизводства, направленную на установление места нахождения подозреваемых и обвиняемых.

Высказанное суждение изложено в п. 1.1 Приказа Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет», который обязывает руководителей следственных подразделений принимать должные меры к установлению лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности (что, с нашей точки зрения, включается в понятие раскрытия преступления), а также установлению местонахождения подозреваемых и обвиняемых, местонахождение которых неизвестно (иначе говоря, розыск подозреваемых и обвиняемых)¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительное следствие приостанавливается в том случае, если подозреваемый либо обвиняемый скрылся от органов предварительного следствия либо его местонахождение неизвестно по

¹ Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет: Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 65 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

другим причинам. После приостановления предварительного следствия следователь устанавливает местонахождения подозреваемого или обвиняемого, а в случае, если он скрылся, принимает меры по его розыску, которые в первую очередь сводятся к даче поручений органу дознания (ч. 2 ст. 209 УПК РФ). Одновременно с этим ч. 3 этой же статьи УПК РФ определяет, что проведение следственных действий после приостановления предварительного следствия не допускается.

Как отмечает С.В. Бажанов, противоречие между требованием закона устанавливать место нахождения лица, обязанностью следователя принимать меры по его розыску и запретом проводить следственные действия вынуждают следователя бездействовать¹.

На сегодняшний день большую часть работы по установлению места пребывания подозреваемых, обвиняемых осуществляют органы дознания в порядке оперативно-розыскной деятельности, однако на основании этого не следует недооценивать возможности органов предварительного расследования по розыску лиц. По сведениям Б.А. Комлева, проводившего исследования приостановленных уголовных дел об убийствах, к раскрытию преступления нередко приводила деятельность следователя по проверке информации, упущенной из внимания оперативными органами уголовного розыска или не проверенной вовсе².

Для активизации деятельности органов предварительного следствия по розыску подозреваемых, обвиняемых С.В. Бажанов предлагает легализовать в российском законодательстве институт розыскного расследования, выражающийся в возможности заведения следователем розыскного дела на основании постановления о розыске подозреваемого, обвиняемого, в ходе которого следователем проводятся розыскные действия³.

По нашему мнению, в связи со сложностью разработки названного института, требующими также внесения изменений в законодательство об оперативно-розыскной деятельности, на сегодняшний день представляется целесообразно внести поправки в текст действующего УПК РФ, недвусмысленно позволяющие следователю осуществлять розыскные меры по приостановленному уголовному делу, а также сформулировать более точное определение розыскных мер, направленных на установление места нахождения подозреваемого, обвиняемого, обозначить конкретные действия, подпадающие под это определение, в ст. 5 УПК РФ. Кроме того, в перспективе возможно и законодательное закрепление уголовно-процессуального института розыска свидетеля в случаях, когда свидетель располагает сведениями о событии преступления, без которых невозможно вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу⁴.

Также не менее актуальными и требующими правовой регламентации являются проблемы, связанные с участием прокурора в розыске подозреваемых, обвиняемых в качестве субъекта уголовного судопроизводства, напрямую не вытекающие из его надзорных полномочий.

¹ Бажанов С. В. Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1990. С. 116 - 123.

² Комлев Б. А. Раскрытие умышленных убийств по делам, приостановленным в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1998. С. 18

³ Бажанов С. В. Историко-теоретические предпосылки к легализации в российском уголовно-процессуальном законодательстве института розыскного расследования // Российский следователь. 2016. № 8. С. 46

⁴ Азаренок Н. В. Возможен ли розыск потерпевших и свидетелей в уголовном процессе? // Российский следователь. 2013. № 17. С. 17

В силу ст. 238 УПК РФ судья, приостанавливая производство по уголовному делу на стадии предварительного слушания, в случае побега обвиняемого из-под стражи, возвращает уголовное дело прокурору и поручает ему обеспечить розыск обвиняемого.

Ни законодательные акты Российской Федерации, ни межведомственные правовые акты, ни организационно-распорядительные акты Генерального прокурора не устанавливают, в каком порядке прокурор обеспечивает розыск обвиняемого. В системе действующего нормативного регулирования прокурор не уполномочен давать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, указания на необходимость проведения розыска обвиняемого или оперативно-розыскных мероприятий. В сложившейся ситуации прокурор вынужден действовать в соответствии со складывающейся практикой в рассматриваемой сфере общественных отношений, что отнюдь не способствует обеспечению единства и укреплению законности, приводит к возникновению неурегулированных законом ситуаций, при разрешении которых прокурор не может обосновать свои требования ссылкой на нормативные правовые акты.

Подытоживая сказанное, разрешение изложенных выше проблем участия прокурора и следователя в розыске подозреваемых и обвиняемых, повышение эффективности деятельности участников уголовного судопроизводства по рассмотренному направлению деятельности может быть достигнуто путем принятия законодательных или подзаконных нормативных правовых, подготовленных в результате глубокого и всестороннего научно-практического осмысления.

С. С. МИХЕЕВА

аспирант

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ НАЛОГОВОГО АГЕНТА

В статье обосновывается практическая значимость выделения первоначального этапа расследования неисполнения обязанностей налогового агента. Раскрываются некоторые особенности проведения основных следственных и процессуальных действий, производимых на данном этапе, а также акцентируется внимание на проблемных следственных ситуациях, возникающих при производстве по уголовным делам данной категории.

Ключевые слова: налоговые преступления, первоначальный этап расследования, следственные действия, неисполнение обязанностей, налоговый агент.

Расследование преступления зависит от многих факторов, но в большей степени от того, какая информация получена на первоначальном этапе. В условиях сложившейся противоречивости судебно-следственной практики применения ст. 199.1 УК РФ первоначальный этап расследования указанного преступления приобретает особое значение.

Решение основных задач первоначального этапа расследования и выбор следственных действий, необходимых на данном этапе, в значительной степени определяют перспективу успешного завершения расследования и рассмотрения уголовного дела в суде.

К основным задачам первоначального этапа расследования неисполнения обязанностей налогового агента, по нашему мнению, относятся: установление признаков совершенного преступления, принятия решения о возбуждении уголовного дела, построение алгоритма следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение, выявление лиц, совершивших преступление, доказывание их вины, выдвижение и проверка версий в зависимости от сложившейся следственной ситуации и на их основе планирование расследования, а также выполнение неотложных следственных действий.

Установив, с помощью каких следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий эффективнее решить предстоящие задачи, следователю необходимо получить экономическую оценку финансовых результатов незаконных хозяйственных операций, которые привели к неисполнению обязанностей налогового агента. Такую оценку может дать налоговый инспектор, проводивший выездную или камеральную проверку.

Обнаружив факты, свидетельствующие о неисполнении обязанностей налогового агента, необходимо выдвинуть рабочие версии относительно способа, а также лиц, причастных к совершению преступления, места нахождения искомой информации, объясняющие возможный механизм подготовки, совершения и сокрытия общественно опасного деяния. Тогда вся относящаяся к уголовному делу информация и бухгалтерская документация будут рассматриваться в определенных ракурсах. Даже версия, не подтвердившаяся при проверке, может стать отправной точкой для новых предположений.

Версии бывают самыми разнообразными, что обуславливает различный подход в определении линии действий следователя в выборе круга и последовательности производства неотложных и первоначальных следственных действий, форм взаимодействия с другими службами, налоговыми органами, аудиторскими и контрольно-ревизионными организациями.

Эффективность раскрытия и расследования налогового преступления во многом зависит от правильной оценки и разрешения следователем сложившейся ситуации по уголовному делу.

Неблагоприятной ситуацией начала расследования неисполнения обязанностей налогового агента является обнаружение признаков налогового правонарушения спустя длительное время после окончания налогового периода. При этом, как правило, отсутствует ориентирующая оперативная информация о криминальной схеме уклонения от уплаты или сокрытия денежных средств или имущества. Поэтому, если обнаружение признаков налогового преступления происходит в процессе ведомственной проверки, проводимой налоговым органом без участия следователя, то очень высока вероятность сокрытия следов налогового правонарушения, а также подготовки свидетелей к опросу и последующим допросам. Такое положение дел негативно влияет на судебную перспективу уголовного дела.

Для минимизации подобных ситуаций в случаях, когда инициатором проверки является налоговый орган, имеет смысл включить в состав группы проверяющих оперативного работника, который ранее получил первичную информацию о действиях недобросовестного налогоплательщика и являлся инициатором оперативно-розыскных мероприятий. Данная проверка проводится с целью предупреждения противодействия заинтересованных лиц и не должна выглядеть как подготовка к возбуждению уголовного дела. При этом сотрудникам ОВД необходимо учитывать, что именно в процессе данной проверки будет происходить обнаружение, фиксация и изъятие документальных материалов, которые значимы для последующих специальных исследований, экспертиз и всего процесса расследования.

При отработке версий на начальном этапе расследования неисполнения обязанностей налогового агента следует обратить внимание на следующие аспекты: на соучастников налогового преступника и характер их взаимоотношений; на способы сокрытия налогооблагаемой базы; на источники получения сырья и полуфабрикатов; на пути реализации выпущенной продукции; на способы получения налоговых льгот; на криминальные связи подозреваемого, места хранения средств, нажитых преступным путем и т.д.¹

Исходя из тактических соображений, для проверки выдвигаемых версий рекомендуется проводить следующие следственные и иные действия:

допросы руководителя, главного (старшего) бухгалтера и иных должностных лиц коммерческой организации, причастных к расследуемому преступлению;

следственный осмотр документов, служебных и иных помещений, объектов производства;

обыски, выемки документов бухгалтерского учета и отчетности, компьютерных носителей информации;

допросы налогового инспектора и других участников проведенной проверки; назначение и проведение ревизий, а также криминалистических экспертиз.²

В качестве основного следственного действия следует признать допрос. На первоначальном этапе расследования необходимо провести допросы руководителя, его заместителей, главного бухгалтера и иных работников на предмет установления времени деятельности организации, характера его деятельности, определения сумм выплачиваемых налогов. После определения экономических связей организации следует провести допросы работников предприятий-покупателей продукции, а также физических лиц-покупателей данной продукции на предмет объемов и сумм товарно-денежных операций.

Для подтверждения показаний данных лиц следует провести выемку документации для установления объемов соответствующих операций и сумм. Далее необходимо установить реквизиты и сроки деятельности юридического лица, суммы его налоговых отчислений. Эту информацию можно получить путем проведения выемки правоустанавливающих документов в организации, запросов в налоговые органы. В целях установления информации о количестве работников, их заработной плате, налоговых отчислений налогоплательщиков необходимо также провести выемку документов, в которых могут содержаться сведения о реализации товара.

Для определения балансовой стабильности организации необходимо осуществить выемку бухгалтерской и налоговой документации. Так как в настоящее время большинство информации находится на электронных носителях, то следует провести обнаружение и изъятие средств хранения электронной информации. При этом эффективность производства отдельных следственных действий, направленных на обнаружение информации в пользовательском оборудовании, при расследовании преступлений предполагает: подбор и участие специалиста по эксплуатации компьютерного оборудования, соблюдение всеми участниками следственно-оперативной группы общих правил обращения со средствами вычислительной техники и носителями информации, привлечение понятых и лиц, обладающих соответствующими специальными

¹ Волошина Л. А., Грибунов О. П. Первоначальный этап расследования налоговых преступлений в сфере неисполнения обязанностей налогового агента // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск: ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2010, № 4. С. 3-8.

² Быстров А. Ю. Методика расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов коммерческими организациями, использующими труд иностранных граждан: диссертация ... кандидата юридических наук: Хабаровск, 2006. 218 с.

знаниями.¹ Привлекать необходимых специалистов следует и при осмотре изъятых предметов и документации. В целях анализа и изучения информации, отраженной в документах, назначаются судебно-бухгалтерские и судебно-экономические экспертизы.

В силу высокого уровня латентности налоговых преступлений одним из основных и эффективных способов их выявления является анализ бухгалтерской документации. Перед проверкой достоверности отчетных данных, представляемых организациями и гражданами, нужно тщательно изучить всю информацию о налогоплательщике, имеющуюся в правоохранительных и налоговых органах: учредительные документы, отчеты, декларации, материалы предыдущих проверок.² Важные данные могут содержаться в письмах и заявлениях граждан, в данных, полученных из органов управления (например, о выдаче лицензии на конкретный вид предпринимательской деятельности) и почерпнутых из средств массовой информации (рекламные объявления).

При проведении обыска следует сконцентрировать внимание на поиске документов, в том числе «черновых записей» двойной бухгалтерии.

Раскрытие и расследование преступлений в сфере налогообложения, установление виновных лиц достигается качеством производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых на первоначальном этапе расследования. Учитывая специфику налоговых преступлений, требующих знаний как в сфере права, так и экономики, финансов, бухгалтерского учета, производство расследования необходимо поручать следователю, имеющему опыт расследования уголовных дел данной категории. Кроме того, для эффективного и качественного расследования, для проведения следственных действий, а также при исследовании и оценки доказательств рекомендуется привлекать специалистов в области бухгалтерского учета, анализа и аудита.

Н. Ф. РЕЗЯПКИНА

выпускник

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

В статье проводится анализ актуальных вопросов и проблем, возникающих при участии государственного обвинителя в предварительном слушании по делам о незаконном предпринимательстве, по результатам которого констатировано, что установление наличия либо отсутствия нарушения закона при собирании доказательств, включает в себя элементы доказательственной деятельности.

Ключевые слова: государственный обвинитель, предварительное слушание, слушание по делам о незаконном предпринимательстве, участие государственного обвинителя в предварительном слушании.

¹ Козинкин В. А. Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11.

² Волошина Л. А., Грибунов О. П. Первоначальный этап расследования налоговых преступлений в сфере неисполнения обязанностей налогового агента // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - Иркутск: ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2010, № 4. - С. 3-8.

Одной из форм подготовки к судебному разбирательству является предварительное слушание, которое проводится судьей единолично с участием сторон в закрытом судебном заседании. В ходе проведения предварительного слушания устраняются препятствия для дальнейшего рассмотрения уголовного дела по существу, поэтому государственный обвинитель должен быть подготовлен к нему, что закреплено в приказе Генеральной прокуратуры РФ (п. 4.2)¹.

Одним из наиболее распространенных оснований для проведения предварительного слушания является заявление стороной ходатайства об исключении доказательства, правила рассмотрения такого ходатайства закреплены ст. 235 УПК РФ. Данная статья закрепляет безусловное основание для исключения доказательства — недопустимость, при этом бремя доказывания при заявлении такого ходатайства стороной защиты лежит на прокуроре. На наш взгляд, это является единственным основанием для исключения доказательства, поскольку проверка допустимости носит в большей степени формальный характер (форма получения доказательства и его закрепление), а для проверки относимости и достоверности доказательства суду необходимо оценить суть данного доказательства, что недопустимо в предварительном слушании.

Так постановлением Ломоносовского районного суда Ленинградской области уголовное дело по обвинению Н., Д., М. в совершении незаконного предпринимательства возвращено прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального законодательства, препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу. По мнению суда, указанные нарушения выразились в нарушении порядка возбуждения и соединения уголовных дел, в обвинительном заключении не конкретизирована форма соучастия каждого из обвиняемых, что, по мнению суда, является нарушением права на защиту. Ленинградский областной суд отменил данное постановление и направил уголовное дело на новое судебное разбирательство со стадии предварительного слушания. Суд аргументировал свое решение тем, что анализ и оценка доказательств, имеющихся в деле, на стадии предварительного слушания дела, не допустимы, так как данная стадия судебного разбирательства не предполагает исследования и оценки доказательств судом. Таким образом, принимая решение о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом на стадии предварительного слушания, суд вторгся в разрешение вопросов доказанности предъявленного обвинения и виновности лиц, привлеченных к уголовной ответственности, сделал выводы о несоответствии выводов органов предварительного следствия материалам уголовного дела, что недопустимо на данной стадии уголовного процесса и возможно только при вынесении судом итогового решения по существу рассмотренного уголовного дела².

В научной литературе отмечено, что прокурорами практически не заявляются ходатайства о признании доказательства недопустимым³. Это связано с тем, что прокуроры, утверждая обвинительное заключение (постановление), соглашались с тем, что все доказательства допустимы, и заявление им ходатайства о признании доказательства недопустимым будет свидетельствовать о ненадлежащей надзорной деятельности.

¹ Об участии прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] приказ Генер. прокуратуры России от 25.12.2012 № 465. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Ленинградского областного суда № 22-1292/2010 от 22.07.2010 // // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

³ Агабаева А. В. Полномочия прокурора при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства на предварительном слушании // Криминалист. 2014. № 2. С. 109—113.

В основном деятельность государственного обвинителя при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства связана с опровержением доводов стороны защиты, которая заявляет соответствующее ходатайство. Отметим, что недопустимым признается только такое доказательство, при получении и фиксации которого были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, и, как справедливо отмечено Ю.П. Гармаевым, если прокурор выявил и представил суду аргументированные доводы в пользу несущественности и (или) устранимости той или иной ошибки, нарушения закона, у него есть шанс добиться признания допустимыми обвинительных доказательств¹.

Для того чтобы опровергнуть доводы стороны защиты о недопустимости доказательства и убедить суд в несущественности (и (или) устранимости), допущенных нарушений закона, прокурор, участвующий в предварительном слушании, имеет право:

при возникновении вопросов, касающихся производства следственного действия и его фиксации в протоколе, ходатайствовать о вызове в суд участников уголовного процесса (понятых, следователя (дознателя), эксперта, специалиста и т.д.) и допросе их в качестве свидетелей. Вопрос о возможности допроса в качестве свидетеля следователя (дознателя), проводившего предварительное расследование по уголовному делу, рассматривался Конституционным Судом РФ, который пришел к выводу о том, что ч.3 ст.56 УПК РФ не исключает возможности такого допроса, в том числе об обстоятельствах производства отдельных следственных и иных процессуальных действий²;

ходатайствовать об оглашении протоколов следственных действий, заключений экспертов. Отметим, что в случае, если по мимо оглашения указанных документов возникнет необходимость в проведении иных следственных или процессуальных действий (например, назначение экспертизы для установления идентичности подписи на протоколе конкретному лицу) либо разрешение ходатайства о допустимости доказательства сопровождается исследованием большого объема материалов уголовного дела, то такие ходатайства вряд ли могут быть разрешены в предварительном слушании³;

ходатайствовать о приобщении к материалам уголовного дела необходимых документов, подтверждающих позицию государственного обвинителя;

ходатайствовать о признании недопустимым доказательств, дополнительно представляемых стороной защиты, а также возражать против их приобщения к материалам уголовного дела;

приносить возражение на ходатайство стороны защиты об истребовании дополнительных доказательств или предметов, если они не имеют значения для уголовного дела.

Таким образом, установление наличия либо отсутствия нарушения закона при собирании доказательств, включает в себя элементы доказательственной деятельности⁴.

¹ Гармаев Ю. П. О «спасении» уголовного дела в суде: рекомендации для стороны обвинения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 120–122.

² Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК РФ» // // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

³ Максимова Т. Ю. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми на предварительном слушании // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 600.

⁴ Дик Д. Г. Решение вопроса о допустимости доказательств на предварительном слушании // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 38. С. 29.

В. Е. СЕРОВА

аспирант

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИСТИНЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о необходимости установления истины при расследовании преступлений до сих пор остается дискуссионным в науке. В данной статье автором проанализировано употребление термина «истина» в нормативных актах, регулирующих уголовный процесс, а также произведено сравнение содержания указанного термина в различные исторические периоды.

Ключевые слова: истина в уголовном процессе, принципы уголовного процесса, состязательность, обоснованность, всесторонность.

С развитием и нормативным закреплением расширения прав и законных интересов личности в современном российском уголовном судопроизводстве безусловно приоритетное значение приобретает соблюдение принципов уголовного процесса, обеспечивающих принятие законного и обоснованного процессуального решения по каждому уголовному делу и каждому материалу проверки заявления (сообщения) о преступлении. При этом нельзя не отметить то обстоятельство, что законность и обоснованность принимаемого процессуального решения неразрывно связана с необходимостью установления всех фактических обстоятельств произошедшего события, личности субъекта преступного посягательства, его вины и мотивов поведения.

Изложенные обстоятельства безусловно ставят как исследователя, так и правоприменителя перед вопросом о необходимости достижения истины на стадиях предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, а также перед проблемой критериев ее оценки.

Проблема существования категории «истина» в уголовном процессе актуальна, сложна и многогранна. На протяжении многих лет вопросы истины занимали одно из центральных мест в научных исследованиях. Об истине в том или ином аспекте писали С.С. Алексеев, В.П. Божьев, Р.С. Белкин, В.С. Бурданова, В.И. Зажицкий, В. В. Золотых, Л. Д. Кокорев, В.Н. Кудрявцев, А. М. Ларин, П. А. Лупинская, В.З. Лукашевич, В. В. Лунеев, Я. О. Мотовиловкер, И.Д. Перлов, И. Л. Петрухин, А.Р. Ратинов, А. П. Рыжаков, М.С. Строгович, С.А. Шейфер, Н.А. Якубович и др.

Законодатель в разные годы также по-разному решал вопросы установления истины в уголовном процессе. Анализ содержания нормативно-правовых актов российского государства демонстрирует следующее понимание термина «истина» и его преломление в уголовном судопроизводстве.

Так, в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. понятие истины встречается в пяти статьях, посвященных конкретным действиям органов расследования и суда:

в ст.294 о действиях следователя на другом участке;

в ст.333 о действиях специалистов («сведущих людей») в ходе предварительного следствия;

в ст.406 о действиях следователя при допросе обвиняемого;

в ст.613 о действиях председателя суда по направлению хода судебного следствия для достижения истины;

в ст.1242 о порядке производства выемок, обысков и осмотрах при расследовании уголовных дел в отношении военных субъектов.

Анализ приведенных выше норм законодательства демонстрирует, что основным средством достижения истины являлось принятие мер по обеспечению независимости правового статуса следователей и судей посредством наделения их полномочиями по отысканию доказательств как обвинительного, так и оправдательного характера (позволяя им искать как оправдывающие, так и изобличающие обстоятельства вины).

Так, например, в ст.265 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., регламентирующей полномочия следователя, отмечалось, что при производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие.

Аналогичным образом декларировались в рассматриваемом нормативном акте требования по защите прав обвиняемого в ст.611, в которой в числе обязанностей председателя суда ему указывалась необходимость «предоставлять каждому подсудимому всевозможные средства к оправданию».

Вместе с тем, непосредственно сам по себе термин «истина» в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. не приводился, определение ему не давалось.

Обращаясь к следующему историческому этапу, необходимо отметить, что в УПК РСФСР 1922 г. имеется только одно упоминание категории «истина», но по сути своей оно подлежит применению ко всем положениям о порядке осуществления уголовного судопроизводства того времени. Так, в ст. 261 УПК РСФСР 1922 года отражено, что председательствующий в судебном заседании народный судья управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон всё, не имеющее отношение к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины.

Аналогичным образом положение ст.113 УПК РСФСР 1922 года предусматривало, что при производстве предварительного следствия следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности, а нормы ст.61 УПК РСФСР 1922 года предусматривали, что суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно.

Тождественные по своей сути положения содержал и УПК РСФСР 1923 года. Например, ст.257 УПК РСФСР 1923 года предусматривала, что председательствующий в судебном заседании управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон всё, не имеющее отношение к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины. Вместе с тем, нельзя не отметить, что согласно ст.112 УПК РСФСР 1923 года, к числу обязанностей следователя относилось направлять предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела. Следователь был не вправе отказать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении

которых они ходатайствуют, могли иметь значение для дела. Кроме того, ст. 57 УПК РСФСР 1923 года предусматривала для суда возможность не ограничиваться никакими формальными доказательствами, имея право их допуска или требования предоставления их от третьих лиц.

Наибольшее развитие и нормативное отражение категория «истина» получила в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. Именно в положениях указанного нормативно-правового акта (ст.20 УПК РСФСР 1960 года) предусматривалось, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства.

Также и ст. 243 УПК РСФСР 1960 года предусматривала, что председательствующий суда руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что понятие истины в качестве основного требования к содержанию уголовного судопроизводства последовательно содержалось во всех основных нормативно-правовых актах данной сферы, начиная с эпохи Российской империи и кончая советским периодом развития уголовного процесса.

При этом нельзя не отметить, что во всех вышеперечисленных нормативных актах термин «истина» использовался в качестве не требующего дополнительных пояснений и общеизвестного понятия, используемого при производстве следственных и судебных действий. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, принцип материальной истины имманентно был присущ отечественному уголовному судопроизводству как сформированному в континентальной правовой системе¹.

Принципиально по-новому к отражению и фиксации категории «истина» подошли разработчики Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г., не включившие данное понятие в текст ни одной из норм указанного федерального закона. В качестве альтернативы понятию «истина» законодателем было предложено обратиться к принципу состязательности сторон, разделившему участников процесса на стороны обвинения и защиты с исчерпывающим перечнем присущих им прав и обязанностей. В названном контексте нормой ст.15 УПК РФ предусмотрено, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган и одно и то же должностное лицо. Таким образом, названное положение закона предоставило каждой из сторон уголовного судопроизводства (в том числе, суду) возможность не обеспечивать максимальную доказанность и не ориентироваться на установление объективно имевшего место события, а ограничиваться собиранием условно минимального набора доказательств своей правоты и сугубо математической их сравнительной оценке.

Отсутствие в действующем УПК РФ термина «истина» позволило ряду ученых и практиков высказать мысль, что принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (принцип объективной истины) прекратил свое действие. Однако данная позиция не нашла однозначной поддержки в среде ученых и практиков.

¹ Головкин Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. №4. С. 65–87.

Так, например, рядом ученых обращалось внимание на то обстоятельство, что в законе закреплена судебная процедура придания информационным результатам доказательственной деятельности сторон и суда процессуальной формы итогового решения по делу. Информационные результаты доказывания, осуществляемого силами сторон, можно именовать как угодно, в том числе и судебной истиной, от этого не изменится их главное качество – на их основе суд постановляет приговор или иное решение. Исходя из сказанного, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с функционированием механизма формирования судебной истины в состязательном судебном разбирательстве, в основе которого лежит судебное доказывание, реализуемое сторонами, в том числе проблемы организации, подготовки и непосредственного участия в судебном разбирательстве участников со стороны обвинения, со стороны защиты, а также суда, разрешающего дело¹.

Другие исследователи отмечали, что анализ уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что законодатель полностью не отказался от установления истины и соответственно от полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. Так, исключается возможность вынесения обвинительного приговора, основанного на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ); предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности (ч. 4 ст. 152 УПК РФ); выделение уголовного дела в отдельное производство допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 154 УПК РФ); все приговоры должны быть не только законными, но и обоснованными (ст. 297 УПК РФ); выводы суда как о виновности (обвинительный приговор), так и о невинности подсудимого (оправдательный приговор) должны быть основаны на доказательствах (ч. 3 ст. 305 и ч. 2 ст. 307 УПК РФ); стороны вправе заявлять в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности (ч. 6 ст. 340 УПК РФ). В связи с этим перед наукой с особой остротой встает проблема выработки предложений о возрождении и необходимости закрепления в нормах уголовно-процессуального права положений об установлении объективной истины по делу органами предварительного расследования и судом.²

Анализ имеющихся в литературе позиций не демонстрирует объективных и достаточных доказательств обоснованности отвержения теории необходимости установления истины в уголовном судопроизводстве.

Так, в работах А.И. Макаркина отрицается как сама категория истины в уголовном процессе, так и возможность ее установления со ссылкой на невозможность существования данного понятия в уголовном судопроизводстве³. Ряд иных ученых признают истину только формальной, или процессуальной, также утверждая, что истина по уголовным делам недостижима, поскольку в целом она относительна и что познание и доказывание – это различные явления⁴.

¹ Карякин Е. А. Пятнадцать тезисов о формировании судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции – Вестник ОГУ №3 (139) / март 2012. С. 72 – 78.

² Пискун О. А. Истина в уголовном судопроизводстве – Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. URL: <http://lawtheses.com/istina-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения 03.01.2017).

³ См., напр.: Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001 205 с.

⁴ Лазарева В. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98–102.

Исследуя ряд работ по данному направлению, нельзя не отметить неосведомленность ряда сторонников отрицания истины о содержании положений уголовно-процессуальных законов Российского государства на различных его исторических этапах. Так, Н.А. Подольный и Д.А. Урявин отмечали, что понятие истины вообще никогда не было ни в одном УПК России и декларировали, что с учетом опыта деятельности правоохранительных органов в советский период, можно констатировать, что утверждение истины в качестве самостоятельного постулата для уголовного судопроизводства оборачивалось для общества и для отдельных граждан безнравственными действиями со стороны отдельных представителей правоохранительных органов¹, смешивая тем самым действия отдельных персонифицированных должностных лиц и значение общей категории истины в уголовном процессе.

Вместе с тем, как справедливо отмечает А.Н. Халиков, «с точки зрения гносеологии общая истина, как известно, может быть только относительной, поскольку определяет границы совпадения человеческих знаний с действительностью, то есть этапы движения от незнания к знанию. Однако при доказывании обстоятельств уголовного дела истина определяется четкими рамками состава преступления, описанного в уголовном законе. При установлении всех элементов содержания расследуемого состава преступления истина может считаться абсолютной»². Как указывает В.Е. Кемеров, границы истины задаются условиями ее достижения, формами существования познаваемых объектов, характером тех средств, которыми может воспользоваться человек как в приобретении новых знаний, так и в их проверке на истинность. Эти средства задают меру возможностей практической и теоретической деятельности, где люди могут достаточно четко фиксировать объективное содержание своих знаний³.

Нельзя не отметить справедливое, с нашей точки зрения, мнение Л.Д. Кокорева и Д.П. Котова, указывающих, что целью доказывания является установление истины, возможность и необходимость достижения которой по каждому уголовному делу — не только правовое, но и нравственное требование к должностным лицам, осуществляющим судопроизводство⁴.

Итогом научных и практических дискуссий об объективной истине стало внесение 29 января 2014 г. в Государственную Думу РФ проекта закона «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», предлагающего следующую формулировку объективной истины в п.22.1 ст.5. УПК РФ: «объективная истина — соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для разрешения», с соответствующим изменением и дополнением ряда других уголовно-процессуальных норм, регламентирующих деятельность суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя. Однако данная норма так и не была введена в действующее законодательство.

Таким образом, изложенное прямо демонстрирует, что несмотря на исключение из федерального закона понятия «истина», дискуссия о необходимости достижения истины в ходе уголовного судопроизводства, а также о критериях истины по настоящее время является актуальной и требующей своего продолжения.

¹ Подольный Н. А., Урявин Д. А. Истина и справедливость — два полюса проблемы нравственности в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. - М.: Юрист, 2010, № 12. - С. 13-15.

² Халиков А. Н. Содержание категории истины в уголовном судопроизводстве.- Актуальные проблемы российского права, № 7 (44), 2014, С.1415-1420.

³ Кемеров В. Е. Истина // Современный философский словарь / под общ. ред. проф. В. Е. Кемерова. М., 2004. С. 292-293

⁴ Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 65.

Д. М. ШИРОКОВ

помощник прокурора г. Кострома
юрист 2 класса

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье проводится анализ и постановка проблемы криминалистического обеспечения деятельности прокурора по противодействию преступлениям в сфере лесопользования, отсутствия соответствующих частных криминалистических методик, что затрудняет осуществление прокурорского надзора по данному направлению деятельности и позволяет нам прийти к выводу о необходимости повышенного внимания к ним, скорейшей выработке конкретных криминалистических рекомендаций и их внедрению в практическую деятельность.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое обеспечение деятельности, преступления в сфере лесопользования, обеспечение деятельности прокурора, деятельность прокурора по противодействию преступлениям.

Мировое сообщество в течение длительного времени выражает серьезную озабоченность наличием глобальных проблем в области экологической обстановки, а также изменений климата на планете. В этой связи на ежегодных конференциях сторон рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (Framework Convention on Climate Change, UN FCCC), подписанной более чем 180 странами мира (в том числе и Россией), обсуждаются вопросы, связанные с необходимостью принятия мер, призванных нивелировать негативные последствия технического прогресса, являющегося одним из источников экологических проблем.

Для России вопросы экологической защищенности имеют неопределимое значение ввиду большой площади страны относительно общей площади земного шара и наличия на территории России преобладающего объема лесных насаждений, являющегося поглотителем углерода. В России площадь лесов составляет 1,2 миллиарда гектаров, при этом они на 90 % являются северными, бореальными с повышенной способностью поглощения CO₂¹.

Российское законодательство имеет целью защиту прав и интересов человека и гражданина, а также общества в целом. Права и свободы человека в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью, а согласно ст. 42 Закона каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Таким образом, Основной закон России, иные нормативно-правовые акты, изданные в развитие его положений, а также ратифицированные Россией международные правовые акты, определяют обязанность государственных органов осуществлять защиту права человека на безопасную окружающую среду, обеспечение которой невозможно без решения и предупреждения проблем экологического характера.

¹ Выступление заместителя Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации – Руководителя Федерального агентства лесного хозяйства И. В. Валентик на 21-й Климатической конференции ООН, проходившей с 30 ноября по 12 декабря 2015 года в Ле-Бурже во Франции [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/interview> (дата обращения: 07.03.2017).

Очевидно, что защита леса в ходе решения проблем экологического характера и защиты права на безопасную окружающую среду, является неотъемлемой частью деятельности государства, направленной на сохранение экологического баланса между использованием и восстановлением природных ресурсов, и как следствие повышение качества жизни своих граждан.

На ежегодной пресс-конференции, состоявшейся 23 декабря 2016 года Президент России указал, что по направлению – сохранение лесов не обойтись без изменений в действующей нормативной базе. Необходимо обеспечить сырьем лесотехнический комплекс, и работой людей, которые трудятся в этой сфере. Но не меньшую заботу необходимо проявить по направлению сохранения лесов¹.

Правоохранительные органы страны, наряду с иными государственными структурами, обязаны обеспечивать реализацию государственной политики по данному направлению, используя при этом все возможности действующего законодательства, направленного на борьбу с преступлениями в сфере лесопользования.

Уголовный закон, в целях защиты интересов общества и государства в указанной сфере, относит незаконную рубку лесных насаждений, уничтожение или повреждение лесных насаждений, а также приобретение, хранение, перевозку и переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины к числу противоправных деяний, обладающих повышенной степенью общественной опасности и являющихся в силу этого преступными. За совершение действий, образующих объективную сторону, и при наличии всех признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 191.1, 260, 261 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), установлена уголовная ответственность.

В процессе правоприменения правоохранительные органы в лице уполномоченных законом должностных лиц сталкиваются с серьезными проблемами, вызванными спецификой преступлений, предусмотренных ст. ст. 191.1, 260, 261 УК РФ, что существенным образом снижает эффективность правоохранительной деятельности.

Зачастую, незаконная рубка, уничтожение или повреждение лесных насаждений, а также приобретение, хранение, перевозка и переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, являются лишь частью преступных действий группы лиц, имеющих разные цели, направленность умысла, совершающих разные, но способствующие совершению преступлений в сфере лесопользования, должностные преступления, такие как: злоупотребление либо превышение должностных полномочий, взяточничество, халатность и иные. При этом субъектами совершаемых действий предпринимаются меры к приданию преступной деятельности вида легальной, совершенной в рамках действующих правовых норм.

Кроме того, наличие специальных знаний в сфере лесопользования, разрешительной работы контролирующих органов, а также знаний и ориентированности на местности, иных природных факторов, облегчает субъектам преступной деятельности осуществление противодействия органам расследования.

Осложняют ситуацию также наличие большого количества норм права, регламентирующих разрешительную деятельность контролирующих органов в сфере лесопользования, а также объемы отводимых для производства работ участков местности, условия осуществления рубки.

¹ Выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на ежегодной пресс-конференции проходившей с 23 декабря 2016 года в Москве [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573> (дата обращения: 07.03.2017).

В результате, названные проблемы влекут за собой негативные последствия в виде низкой раскрываемости указанных преступлений. Многие уголовные дела, хотя и возбуждаются, но в дальнейшем в суд не направляются. Так, в 2014 году следственными органами МВД России возбуждено 9 363 уголовных дела о преступлениях в сфере лесопользования, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, а с учетом поступивших из других органов и дел прошлых лет принято к производству - 11 900. Из указанного количества уголовных дел в суд направлено 3 056 дел, расследование более половины (59%) приостановлено. При этом размер причиненного государству ущерба превысил 9,5 млрд. рублей, а возмещено лишь 408 млн. рублей, что составляет 4,3 %¹.

В 2015 году следователями возбуждено 9550 уголовных дел о преступлениях анализируемой категории, значительная часть которых касается незаконной рубки лесных насаждений. По указанным уголовным делам следователями принято 6982 решения (с повторными) о приостановлении расследования. Ущерб от преступлений в сфере лесопользования по уголовным делам, расследованным следователями МВД РФ по сравнению с 2014 годом снизился и составил 8, 567 млн. рублей, однако возмещение ущерба по-прежнему оставалось на низком уровне и составляло лишь 6 % или 450 млн. рублей².

Приведенные данные свидетельствуют о преимущественно невозможности правоохранительных структур в полной мере осуществлять возложенные на них государством обязанности по осуществлению и достижению целей уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере лесопользования.

Вместе с тем, по нашему мнению, возможности решения указанных проблем имеются. И они связаны не только с необходимостью разработки и использования лицами, осуществляющими предварительное расследование, соответствующих частных криминалистических методик. Значительную роль в осуществлении уголовного преследования и повышении его эффективности играет прокурор, осуществляющий надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительным расследованием преступлений названной группы. При должном уровне профессиональной подготовки надзирающего прокурора и использовании им при осуществлении надзора криминалистических знаний можно избежать многих ошибок, в том числе неверного применения закона и ухода виновного лица от уголовной ответственности.

Перед прокурором законом поставлены конкретные задачи, которые в ходе осуществления уголовного преследования, решаются путем верного применения уголовного и уголовно-процессуального закона, с учетом знаний и методологического обеспечения науки криминалистики. Следует отметить, что требования уголовного и уголовно-процессуального закона известны прокурору, и в практической деятельности исполняются в четком соответствии с конкретными нормами права, за исключением отдельных негативных примеров, чего нельзя сказать об использовании криминалистических знаний при оценке материалов доследственных проверок на стадии возбуждения уголовного дела, изучении материалов уголовных дел о преступлениях в сфере лесопользования, а также поддержания по этим делам государственного обвинения в суде.

¹ Информационное письмо заместителя Генерального прокурора РФ В. Я. Гринь «О нарушениях закона в деятельности следственных органов МВД России при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере лесопользования и недостатках прокурорского надзора» от 04.09.2015 г.

² Обзор практики расследования преступлений в сфере лесопользования и состояния прокурорского надзора на данном направлении деятельности в 2015 году, подготовленный управлением методико-аналитического обеспечения надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью, 2016 г.

Неверно утверждать, что прокурор не знаком с наработками криминалистической науки. Наука криминалистика познается в высших учебных заведениях, при повышении квалификации прокурорских работников как на специализированных курсах, так и самостоятельно. Вместе с тем, зачастую сотрудники прокуратуры при изучении материалов уголовных дел либо при поддержании государственного обвинения в суде не уделяют должного внимания соответствующим частным криминалистическим методикам, вследствие чего в практической деятельности проявляются проблемы, в ряде случаев не разрешимые, ведущие к принятию решений о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям, либо вынесению оправдательных приговоров в суде первой инстанции.

Кроме того, вопросы расследования преступлений в сфере лесопользования пока еще не нашли должного отражения в криминалистической науке, в связи с чем в практической деятельности и следователями, и прокурорами применяются общие для всех, либо наиболее близких составов преступлений криминалистические рекомендации, которые в должном объеме не отражают специфику исследуемой группы преступлений.

Таким образом, недостаточная разработанность вопросов криминалистического обеспечения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере лесопользования в криминалистике, отсутствие соответствующих частных криминалистических методик затрудняет осуществление прокурорского надзора по данному направлению деятельности что позволяет нам прийти к выводу о необходимости повышенного внимания к ним и скорейшей выработке конкретных криминалистических рекомендаций и их внедрению в практическую деятельность.

VI

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Е. А. АВДЕЕВА
магистрант 3 курса
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрено важнейшее направление прокурорской деятельности по обеспечению законности в сфере соблюдения прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, освещены типичные нарушения действующего законодательства, требующие постоянного внимания работников прокуратуры, дана оценка значимости работы, проводимой в данной сфере.

Ключевые слова: Конституция, прокурорский надзор, охрана здоровья, здравоохранение, акты прокурорского реагирования.

«Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹, – гласит Конституция Российской Федерации (ст. 7).

Защита прав и свобод человека и гражданина определена основным законом государства в качестве одной из важнейших обязанностей Российской Федерации.

Часть 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, которая в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается бесплатно за счет бюджетных средств, страховых взносов и иных поступлений.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание Законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398.

Здоровье граждан - основа национального богатства страны. На современном этапе обеспечение реализации права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, есть одно из самых приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации, о чем Президент Российской Федерации, в который раз отметил в своем ежегодном Послании к Федеральному Собранию России по итогам 2016 года.

«Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России.

В целом, надо прямо сказать, проблемы в здравоохранении сохраняются в целом, их ещё очень много. И, прежде всего, они касаются первичного звена. Его развитию необходимо уделить приоритетное внимание»¹.

Бесспорно, на пути становления и развития России как социального государства, наша страна в лице своего руководства ставит перед собой множество важных и непростых задач по обеспечению конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, в решении которых принимают участие различные государственные институты.

Необходимо обратить внимание на то, что на сегодняшний день системе здравоохранения все же удалось добиться заметных позитивных изменений показателей здоровья населения нашей страны.

Так, «за 2016 год продолжительность жизни россиян увеличилась на 0,5 года, впервые достигнув 72 лет. Удалось сохранить на 17,5 тыс. жизней больше, чем за 2015 год. Смертность снизилась во всех возрастных группах: детей – на 12,5 %, трудоспособного населения – на 3,3 %, лиц старше трудоспособного возраста – на 0,8 %»².

Однако состояние здравоохранения в России до настоящего времени продолжает оставаться весьма сложным и нередко сопровождается множественными нарушениями законодательства об охране здоровья граждан, совершаемых должностными лицами органов государственной власти, учреждений здравоохранения.

Особое место в обеспечении защиты прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь занимают органы прокуратуры Российской Федерации, поскольку многие ущемленные в правах граждане обращаются за помощью и защитой своих прав именно в органы прокуратуры, так как судебные процедуры весьма длительны, а также связаны со значительными материальными и временными затратами. Прокуратура является едва ли не единственным государственным органом, осуществляющим бесплатную правовую помощь населению. При этом, устранение нарушений закона и восстановление нарушенных прав средствами прокурорского реагирования осуществляется весьма эффективно и в короткое время.

Прокурорский надзор за исполнением законов о правах граждан в сфере здравоохранения распространяется на весьма широкий спектр жизненно важных вопросов, в связи с чем, является приоритетным и востребованным направлением деятельности прокуратуры.

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01 декабря 2016 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 21.05.2017).

² Выступление Министра Вероники Скворцовой на итоговой коллегии Минздрава России. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2017/04/12/5316-vystuplenie-ministra-veroniki-skvortsovoy-na-itogovoy-kollegii-minzdrava-rossii> (дата обращения: 21.05.2017).

В Приказе от 07.12.2007 года № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» Генеральный прокурор Российской Федерации обязывает подчиненных прокуроров «акцентировать внимание на защите закрепленных в Конституции Российской Федерации прав на охрану здоровья и медицинскую помощь»¹.

Безусловно, актуальность проблем в сфере здравоохранения требует пристального внимания работников органов прокуратуры.

Генеральный прокурор РФ в своем выступлении на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 27 апреля 2016 г. подчеркнул, что в 2015 году состояние законности в сфере здравоохранения также требовало постоянного контроля.

Однако нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на проводимые прокурорами мероприятия по укреплению законности в анализируемой области правоотношений, количество выявляемых нарушений законов и связанных с данными нарушениями актов прокурорского реагирования остается довольно высоким.

Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2015 году прокурорами выявлено 80 316 нарушений законодательства о здравоохранении (АППГ – 86 016), в целях устранения которых, опротестовано 660 правовых актов (АППГ – 675); в суд направлено 13 097 исков (заявлений) (АППГ – 15 092); внесено 15 230 представлений об устранении нарушений действующего законодательства (АППГ – 14 915), по результатам рассмотрения которых, к дисциплинарной ответственности привлечено 17 924 должностных лица (АППГ – 22 422); по постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечено 4 648 лиц (АППГ – 5 135); в порядке ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ в органы предварительного расследования направлено 231 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (АППГ – 205), по результатам рассмотрения которых, возбуждено 199 уголовных дел (АППГ – 158); 1 104 лица предостережено о недопустимости нарушений закона (АППГ – 1 588).

В ходе надзорных мероприятий выявляются факты неоказания, а также некачественного оказания медицинской помощи больным, нередко устанавливаются вопиющие случаи летального исхода по вине медицинских работников в результате оказания некачественной медицинской помощи.

Широко распространены случаи совершения таких преступлений как вымогательство денежных средств за оказание бесплатной медицинской помощи.

Отдельного внимания прокуроров требует вопрос противодействия коррупции в социально значимой сфере оказания медицинских услуг².

«Повсеместно пресекаются факты неэффективного использования дорогостоящего медицинского оборудования, в том числе из-за отсутствия соответствующей подготовки у медицинского персонала»³. Отмечается рост количества фальсифицированной медицинской продукции, которая создает реальную угрозу жизни и здоровью граждан.

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

² Какителашвили М. М. Получение подарков в сфере оказания медицинских и образовательных услуг: чаевые или взятка? // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2017. № 7. С. 94.

³ Бессарабов В. Г., Ашиткова Т. В. Обеспечение законности в сфере здравоохранения мерами прокурорского надзора // Законность. 2014. № 3. С. 27.

На сегодняшний день широкое распространение получают факты нецелевого либо неэффективного использования бюджетных средств, выделенных на программы по здравоохранению. Выявляются многочисленные случаи осуществления медицинской деятельности без лицензии.

В регионах нередко имеют место быть случаи ненадлежащего технического и санитарного состояния зданий, в которых расположены медицинские учреждения.

Типичными нарушениями законодательства о правах граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, выявляемыми прокурорами в ходе надзорных мероприятий, являются несвоевременность передачи поставленного медицинского оборудования в оперативное управление медицинских учреждений, ненадлежащее укомплектование автомобилей скорой помощи и фельдшерско-акушерских пунктов медицинской техникой и необходимыми медико-санитарными материалами.

Имеют место быть факты незаконного оказания медицинской помощи гражданам нашей страны на платной основе, в то время как лечение заболеваний, входящих в территориальную и федеральную программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи, должно осуществляться бесплатно. Не исключены различные нарушения закона при предоставлении пациентам платных медицинских услуг.

Весомой проблемой при оказании медицинской помощи гражданам являются нехватка врачебных кадров и специалистов в сельской местности, а также необеспеченность лечебных учреждений младшим медицинским персоналом.

Обеспечение исполнения действующего законодательства в сфере профилактики распространения туберкулеза среди населения по-прежнему остается важным направлением работы органов прокуратуры.

Так, посредством направления в суды заявлений о принудительной госпитализации, обязывании пройти профилактический осмотр и лечение в противотуберкулезном диспансере лиц, страдающих заразной формой туберкулеза, прокурорами проводится работа по принудительной госпитализации и лечению лиц, больных заразной формой туберкулеза, отказывающихся от добровольного лечения.

Зачастую прокуроры в ходе проведения проверок выявляют незаконные правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления, регламентирующие правоотношения в анализируемой сфере.

Выявляемые сотрудниками органов прокуратуры нарушения исполнения законодательства о правах граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, как правило, позволяют сделать вывод о недостаточно эффективной работе со стороны контролирующих органов, которые в ненадлежащей мере выполняют возложенные на них контрольно-надзорные полномочия, при привлечении виновных лиц к предусмотренной законом ответственности зачастую допускают нарушения.

Организуя и осуществляя надзорную деятельность, прокурору в целях наилучшего выполнения стоящих перед ним задач необходимо грамотно использовать имеющиеся у него силы и средства, выполнить как можно больший объем работы с наименьшими временными затратами, тем не менее с высоким качеством, умея выделить основное в работе из большой массы побочного, сосредоточить усилия подчиненных ему работников, поставить во главу угла, в первую очередь, ключевые проблемы и успешно решить их.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что проводимая прокурорами значительная работа ещё не оказала должного влияния на укрепление законности в сфере обеспечения прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, и безусловно требует дальнейшего совершенствования и повышения ее эффективности.

Н. И. БЕЗРУКАВАЯ

аспирант

Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ОБ ОБЯЗАННОСТИ ПРОКУРОРА УЧАСТВОВАТЬ В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Автором исследован вопрос регламентации института участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях судебными органами в части определения случаев, когда такое участие является обязательным. Проанализированы статистические данные о количестве возбужденных прокурорами и рассмотренных судами соответствующих дел, использована судебная практика. Проведен исторический обзор нормативного регулирования роли и полномочий прокурора в процессе. Выявлены недостатки отдельных положений КоАП РФ, касающихся исследуемой сферы правоотношений. На основе имеющихся подходов автором предложена своя классификация категорий дел об административных правонарушениях, где участие прокурора является обязательным. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: прокурор, суд, полномочия, административное правонарушение, рассмотрение дела об административном правонарушении.

Среди субъектов, реализующих государственные функции по привлечению к административной ответственности, органы прокуратуры Российской Федерации занимают одно из ведущих мест.

При производстве по делам об административных правонарушениях прокурор является полноценным его участником, наделенным широким кругом полномочий, имеющим возможность непосредственно влиять на производство по делу на всех его этапах¹.

В последнее время наблюдается тенденция отнесения все большего количества составов административных правонарушений к юрисдикции судов.

Вместе с тем процесс рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, включая вопросы участия в нем прокурора, недостаточно урегулирован законодателем.

При этом исследуемая сфера правоотношений достаточно обширна.

Так, согласно положениям ст. 23.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), судьями могут быть рассмотрены дела в общей сложности о более чем 550 различных административных правонарушениях, посягающих на правоотношения практически во всех сферах жизни общества.

Статьей 28.4 КоАП РФ закреплено право прокурора возбудить дело о любом административном правонарушении, предусмотренном КоАП РФ или законом субъекта РФ.

На сегодняшний день к делам исключительной компетенции прокурора отнесено более 50 составов правонарушений, значительная часть из них рассматривается судами. Наблюдается увеличение количества такого рода дел: еще в 2011 году в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ насчитывалось около 30 составов.

Таким образом, в сфере внимания прокуроров оказывается весь законодательный массив, устанавливающий ответственность за совершение административных правонарушений².

¹ Гриценко Д. В. Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. С. 44.

² Прокурорский надзор: Учебник / Винокуров Ю. Е. и др.; Под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2005. С. 344.

Как свидетельствуют статистические данные, число рассматриваемых судами дел об административных правонарушениях ежегодно возрастает. Так, только судами общей юрисдикции (включая мировых судей) в 2011 году по существу было рассмотрено 5295961 дело, в 2012 – 5731547, в 2013 – 5808980, в 2014 – 6461545, в 2015 – 6620039, в 2016 – 6359459¹.

Из указанных дел значительная часть возбуждена по инициативе органов прокуратуры. Прокуроры активно реализуют свои полномочия в указанной сфере: в 2011 году по постановлениям последних к административной ответственности привлечено 291973 лиц, в 2012 – 301682, в 2013 – 287117, в 2014 – 284355, в 2015 – 301864, в 2016 – 278937². При этом статистика не отражает значительного количества дел, рассмотренных с участием прокуроров, но возбужденных иными органами.

Об участии прокурора в административно-юрисдикционном процессе в целом упомянуто в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре)³, п. 2 ст. 1 и ст. 25 которого определяют, что прокурор вправе возбуждать дела об административных правонарушениях и проводить административное расследование. Статья 35 Закона о прокуратуре закрепляет право прокурора участвовать в рассмотрении дел и вступить в процесс в случаях, предусмотренных законом. Однако законодатель не конкретизирует, в рассмотрении какого рода дел и в каких именно случаях принимает участие прокурор.

Ранее действовавшими Основами законодательства СССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г.⁴ и КоАП РСФСР 1984 г.⁵ прокурору отводилась значительная роль, однако он выполнял исключительно надзорные функции, в том числе, в отношении судебных органов. Действующий же с 2002 г. КоАП РФ относит прокурора к числу участников производства по делам об административных правонарушениях, а надзор за деятельностью судов, согласно ст. 126 Конституции РФ⁶, осуществляет Верховный суд РФ.

КоАП РФ предоставляет прокурорам значительный круг прав, позволяя осуществлять надзор за деятельностью органов административной юрисдикции, возбуждать дела, проводить административное расследование, участвовать в рассмотрении дел, принести протест на постановление уполномоченного органа независимо от участия в деле.

Нормами КоАП РФ сегодня, как и ранее, не закреплена обязанность прокурора участвовать в рассмотрении судами (или иными органами) дел об административных правонарушениях, ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ лишь говорит о необходимости извещения прокурора о рассмотрении дела, возбужденного им самим или дела в отношении несовершеннолетнего, что на практике создает немало проблем для прокурорских работников: неясно, в каких случаях участие в деле считать обязательным.

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (дата обращения - 22.04.2017).

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за январь-декабрь 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/?SHOWALL_1=1 (дата обращения – 09.06.2017)

³ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. от 07 марта 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

⁴ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (приняты ВС СССР 23.10.1980) // Ведомости ВС СССР. 1980. № 44. Ст. 909.

⁵ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.

⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с поправками от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

При неявке извещенного надлежащим образом прокурора суды, как правило, рассматривают дела в его отсутствие¹, указывая, что неявка последнего не препятствует рассмотрению дела по существу.

При этом п. 16 приказа Генеральной прокуратуры России от 07.12.2007 № 195², а также п. 3 приказа Генпрокуратуры РФ от 19.02.2015 № 78³ указывают прокурорам на безусловную необходимость участвовать в рассмотрении внесенных ими актов прокурорского реагирования, к числу которых относится и постановление о возбуждении производства об административном правонарушении.

Кроме того, п. 2.7 Приказа Генпрокуратуры от 23.11.2015 № 645⁴ установлена обязанность прокуроров участвовать в рассмотрении судами дел в отношении, так называемых, «специальных» субъектов, перечисленных в п.п. 1.2.1 – 1.2.4 Приказа (в отношении судей, членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы РФ, кандидатов в Президенты РФ, в депутаты Государственной думы РФ, в депутаты представительных органов власти субъектов РФ и высших должностных лиц муниципальных образований и др.), независимо от того, кем возбуждено дело.

Следует отметить, что в КоАП РФ о необходимости извещения прокурора о рассмотрении дел в отношении указанных выше лиц не говорится, что, несомненно, является недостатком правового регулирования.

Исходя из анализа норм закона, а также положений ведомственных правовых актов, фактически на сегодняшний день к рассматриваемым судами делам, где предусмотрено участие прокурора, относятся:

дела, возбужденные прокурором и пересматриваемые по инициативе самого прокурора или других участников процесса;

дела, возбужденные иными органами, где инициатором пересмотра явился прокурор, принесший протест по результатам проведения проверки;

дела в отношении лиц «с особым правовым статусом»;

дела в отношении несовершеннолетних.

Перечисленные случаи можно разделить на две формы участия прокурора в процессе: обязательную и альтернативную.

При этом к обязательной следовало бы отнести случаи участия прокурора в рассмотрении и пересмотре возбужденных им дел и дел в отношении «специальных субъектов», а остальные – к альтернативной, поскольку КоАП РФ и ведомственные акты напрямую не предписывают прокурору обеспечивать участие в их рассмотрении.

Как видим, вопрос выделения категории дел об административных правонарушениях, где необходимо участие прокурора, на сегодняшний день не решен законодателем; на теоретическом уровне также отсутствует единый подход к решению данной проблемы.

¹ См., напр.: решение Владимирского областного суда от 11.10.2016 по делу № 11-268/2016; решение Московского городского суда от 26.04.2017 по делу № 7-5053/2017 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

² Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ от 07 декабря 2007 г. № 195 (с изм. от 21 июня 2016 г.) // Законность. 2008. № 3.

³ Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: приказ Генерального прокурора РФ от 19 февраля 2015 г. № 78 // Законность. 2015. № 5.

⁴ О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом: приказ Генерального прокурора РФ от 23 ноября 2015 г. № 645 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2017].

Начальником отдела по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры республики Крым Д.В. Штехбарт высказана несколько отличная от приведенной выше точка зрения¹, согласно которой обязательное участие прокурора предусмотрено в случае рассмотрения дела о правонарушении, совершенном несовершеннолетним, а также дела, возбужденного по инициативе прокурора, а альтернативная форма участия осуществляется по решению прокурора, принятому им в ходе рассмотрения заявлений, жалоб и иных обращений граждан.

С приведенной позицией нельзя в полной мере согласиться не только потому, что КоАП РФ не обязывает прокурора участвовать в рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних, но и потому, что автором не учтены положения названного выше Приказа № 645 об обязательном участии прокуроров в делах в отношении «специальных» субъектов.

Вместе с тем, участие прокурора в рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних представляется логичным и оправданным ввиду особой социальной значимости дел данной категории, позволяет не допустить возможных нарушений прав несовершеннолетних. Кроме того, дела, возбужденные и (или) пересматриваемые по инициативе прокурора, также должны быть рассмотрены с обязательным его участием, поскольку это позволит наиболее эффективно поддержать занятую позицию, при необходимости высказать возражения, дать пояснения или представить дополнительные доказательства.

Одновременно требует разрешения возникшее между КоАП РФ и Приказом Генпрокуратуры РФ от 23.11.2015 № 645 противоречие, касающееся участия прокурора в делах об административных правонарушениях в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом: КоАП РФ не обязывает судей привлекать к участию в рассмотрении соответствующих дел прокуроров, которым, однако, приказано обеспечить такое участие.

Учитывая изложенное, на наш взгляд, содержание ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ следовало бы сформулировать так:

«2. Дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетним, а также дела об административных правонарушениях, возбужденные и (или) пересматриваемые по инициативе прокурора, рассматриваются с обязательным участием прокурора.

С участием прокурора судами рассматриваются дела об административных правонарушениях в отношении:

- 1) судьи, в том числе пребывающего в отставке;
- 2) члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации;
- 3) кандидата на должность Президента Российской Федерации;
- 4) зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации;
- 5) члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта Российской Федерации;
- 6) члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;
- 7) зарегистрированного кандидата на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации;

¹ Участие прокурора при рассмотрении дел об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // Официальный сайт прокуратуры Республики Крым. URL: <http://rkproc.ru/ru/content/uchastie-prokurora-v-sude-pri-rassmotrenii-del-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения 10.06.2017).

8) зарегистрированного кандидата на выборную должность органа местного самоуправления, зарегистрированного кандидата в депутаты представительного органа муниципального образования».

Предложенные изменения разрешили бы вопрос о выделении категорий дел, где участие прокуроров является обязательным, устранив тем самым отмеченную правовую коллизию, что представляет ценность не только с точки зрения теории административного права и прокурорского надзора, но также позволит на практике повысить эффективность деятельности прокуроров на данном направлении, избежать проблем организационного характера.

А. М. ВОЗНЯК

студент 4 курса

Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Неукоснительное соблюдение учетно-регистрационной дисциплины органами дознания и предварительного следствия является гарантией соблюдения прав человека в сфере уголовного судопроизводства. Однако неточности действующего законодательства порождают проблемы в правоприменительной практике, попытке решения которых и посвящена статья.

Ключевые слова: надзор за дознанием, надзор за следствием, прокурорский надзор, стадия возбуждения уголовного дела, учетно-регистрационная дисциплина.

Одним из основных направлений прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела является предотвращение попыток укрывательства преступлений от надлежащего учета, а также надзор за полнотой проводимых органами предварительного расследования доследственных проверок сообщений о совершенных преступлениях.

При системном анализе положений пп. 1 ч. 1 ст. 37 и ч. 1, 4 ст. 144 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) возникает противоречие, которое заключается в том, что ст. 144 УПК РФ возлагает на уполномоченные органы обязанность принять, проверить сообщение о преступлении и принять по нему процессуальное решение, однако в приведенном положении закона ничего не сказано об обязанности должностных лиц указанных органов регистрировать поступившее сообщение о преступлении². Таким образом, возникает коллизия, в результате которой прокурор должен осуществлять надзор за регистрацией сообщений о преступлениях, в то время как у органов дознания и предварительного следствия отсутствует формальная обязанность их зарегистрировать исходя из положений уголовно-процессуального закона³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

² Исламова Э. Р. Процессуальные полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 202.

³ Тарабан Н. А. Актуальные проблемы приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях // Российский следователь. 2015. № 21. С. 43 – 47.

Кроме того, в УПК РФ отсутствует указание на то, в какой срок с момента приема сообщение о преступлении должно быть зарегистрировано. Однако в типовом положении о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях указано, что должностное лицо, уполномоченное принимать сообщения о преступлении, должно немедленно его зарегистрировать¹. Таким образом, полагаем необходимым закрепить в ч. 1 ст. 144 УПК РФ обязанность лиц, уполномоченных принимать сообщения о преступлениях незамедлительно их зарегистрировать в книге учета сообщений о преступлениях, что устранил имеющееся противоречие в уголовно-процессуальном законе и повысит роль регистрации преступлений как важнейшего элемента учетно-регистрационной дисциплины.

Следующим проблемным моментом на стадии возбуждения уголовного дела является проверка сообщений о преступлениях, поступивших из источников, не связанных с личным написанием заявления, таких обращений граждан при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Так, при приеме и проверке указанных сообщений о преступлении невозможно достоверно установить личность отправителя, что может порождать существенное нарушение конституционных прав и свобод граждан. Например, предприниматель с целью осложнение ведения бизнеса конкурентом составляет заведомо ложное сообщение о преступлении от имени лица, чьи анкетные данные ему известны, и направляет его в электронную приемную МВД России. Через некоторое время сообщение о преступлении поступает в территориальный орган к исполнителю, который начинает проверку доводов заявителя в порядке ст. 144-145 УПК РФ, не удостоверившись в личности лица, сообщившего о преступлении, тем самым, способствуя реализации умысла злоумышленника. Кроме того, сложившаяся ситуация создает большое поле для произвола со стороны органов дознания, поскольку они могут по сфабрикованному заявлению оказывать давление на субъекты предпринимательской деятельности, что безусловно порождает коррупционную составляющую. Кроме того, даже при добросовестности правоохранительных органов, проверка указанных электронных заявлений создает дополнительную нагрузку, чем активно пользуются недобросовестные граждане, понимая, в том числе, что, подавая заявление через электронную приемную, они не предупреждаются об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, и что они могут указывать свои заведомо недостоверные персональные данные, тем самым фактически обезличивая обращение. К сожалению, правоприменительная практика показывает, что указанные злоупотребления со стороны граждан и должностных лиц не являются единичными². Так, в 2013 году прокуратурой Ульяновской области выявлены 153 незаконные процессуальные проверки, проведенные органами внутренних дел в отношении коммерческих организаций, в том числе по якобы поступившим по телефону доверия анонимным сообщениям, сделанным самими сотрудниками полиции. Виновные привлечены к установленной законом ответственности³.

Полагаем, необходимо усилить прокурорский надзор при проверке законности материалов об отказе в возбуждении уголовного дела и при продлении срока проверки сообщений о преступлении⁴, а также обращать особое внимание на необходимость опроса лица, сообщившего о преступлении, до проверки его дово-

¹ Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» // Российская газета, № 13, 25.01.2006.

² Ольшевская А. В., Курбатова О. В. Рассмотрение органами внутренних дел обращений граждан и сообщений в СМИ // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 47 - 49; № 12. С. 52 - 54.

³ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Прокурор. 2013. № 2. С. 4 - 18.

⁴ Петров А. В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 16 - 21.

дов, по существу. В случае невозможности установления лица, от чьего имени составлено сообщение о преступлении, требовать от органов дознания прекращения проведения процессуальных проверок до установления и опроса заявителя, дабы исключить возможность нарушения прав лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка, что в конечном итоге будет способствовать реализации назначения уголовного судопроизводства.

М. Н. ПАСЕЦКАЯ

помощник прокурора Новгородского
района Новгородской области

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ

При проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов главной задачей прокурора является обнаружение коррупциогенных факторов, которые при несвоевременном выявлении впоследствии могут повлечь злоупотребление полномочиями должностными лицами и как следствие – существенные нарушения прав граждан и организаций. Автор в своей статье отражает некоторые проблемы, с которыми сталкиваются прокуроры при проведении антикоррупционной экспертизы, затрудняющими их деятельность в этой сфере.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, прокуратура, коррупциогенные факторы.

Важной частью механизма противодействия коррупции в Российской Федерации является прокуратура, которая на протяжении последних нескольких лет проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов¹.

Положения об антикоррупционной экспертизе были разработаны и закреплены в Федеральных законах «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (ред. 03.07.2016), «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ (ред. 21.10.2013) (далее – Федеральный закон об антикоррупционной экспертизе), «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 03.07.2016) (далее – Федеральный закон о прокуратуре), постановлении Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», которым утверждены Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Вопросы реализации полномочий по антикоррупционной экспертизе регламентированы в приказах Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции», от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» и разработанных в соответствии с ними приказах (распоряжениях) нижестоящих прокуроров.

¹ Интервью с Генеральным прокурором РФ, членом Президиума Ассоциации юристов России Ю.Я. Чайкой // Юридический мир. 2010. № 1.

Согласно ст. 9.1 Федерального закона о прокуратуре, прокурор в ходе осуществления своих полномочий в установленном Генеральной прокуратурой Российской Федерации порядке и согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации, проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц.

При проведении указанной экспертизы задачей прокурора является обнаружение пробелов, недостатков законодательства, коррупциогенных факторов, которые при несвоевременном выявлении впоследствии могут повлечь злоупотребление полномочиями должностными лицами и как следствие – существенные нарушения прав граждан и организаций.

Оценить работу органов прокуратуры по данному направлению можно исходя из статистических данных об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Так, за 2015 год выявлено 69 543 нормативных правовых акта и проекта нормативного правового акта, содержащих коррупциогенные факторы, в 2014 году – 64 398. В результате проделанной работы коррупциогенные факторы исключены из 63 077 нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в результате вмешательства прокурора (в 2015 г.), что на 7,3 % больше, чем в 2014 году.¹

Наиболее часто выявленные прокурорами нормативные правовые акты, содержащие коррупциогенные факторы, одновременно противоречат законодательству. Данный факт, связанный, прежде всего, с системными недостатками в работе субъектов нормотворчества, свидетельствует о сохраняющейся актуальности работы органов прокуратуры в этом направлении.

Прокуроры в своей деятельности сталкиваются с некоторыми проблемами при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, затрудняющими их деятельность в этой сфере. Поскольку эти проблемы носят практический характер и могут отражаться на качестве, функционировании и эффективности института по противодействию коррупционным проявлениям в целом, выявление этих недостатков, а также их устранение видится важной и актуальной задачей на настоящем этапе развития законодательства о противодействии коррупции.

Одной из проблем, выявленных практикой, является определение критериев отнесения тех или иных правовых актов к нормативным. От решения этой проблемы зависит, являются или не являются такие акты предметом антикоррупционной экспертизы. Правоприменителям, в том числе работникам прокуратуры, в своей деятельности приходится руководствоваться только разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части». В пункте 9 указанного постановления определены существенные признаки, характеризующие нормативный правовой акт: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

¹ Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/1054853/> (дата обращения 05.05.2016).

Несколько раз в Государственную Думу Российской Федерации вносился проект Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», но Федеральный закон так и не был принят. Чтобы избежать коллизий, в том числе в деятельности органов прокуратуры, представляется необходимой доработка и принятие специального Федерального закона, в котором на законодательном уровне определить понятие «нормативный правовой акт», закрепить и урегулировать процедуры принятия, внесения изменений, отмены нормативных правовых актов различных уровней.

Также необходимо четко отладить механизм поступления в органы прокуратуры нормативных правовых актов и их проектов, издаваемых органами государственной власти и местного самоуправления. Для этого требуется в законодательных актах закрепить порядок их предоставления в органы прокуратуры для проведения антикоррупционной экспертизы, определить сроки предоставления, установить ответственность за невыполнение данных требований (например, закрепить обязательное предоставление в прокуратуру изданных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов ежемесячно по запросу прокурора). Поступление нормативных правовых актов и их проектов в прокуратуру в разумные сроки имеет важное значение, поскольку своевременное выявление коррупциогенных факторов и их устранение позволяет исключить возможность коррупционных проявлений в правоприменении. Кроме того, детализация полномочий на законодательном уровне позволит прокурорам применять такую меру, как возбуждение дел об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Более того, с учетом конструкции статьи 17.7. КоАП РФ, возможность ее применения позволит прокурорам инициировать вопрос о дисквалификации должностных лиц, грубо и, в ряде случаев, сознательно, игнорирующих законные требования прокурора.

Рассматривая статью 3 Федерального закона об антикоррупционной экспертизе, можно заметить, что в ней предусмотрено проведение антикоррупционной экспертизы только нормативных правовых актов, проекты нормативных правовых актов необоснованно выведены из предмета экспертизы. На наш взгляд, возникает неясность, требуется ли осуществление экспертизы коррупционности, в частности, при составлении заключений на проекты нормативных правовых актов, поступающих в органы прокуратуры из других государственных органов или муниципальных структур. Причем этот вопрос приобретает повышенную актуальность применительно к актам о контрольных, лицензионных, разрешительных, регистрационных и юрисдикционных полномочиях органов государственной власти и органов местного самоуправления, особенно во взаимоотношениях их с гражданами и негосударственными юридическими лицами, о порядке и сроках реализации таких правомочий¹.

Поскольку антикоррупционная экспертиза является одной из мер противодействия коррупции, необходимо предусмотреть в пункте 2 части 1 статьи 3 Федерального закона об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов обязательность проведения антикоррупционной экспертизы всех нормативных правовых актов и их проектов.

Определение обязательности проведения антикоррупционной экспертизы без детализации по отраслям законодательства, позволит прокурорам избежать существенных затруднений при формировании статистической отчетности, будет способствовать повышению эффективности анализа статистических сведений.

С учетом логики отчета по форме «К» (разделы 3 и 4) прокурор при его формировании должен произвести распределение нормативных правовых актов (проектов) в строгом соответствии с предметом, определенным в Федеральном законе об антикоррупционной экспертизе.

¹ Талапина Э. В. Об антикоррупционной экспертизе // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 56.

При этом ряд нормативных правовых актов могут подлежать антикоррупционной экспертизе не по одному основанию, так как их нормы регламентируют разные сферы правовых отношений. Так, например, нормы административного регламента по выдаче разрешений на строительство, регламентирующие перечень документов, необходимых для предоставления услуги, одновременно затрагивают права и свободы человека и гражданина и сферу градостроительного законодательства, что также является самостоятельным предметом антикоррупционной экспертизы. При этом, с учетом отсутствия четких критериев отнесения одного и того же акта к разным сферам, может возникнуть ситуация, когда разные прокуроры отнесут один и тот же акт в разные строки отчета.

В условиях усиления противодействия коррупции количественное сокращение общего числа коррупциогенных факторов с 17 до 11 и обобщенные формулировки оставшихся факторов оказывают негативное влияние на качество проверки нормативных правовых актов и их проектов. Кроме того, современная методика не содержит значимого коррупциогенного фактора, именуемого как отсутствие ответственности государственного служащего (муниципального служащего, лиц, замещающих государственные и муниципальные должности) за правонарушения. Законодатель при определении ответственности государственного служащего в некоторых случаях ограничивается формулировкой «несет ответственность в установленном законом порядке». Детальный анализ законодательства показывает, что во множестве случаев столь широкая отсылка «не работает», поскольку ответственность не установлена ни в одном правовом акте. Следует дополнить Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов названным фактором и иными факторами, что будет способствовать профилактике коррупции и реализации принципа неотвратимости ответственности.

Также представляется необходимым скорректировать конструкцию коррупциогенного фактора, предусмотренного подпунктом «д» пункта 3 Методики, который в настоящее время звучит, как принятие нормативного правового акта за пределами компетенции - нарушение компетенции государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов. С целью повышения эффективности антикоррупционной политики в сфере нормотворчества необходимо в качестве коррупциогенного фактора определить те случаи, когда нормативное регулирование в силу, например, внесенных изменений в федеральное законодательство, осуществляется за рамками полномочий. При этом первоначально (при принятии нормативного правового акта, подвергаемого антикоррупционной экспертизе) нормативное регулирование осуществлялось в пределах полномочий органа государственной власти или органа местного самоуправления.

Не регламентирован срок, в течение которого орган государственной власти или местного самоуправления обязан устранить коррупциогенные факторы и противоречия законодательству, выявленные прокурором в нормативном правовом акте или проекте нормативного правового акта. Таким образом, необходимо установить данные сроки, а также меры ответственности за неисполнение указанного порядка.

Представляется, что реализация заявленных предложений будет способствовать повышению эффективности осуществления органами прокуратуры полномочий по антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Д. А. СТРЕКАЛОВСКИЙ
помощник Онежского межрайонного
прокурора Архангельской области

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

В статье рассматриваются актуальные вопросы и проблемы прокурорского надзора за исполнением законов в ходе проведения капитального ремонта многоквартирных домов, анализируется практика осуществления надзора в данной сфере, и определяются основные задачи, стоящие перед органами прокуратуры

Ключевые слова: ЖКХ, прокурорский надзор, капитальный ремонт, жилищно-коммунальное хозяйство, многоквартирный дом.

Принятие Федерального закона от 25.12.2012 № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» обострило и без того напряженную ситуацию в сфере реформирования жилищно-коммунального хозяйства. Нормами указанного закона был установлен новый порядок проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах. Признав невозможность его проведения за счет исключительно бюджетных средств, государство создало механизм, позволяющий сделать это путем софинансирования с привлечением средств собственников жилых помещений. Однако новый порядок вызывает массу вопросов по причине его непрозрачности, отсутствия четкого контроля за осуществлением капитального ремонта и гарантий защиты средств собственников от хищения, а также направления их исключительно на предусмотренные законом цели.

Анализ состояния законности в рассматриваемой сфере свидетельствует о повсеместных нарушениях, допускаемых на различных этапах проведения капитального ремонта. Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка отметил, что проведенные проверки реализации новой системы сбора денег на капитальный ремонт показывают, что привлечение «народных» средств сопровождается многочисленными нарушениями и, как следствие, справедливым возмущением людей¹. Таким образом, ситуация с соблюдением требований законов при проведении капитального ремонта многоквартирных домов требует постоянного прокурорского внимания.

Представляется, что недостаточное правовое регулирование рассматриваемых отношений является одной из причин низкого уровня законности. Надлежащее содержание многоквартирных домов включает как мониторинг их технического состояния, так и проведение работ по устранению неисправностей. В связи с чем, из взаимосвязанных положений ст. 210, 249 Гражданского Кодекса Российской Федерации и ч.1 ст. 169 Жилищного Кодекса Российской Федерации прямо вытекает обязанность всех собственников уплачивать взносы на капитальный ремонт.

¹ Доклад Чайки Ю. Я. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 27 апреля 2016. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/1078222/ (дата обращения: 11.08.2017).

Отдельные положения раздела IX ЖК РФ, регулирующие организацию проведения капитального ремонта, были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Указав в своем Постановлении¹ на конституционность оспариваемых норм, им было отмечено отсутствие правового механизма функционирования региональных операторов, низкий уровень открытости, прозрачности и эффективности расходования средств формируемых на счетах региональных операторов фондов.

Полномочный Представитель Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации Т.А. Васильева также указала на то, что имеющие место нарушения законов говорят о необходимости устранения пробелов в законодательстве. С учетом изложенного, когда неурегулированность отношений создает почву для совершения правонарушений, полагаем, что именно осуществление действенного надзора с принятием эффективных мер прокурорского реагирования будет способствовать поддержанию законности в рассматриваемой сфере.

Основываясь на положениях ст. 21, 26 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» к предмету надзора за исполнением законов при проведении капитального ремонта многоквартирных домов необходимо отнести соблюдение Конституции РФ и исполнение законов органами власти субъектов РФ и местного самоуправления, контролирующими органами и их должностными лицами, организациями. Кроме того, в содержание предмета прокурорского надзора в данной сфере будет входить соблюдение прав и свобод гражданина в ходе финансирования капитального ремонта и его проведения, а также, соответствие законам издаваемых указанными органами и должностными лицами правовых актов.

С учетом того, что прокурорами в ходе проверок выявляются различные нарушения, а также с целью систематизации знаний о роли прокуратуры видится необходимым провести классификацию нарушений, выявляемых при осуществлении надзора в данном направлении.

В зависимости от субъекта выделяют нарушения законов совершаемые:
органами государственной власти и органами местного самоуправления;
контролирующими органами;
региональными операторами, товариществами собственников жилья и управляющими организациями;

Фондом содействия реформированию ЖКХ;

подрядными организациями. П

По способу совершения правонарушения подразделяются на совершенные:

путем бездействия лиц;

в результате некомпетентных действий должностных лиц;

в результате злоупотребления и иных незаконных действий, в том числе обусловленных корыстными целями.

Исходя из этапа совершения, правонарушения делят на совершаемые:

при выборе способа финансирования капитального ремонта;

в ходе финансирования капитального ремонта;

во время организации и проведения капитального ремонта.

¹ По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 12.04.2016 г. № 10-П // Консультант Плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]. Электрон. дан [М., 2017].

Анализ прокурорской практики позволяет выделить наиболее типичные нарушения, выявляемые органами прокуратуры в рассматриваемой сфере, а также отметить особенности организации надзора по данному направлению.

Эффективность надзорной деятельности зависит от его должной организации. Одним из основных ее элементов является обеспечение надлежащего взаимодействия с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, которые обладают широким спектром полномочий по организации проведения капитального ремонта, с контролирующими органами, а также с общественными организациями, в частности, с региональными центрами общественного контроля в сфере ЖКХ, которые участвуют в обмене информацией о состоянии дел в сфере капитального ремонта, полученной ими в ходе проведенного мониторинга.

С учетом того, что прокурорский надзор должен носить превентивный характер, прокурорами применяются соответствующие этому меры. Распространена практика предоставления органам местного самоуправления, в собственности которых имеются жилые помещения, информации о необходимости заложения в бюджет на будущий год соответствующих сумм денежных средств для внесения их в качестве взносов на капитальный ремонт. Также прокурорам широко используется полномочие по объявлению предостережений о недопустимости нарушений законов, например, в случаях, когда имеется угроза срыва реализации региональной программы капитального ремонта. Так, заместителем прокурора Ленинградской области было объявлено предостережение о недопустимости нарушений законов и.о. генерального директора НО «Фонд капитального ремонта многоквартирных домов Ленинградской области», в связи с тем, что вопреки краткосрочному плану реализации региональной программы капитального ремонта не по всем домам организованы конкурсные процедуры на заключение договоров с подрядными организациями¹.

Первостепенное значение при осуществлении надзора имеют вопросы законности нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации и осуществления капитального ремонта. Основное место среди них занимают программы проведения капитального ремонта. Выявляются случаи, когда адресные программы органами государственной власти и местного самоуправления вообще не приняты. Зачастую в них включаются не все многоквартирные дома, расположенные на территории субъекта, либо включаются дома, признанные аварийными, тогда как на собственников помещений в таких домах не может быть возложена обязанность по уплате взносов на капитальный ремонт.

Фактическое проведение капитального ремонта зависит от наличия финансовых ресурсов. В связи с чем, ключевое значение имеют вопросы обеспечения законности при выборе способа формирования фонда капитального ремонта. Прокурорами выявляются нарушения порядка проведения общего собрания собственников и принятия им решения о способе формирования фонда. Кроме того, мерами прокурорского реагирования требуется исключать случаи бездействия органов местного самоуправления по принятию решений о формировании на счете регионального оператора фонда капитального ремонта домов, жильцы которых не воспользовались правом самостоятельного выбора.

Особое внимание прокурорами обращается на законность начисления платы за капитальный ремонт. Минимальный размер взноса устанавливается органами государственной власти субъекта Российской Федерации, которые зачастую

¹ Новости прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Новости прокуратуры РФ. URL: <http://procrf.ru/news/468405-prokuraturoy-oblasti-rukovoditelyu-fonda.html> (дата обращения: 12.07.2017).

злоупотребляют этим правом. Так, органами прокуратуры был опротестован Закон Еврейской автономной области, утверждающий минимальные размеры взноса на капитальный ремонт без учёта типа и этажности домов, стоимости проведения капитального ремонта отдельных элементов строительных конструкций и инженерных систем¹.

Имеют место факты принятия органами местного самоуправления актов, которыми обязана по уплате взносов на капитальный ремонт возлагается на нанимателей жилых помещений. Неоднозначная практика сформировалась в случаях опротестования актов органов местного самоуправления, которыми в размер платы за наем жилого помещения включалась плата за капитальный ремонт общего имущества. В отдельных случаях такие акты, оспариваемые в судебном порядке прокурором, признавались законными с указанием на то, что ими установлен лишь размер платы за наем, которая используется для финансирования капитального ремонта и потому ее размер определяется также исходя из необходимости уплаты органом местного самоуправления соответствующего взноса². Считаем такую позицию необоснованной, так как средства, полученные от нанимателей, могут направляться на уплату взносов на капитальный ремонт, однако повышение платы за наем на сумму минимального размера взноса на капитальный ремонт по факту представляет собой перекладывание собственником своей обязанности на нанимателя.

Необходимо также исключить случаи проведения капитального ремонта за счет собственников, если обязанность по его проведению не была исполнена бывшим наймодателем на момент приватизации. Прокуроры принимают меры как по обязыванию органов государственной власти и местного самоуправления осуществить ремонт, так и по возмещению собственникам затрат на его проведение, если он был проведен за их счет. Так, Решением Октябрьского районного суда г. Архангельска от 9 декабря 2015 г. по делу № 2-8498/2015 мэрия города была обязана организовать проведение капитального ремонта в соответствии с требованием ст. 16 Закон Российской Федерации от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации».

Повсеместно выявляются нарушения порядка использования денежных средств. Органами прокуратуры устанавливаются факты направления процентов, начисляемых на взносы, на финансирование деятельности регионального оператора. Также имели место случаи принятия региональных законов о бюджете, предусматривающих использование указанных процентов для обеспечения текущей деятельности региональных фондов капитального ремонта.

Отдельного внимания заслуживают нарушения, которые связаны с выполнением капитального ремонта. Подрядчиками работы производятся некачественно и несвоевременно, завышается объем выполненных работ и стоимость использованных материалов, в сметы включаются необоснованные расходы. Должный контроль за использованием денежных средств не осуществляется, допускаются факты их незаконного перечисления, нецелевого расходования. Например,

¹ Прокуратура Еврейской Автономной области [Электронный ресурс] // Прокуратура Еврейской автономной области. URL: <http://prokuror-eao.ru/prokuratura-prinesla-protest-na-zakon-eao-ob-ustanovlenii-minimalnogo-razmera-vznosa-na-kapitalnyj-remont-obshhego-imushchestva-v-mnogokvartirnom-dome-na-territorii-evrejskoj-avtonomnoj-oblasti-na-2015/> (дата обращения: 12.12.2016)

² Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Самарского областного суда от 8 апреля 2016 года: дело №33а-3537/2016. [Электронный ресурс] // База судебных решений «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-522617767/> (дата обращения: 13.07.2017).

прокуратурой Ярославской области установлено, что акты выполненных работ не были утверждены общим собранием, тогда как оплата за работу в сумме 2 276 998 руб. управляющей организацией фактически произведена, кроме того, ею же допускалось перечисление денежных средств согласно промежуточным актам выполненных работ, тогда как такое условие не предусмотрено договорами подряда¹.

Таким образом, учитывая распространенность нарушений в рассматриваемой сфере, можно выделить следующие задачи, стоящие перед прокурорами при обеспечении законности проведения капитального ремонта: на системной основе проверять исполнение законов в рассматриваемой сфере; обеспечить соблюдение прав собственников при выборе и смене способа формирования фонда капитального ремонта; усилить прокурорский надзор за законностью правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления, регулирующих организацию и проведение капитального ремонта; обеспечить законность распоряжения денежными средствами собственников; мерами прокурорского реагирования пресекать случаи нецелевого расходования средств, ставить вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности; систематически проверять ход реализации программ капитального ремонта; активизировать надзор за законностью деятельности контролирующих органов в рассматриваемой сфере; в рамках правового просвещения разъяснять гражданам требования законодательства по организации и проведению капитального ремонта; оптимизировать взаимодействие прокуратуры с органами власти и местного самоуправления, а также организациями общественного контроля.

Изложенное свидетельствует о том, что органы прокуратуры являются важным государственно-правовым механизмом обеспечения законности при проведении капитального ремонта многоквартирных домов. Однако данная сфера общественных отношений по-прежнему подвержена большому количеству нарушений, в связи с чем, необходимо продолжить активную работу в данном направлении.

¹ Прокуратура Ярославской области [Электронный ресурс] // Прокуратура Ярославской области. URL: <http://www.yarprok.ru/news/prokuraturoj-gavrilov-jamskogo-rajona-vyjavleny-narusheniya-pri-provedenii-kapitalnogo-remonta-mnogokvartirnyh-domov.htm> (дата обращения: 13.08.2017).

VII

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**А. В. БОБКОВ,
К. И. КЛЮЕВА**

студенты 4 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье приведен анализ действующих нормативно-правовых актов в сфере регулирования обеспечения и защиты прав человека и гражданина в сети Интернет. Рассмотрены механизмы сбора информации подобные таргетингу, ретаргетингу и парсингу. Проведена оценка того, насколько использование этих механизмов соответствует законодательству. Представлены перспективы преобразования нормативно-правой базы, правоприменительной практики и правовой культуры в сфере защиты персональных данных граждан в сети Интернет.

Ключевые слова: защита персональных данных, обработка персональных данных, таргетинг, ретаргетинг, парсинг.

Жизнь значительной части современных людей связана с виртуальной реальностью не меньше, чем с объективной. Это подтверждается постоянным увеличением количества пользователей сети Интернет, которые применяют ресурсы сети не только ради решения бытовых проблем, совершения онлайн покупок и приятного времяпрепровождения, но и в качестве основного механизма ведения бизнеса. При этом свобода передачи данных, в том числе данных личного характера, должна строиться на постулате о недопустимости ограничения или ущемления закрепленных в нормативно-правовых актах прав и свобод человека и гражданина.

При продвижении товаров и услуг в IT индустрии широко используются сервисы и программы, которые позволяют проводить анализ огромного массива информации о пользователях из различных источников в целях выявления предпочтений потенциальной целевой аудитории, на которую направлен тот или иной продукт. В частности, все крупные социальные сети и поисковые системы используют для сверхточного нацеливания предложений инструменты таргетинга, ретаргетинга и парсинга. Схожие инструменты использует значительная часть представителей онлайн-бизнеса. Услуги по созданию таргетированной рекламы предлагают многие маркетинговые, PR-агентства и отдельные специализированные сервисы-анализаторы. Подобные методы сбора данных уже получил широкое распространение в предпринимательской среде, так как позволяют при минимальных финансовых затратах получить максимальную по объему базу возможных клиентов с требуемыми для связи контактами.

Как уже отмечалось, для функционирования подобных сервисов необходим интенсивный сбор сведений, в том числе сведений о частной жизни граждан и персональных данных. В связи с этим особое значение приобретает проблема правового регулирования защиты прав и свобод человека и гражданина.

Для понимания особенностей правовой регламентации обработки и защиты персональных данных граждан в сети Интернет проанализируем некоторые наиболее значимые нормативно-правовые акты. Среди международных актов следует отметить «Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», заключенную в г. Страсбурге 28.01.1981 и ратифицированную Россией в 2005 г., Директивы 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 24 октября 1995 г. «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных», Директиву ЕС 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 г. «Об обработке персональных данных и защите неприкосновенности частной жизни в сфере электронных коммуникаций», принятый Постановлением 30-6 на 30-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 3 апреля 2008 г. «Модельный информационный кодекс для государств - участников СНГ. Ч. I», которые содержат основные понятия и принципы в сфере защиты персональных данных, права и обязанности субъектов данных и операторов, средства защиты и пр.

Конституция РФ в статьях 23 и 24 указывает на неприкосновенность частной жизни и недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни без согласия гражданина. Эти положения получили детализацию в Федеральном законе «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ (далее – ФЗ №152-ФЗ). Также следует отметить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и некоторые Постановления Правительства РФ.

Учитывая значительный объем нормативно-правовой базы в сфере обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет, подробный анализ вопроса о том, насколько явление таргетинга находится в рамках законодательства, вызывает интерес. К сожалению, проблематика данного вопроса в научно-правовой литературе раскрывается недостаточно, так как это явление сравнительно ново и было исследовано в большей степени специалистами неправовых областей.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что механизмы сбора информации, подобные таргетинговой рекламе, можно назвать законными лишь с определенной долей условности. Попробуем обосновать свою точку зрения.

Субъекты персональных данных при использовании различных сайтов в сети Интернет предоставляют свои персональные данные, например, фамилию, имя, отчество, электронный почтовый адрес, номер мобильного телефона, адрес ме-

стожительства и другую личную информацию. Несмотря на то, что пользователи нередко выкладывают свои данные в открытом доступе, ст. 6 ФЗ №152-ФЗ обязывает получать операторов согласие на обработку этих данных. Если речь идет о таких крупных социальных сетях как, например, «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Twitter», то формально согласие пользователя они получили. И сделали они это путем опубликования на своих страницах документов, определяющих политику компаний в отношении обработки персональных данных. Пользователи соглашались с предложенными условиями при регистрации на сайте, так как в случае несогласия регистрация и, соответственно, использование сайта невозможно. Вот что по этому поводу указано в Научно-практическом комментарии Роскомнадзора к ФЗ №152-ФЗ: «При использовании интернет-сервисов и согласно их политике в области конфиденциальности пользователь безоговорочно принимает условия данной политики в полном объеме в момент начала использования сервисов...факт размещения какой-либо информации (фамилии, имени, отчества, электронного адреса) на странице сайта предполагает согласие пользователя с условиями политики...»¹. Однако, если же мы говорим о всевозможных агентствах и относительно небольших сервисах, которые производят сбор и обработку информации с различных сайтов без получения какого-либо согласия (в том числе сайтов социальных сетей и некоторых сайтов государственных органов и общественных организаций), то соответствие данной деятельности российскому законодательству вызывает вопросы.

Развитие общественных отношений в обозначенной нашей работой сфере должно порождать эволюцию права. Но процесс совершенствования права не может ограничиваться только изменениями законодательства. Важно применять комплексные меры по модернизации всей правовой реальности, включая преобразование нормативно-правовой базы, правоприменительной практики и правовой культуры. Поэтому, по нашему мнению, новые общественные отношения, складывающиеся в сфере информационных технологий с использованием рассматриваемых нами механизмов, должны получить отражение в правовой системе.

Во-первых, касаясь законодательства в целом в сфере защиты персональных данных в сети Интернет, исследователи-правоведы отмечают несовершенство некоторых положений. Например, споры вызывает данное в ст. 3 ФЗ №152-ФЗ понятие персональных данных. На практике данное определение не позволяет определить, включаются ли в него геолокационные данные, IP-адрес, тип операционной системы пользователя, данные аккаунтов и другая личная информация. К примеру, В.Б. Наумов и В.В. Архипов в одной из своих работ отмечают, что «современные европейские юристы предпочитают исходить из того, что IP-адрес безусловно представляет собой персональные данные...»². Указывается неполнота регулирования данных общественных отношений в сравнении с регламентацией в других странах. Необходимость совершенствования нашего законодательства в данной области очевидна. Более того, сектором информационного права Института государства и права РАН под руководством И.Л. Бачило уже была разработана Концепция Информационного кодекса России. Вероятно, введение подобного нормативно-правового акта в нашу систему законодательства можно было бы расценивать как значительный прогрессивный шаг в сфере защиты прав человека и гражданина.

¹ Приезжева А. А. Федеральный закон «О персональных данных»: научно-практический комментарий // Редакция «Российской газеты». 2015. № 11. С. 57.

² Наумов В. Б., Архипов В. В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. 2016. №2. С. 188

Во-вторых, правоприменение в сфере защиты персональных данных в сети Интернет остается на низком уровне. Ответственность за нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных) установлена ст. 13.11 КоАП РФ, однако признаки состава указанного правонарушения выявляются довольно редко, судебная практика крайне незначительна и противоречива. В качестве примера несовпадений мнений судебных органов приведем решение суда первой инстанции¹ и решение суда апелляционной инстанции² по одному и тому же вопросу. Мы можем сделать вывод, что отсутствие единства толкования нормативно-правовых актов в сфере обеспечения и защиты прав человека и гражданина в сети Интернет приводит к двум противоположенным судебным решениям, а это, безусловно, недопустимо.

В-третьих, уровень правовой культуры граждан как пользователей пространства сети Интернет в вопросах безопасности собственных персональных данных неудовлетворительный. Как правило, незнание людьми своих прав и механизмов их защиты становится предпосылкой незаконного использования их персональных данных. В целом, повышать этот уровень следует, на наш взгляд, усилением мер профилактической и образовательной направленности в деятельности правоохранительных и контролирующих органов. Достижению более высоких профилактических результатов в сфере обеспечения и защиты прав и свобод граждан в сети Интернет могли бы способствовать использование методов нативной рекламы в социальных видеороликах, которые в игровой форме разъясняли бы содержание положений нормативно-правовых актов. Продвижение в социальных сетях официальных страниц государственных органов исполнительной власти (например, Роскомнадзора), на которых бы ежедневно размещалась интересная и полезная информация для пользователей, также способствовало бы повышению правовой грамотности граждан.

В заключение отметим, что получение ответов на теоретические вопросы не должно осуществляться без разработки практических, уместнее даже сказать технических решений. По этому поводу в научной литературе высказываются очень интересные варианты реализации и защиты на практике прав субъектов персональных данных. М.В. Бочков, П.Н. Бойков, А.А. Яшин в своей статье «Социальные сети как основной источник утечки персональных данных» предлагают, на наш взгляд, действенные способы противодействия автоматическому сбору персональных данных с информационного ресурса, например «создание фильтров-анализаторов интенсивности доступа к данным сайта с каждого входящего IP-адреса,... периодическое обновление контента информационного ресурса,... использование методов динамической аутентификации пользователей в процессе сеанса работы»³. Конечно, реализация этого требует определённых временных и трудовых ресурсов, которые будут затрачены на детальную разработку и внедрение описанных методов. Существенными могут оказаться и финансовые потери собственников сайтов. Вместе с тем, для обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет это сделать необходимо.

¹ Решение Мирового судьи судебного участка №4 Советского района г. Ростова-на-Дону от 4 апреля 2012 г. по делу об административном правонарушении [Электронный ресурс] URL: uchastok 4 sovetского rajona g rostova na donu s act 204367630/ (дата обращения: 20.10.2016)

² Решение Судьи Советского районного суда г. Ростова-на-Дону от 6 июня 2012 г. по делу об административном правонарушении [Электронный ресурс]: URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-105073732/> (дата обращения: 20.06.2017).

³ Бочков М. В., Бойков П. Н., Яшин А. А. Социальные сети как основной источник утечки персональных данных // Защита информации. Инсайд. 2010. № 3 (33). С. 65.

Непрерывная трансформация общественных отношений в сфере обработки персональных данных в сети Интернет, в том числе, сбора и хранения сведений посредством механизмов подобных таргетингу, ретаргетингу и парсингу, требует соответствующих изменений в нашей правовой реальности, которые в сочетании с определенными техническими мерами смогут обеспечить достойный уровень защиты прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет.

Т. В. ВЕРБИЦКАЯ

ассистент

кафедры теории и истории
международных отношений

Уральского федерального университета

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию регулирования сферы безопасности в государствах-членах Европейского Союза. Исследование направлено на выявление особенностей и проблем, возникающих при правовом обеспечении сферы безопасности в интеграционной структуре. Установлено, что в рамках государств-членов Европейского Союза функционирует механизм правового регулирования участия страны в обеспечении безопасности на наднациональном уровне, однако содержание данного механизма является дифференцированным, отличается по степени детализации.

Ключевые слова: безопасность, правовое средство, интеграция, Европейский Союз, дифференциация.

С момента принятия Лиссабонского договора в 2007 году государства-члены Европейского Союза стремились объединить усилия, в том числе и прежде всего, в целях обеспечения безопасности. Результатом указанных усилий явилась военно-политическая интеграция Европейского Союза¹. Единство безопасности достигается в силу распространенности его условий на все государства-члены Европейского Союза, интегрированности – в силу того, что для обеспечения безопасности требуется консолидация усилий всех государств-членов Европейского Союза.

Следует отметить, что регулирование участия государств-членов Европейского Союза по вопросам безопасности не является единообразным. Происходит дифференцированное (с большей или меньшей степенью детализации) правовое регулирование всех основных аспектов интеграционных процессов в сфере обеспечения безопасности (речь идет об установлении таких элементов правового регулирования, как субъектный состав, предмет, цели, условия, введение в действие правовых норм и способов разрешения коллизий).

Субъектный состав интеграционных процессов в сфере обеспечения безопасности определяется, исходя из анализа положений конституций государств – участников Европейского Союза по данному вопросу. Иногда в указанных актах происходит выделение субъекта обеспечения обязательств – в статье 88-2 Конституции Франции речь идет о «Франции»; в абзаце 7 статьи 6 Конституции Португалии – о Португалии, аналогичная ситуация в Италии, согласно статье 11 Конституции Италии. В абзаце 1 статьи 23 Основного закона Германии речь идет о федерации («Союзе»)².

¹ Правовое регулирование военно-политической интеграции в рамках Европейского Союза: учеб. пособие / Капкин С.Ю., Четвериков А.О., Слепак В. Ю.; под ред. Капкина Ю. С. М: Норма; ИНФРА-М, 2014. С. 78.

² Конституции государств-участников Совета Европы // *Constitutiones del mundo*. URL: (дата обращения: 24.06.2017).

Адресатом акта передачи, предоставления или наделения компетенцией выступают органы сотрудничества по вопросам безопасности (второй субъект указанного механизма), как это закреплено, например, в конституциях Португалии, Франции, Швеции и Германии (абзац 1 статьи 23 Основного закона). Во многих конституциях в более общем плане говорится либо о международных учреждениях или органах, или об обязательствах государств в сфере международного права по вопросам безопасности (абзац 2 статьи 9 Конституции Австрии, статья 34 Конституции Бельгии, статья 92 Конституции Нидерландов, статья 93 Конституции Испании, статья 49 бис Конституции Люксембурга), либо, подобно абзацу 2 статьи 28 Конституции Греции, об органах международных организаций по вопросам безопасности. В других основных законах, аналогично абзацу I. 1 статьи 20 Конституции Бельгии содержатся указания на международные органы власти, созданные по взаимному согласию с иными государствами, с целью развития международного правопорядка и сотрудничества.

Следующий элемент интеграции – предмет соглашения в данной сфере – виды полномочий, которые могут быть переданы органам по сотрудничеству в сфере безопасности, и пределы подобного делегирования.

В конституциях содержится мало общего по вопросам характера полномочий, передаваемых органам по сотрудничеству в данной сфере. В статье 88-2 Конституции Франции касательно участия в процессе сотрудничества по вопросам безопасности говорится о «передаче полномочий», в то время как в Германии и Австрии Федерация может передать права осуществления публичной власти. В Конституции Нидерландов речь идет о наделении нормотворческой, исполнительной и судебной властью органов по сотрудничеству в сфере безопасности. В Основном законе Люксембурга установлена возможность передачи права реализации предметов ведения, относящихся на основании Конституции к полномочиям органов нормотворческой, исполнительной и судебной власти по вопросам безопасности. Самым соответствующим цели воплощения указанной правовой основы и аргументированным представляется положение абзаца 1 § 5 главы 10 Формы правления Швеции 1974 года¹. В указанной норме содержится разрешение наделения («доверия») правом принятия решений в рамках соглашений о сотрудничестве по вопросам безопасности обязательной силой, в то время как во втором предложении касательно процедурных аспектов вновь употребляется термин «делегирование». Нормы Конституции Бельгии носят более общий характер – в них содержатся указания на то, что осуществление определенных властных полномочий может быть предоставлено международным учреждениям и органам сотрудничества, цель которых – обеспечение правопорядка и безопасности.

Цели и условия сотрудничества по вопросам безопасности также являются важнейшими составляющими указанного процесса.

В соответствии с Основным законом Германии, предполагается участие ФРГ в развитии внешней составляющей института национальной безопасности. Некоторые конституции также используют подобные формулировки²; в других, например, в конституции Франции, цели вообще не указаны³. Таким образом, объединение внутренней и внешней составляющей национальной безопасности или мирное со-

¹ Форма правления Швеции 1974 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/Sweden.pdf> (дата обращения: 24.06.2017).

² См. статью 11 Конституции Италии: система, направленная на поддержание мира и справедливости между нациями // *Constitutiones del mundo*. URL: (дата обращения: 24.06.2017).

³ См. статьи 34 Конституции Бельгии, 92 Конституции Нидерландов, 93 Конституции Испании, 28 Конституции Греции, 20 I Конституции Дании, 49 бис Конституции Люксембурга // *Constitutiones del mundo*. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/constitutintro.htm> (дата обращения: 24.06.2017).

трудничество между государствами в наднациональном или международном органе представляется самоцелью. Существование такой самоцели признается на основании положений конституции государств – участников ЕС достаточным обоснованием создания новой структуры и ее наделяния действительной компетенцией.

Можно выделить такую составляющую интеграционных процессов в сфере обеспечения безопасности, как правовые средства, с помощью которых становится возможным принятие решения о сотрудничестве по вопросам безопасности.

В некоторых конституциях не установлены специальные процедуры заключения соглашений об участии в процессе обеспечения безопасности и соответствующей передачи полномочий¹. Характер указанных соглашений о сотрудничестве отражается в специфических процедурных условиях, содержащихся в конституциях некоторых государств – участников ЕС.

В статье 34 Конституции Бельгии предусмотрено создание двух инструментов – и закона, и соглашения о сотрудничестве по вопросам обеспечения безопасности. В новой норме главы X абзаца 1 статьи 5 Формы правления Швеции² уточняется, что решение о том, наделяются ли акты органов сотрудничества по вопросам безопасности обязательной силой, осуществляется парламентом («Риксдагом»)³.

В Конституции Испании речь идет о принятии конституционного закона (статья 93 Конституции Испании). Данные нормы конституции Испании аналогичны процедуре принятия решений в соответствии со статьями 53, 54 Конституции Франции. Если на основании позиции Конституционного совета Франции соглашение по вопросам безопасности противоречит Конституции, для его ратификации необходимо внести изменения в основной закон⁴.

Составной частью механизма выполнения обязательств по обеспечению безопасности являются способы разрешения коллизий между нормами, принимаемыми законодательными органами государств и решениями межгосударственных органов по сотрудничеству в сфере обеспечения безопасности. Данный аспект по-прежнему остается проблемным.

Договоры о сотрудничестве по вопросам безопасности заключаются в результате переговоров государств – участников сотрудничества по вопросам безопасности. Но наделение органов сотрудничества по вопросам безопасности определенными аспектами публичной власти (нормотворческими, исполнительными, юрисдикционными полномочиями) может осуществляться исключительно на основании акта парламента⁵. В случае противоречия между законами, принятыми в государстве по вопросам безопасности и решениями международных органов по сотрудничеству в сфере безопасности, приоритетом будут обладать законы государства по вопросам безопасности.

¹ См. абзац 1 статьи 24 Основного закона Германии и статьи 34 Конституции Бельгии, 49 бис Конституции Люксембурга // *Constitutions del mundo*. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/constitintro.htm> (дата обращения: 24.06.2017).

² Пересмотру конституции посвящена работа Ruin O. *Suède, Membres de l'Union européenne*. Stockholm, 2000. P. 440.

³ Более детально данный вопрос рассмотрен в произведении Shader M., Melin M., XXe Congrès de la Fédération Internationale des Echecs. *Le droit du Conseil de l'Europe et des Constitutions nationales de ses participants*. Rapport suédois, Stockholm, 2001. P. 4.

⁴ В отношении практики строительства Союза, см. de la Roscher J. D., *Le Conseil constitutionnel de la France et le développement du constitutionnalisme en France*. Paris, 1999. P. 43.

⁵ См. в данном контексте ссылки на доктрину распределенного суверенитета в работе Pernice I. *Révision de la structure: les aspects problématiques de la Constitution, la nature fédérale et filiale, dans le cadre du Deuxième symposium sur le droit comparé, L'harmonisation de la législation dans les systèmes fédéraux: une perspective comparative*. Francfort – Columbia. ColGEL, 1996. P. 403. Данная доктрина тесно связана с анализом федеральной системы США: см. de Tocqueville A. *La question de la démocratie en Amérique*. Paris, 1835. Chapitre VIII Distribution de la souveraineté и также Hamilton A. *The Federalist*. New York, 1787, № 32 Répartition des pouvoirs sur la souveraineté.

Таким образом, в государствах-членах Европейского Союза существует целый спектр вариантов участия в интеграционных процессах по правовому обеспечению безопасности (от общих норм до детального правового регулирования), что позволяет сделать вывод о дифференцированности подходов государств к регулированию указанного процесса. Государства делают выбор в пользу того или иного варианта интеграции по вопросам безопасности с учетом своих национальных интересов.

Практика правового регулирования участия в интеграционных процессах государств-членов Европейского Союза в сфере безопасности очень разнообразна. Это позволяет выбрать те или иные варианты регулирования элементов механизма обеспечения безопасности с учетом исторических и иных особенностей государства. Российская Федерация осуществляет сотрудничество по разным аспектам безопасности и в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, и Шанхайской организации сотрудничества, и Организации Договора коллективной безопасности, также возможны подобные отношения со странами Арабского Востока, с Ираном и Латинской Америкой. И с учетом специфики страны-партнера России, каждый раз может быть выработан разный механизм регулирования участия России в сотрудничестве по вопросам безопасности, углублении имеющегося сотрудничества.

А. Л. МУХИНА

магистрант 2 курса

Пермского государственного национального
исследовательского университета

ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ»

В настоящее время всё большую актуальность приобретает защита прав пожилых людей. В статье рассматривается принцип самостоятельности пожилых людей в его историческом развитии. Дается трактовка данного принципа с позиции идеи «активного старения».

Ключевые слова: права пожилых людей, активное старение, принцип самостоятельности, глобальное старение, Мадридский план.

Во второй половине двадцатого века человечество столкнулось с явлением, получившим название «глобальное старение». Изначально оно затронуло развитые страны, однако позднее распространилось и на остальные, в том числе Россию. Интересно, что в настоящее время большинство лиц пожилого возраста проживает в странах со средним или низким уровнем дохода, при этом прогнозируется рост данного показателя до 80%. Согласно данным ВОЗ, к 2050 году число пожилых людей возрастёт более чем вдвое: с 845 миллионов до 2 миллиардов¹. С одной стороны, это говорит о прогрессивном развитии общества, но в то же время внушает некоторое опасение. Во-первых, современные пенсионные системы просто не рассчитаны на такое соотношение работающих и неработающих граждан, что в перспективе может привести к их краху. Во-вторых, возрастание продолжительности жизни обостряет проблемы, связанные с реализацией прав человека лицами пожилого

¹ ВОЗ. «Психическое здоровье и пожилые люди» // Информационный бюллетень № 381. Сентябрь 2013 г. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs381/ru> (дата обращения: 04.09.2017).

возраста. В связи с их актуализацией «необходимо международно-правовое регулирование и создание специальных механизмов по правам человека в отношении различных групп населения»¹, чем активно занимается мировое сообщество.

В рамках I Всемирной Ассамблеи по проблемам старения 1982г. была обозначена проблема защиты пожилых людей. Венский международный план действий², принятый по её итогам, стал тем документом, в котором впервые была признана необходимость особой заботы о лицах пожилого возраста со стороны международного сообщества и правительств. Впрочем, Венский план лишь задал общий вектор развития, не определив конкретных направлений. В 2002 году состоялась II Всемирная ассамблея по проблемам старения, по итогам которой был принят важнейший программный документ – Мадридский международный план действий по проблемам старения³, направленный не только на улучшение индивидуальных аспектов жизни пожилого человека, но и на активное вовлечение его в жизнь общества. Мадридский план провозглашает необходимость пересмотра политики в отношении лиц пожилого возраста с целью всестороннего использования того значительного потенциала, который у них есть. Этот переломный момент можно считать датой «рождения» концепции активного старения.

В 2002г. Всемирная организация здравоохранения приняла Рамочную программу, согласно которой активное старение (долголетие) – это процесс оптимизации возможностей для укрепления здоровья, участия в жизни общества, и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения. В данном контексте здоровье трактуется широко: оно состоит из физического, психологического и социального благополучия. Участие, в свою очередь, предполагает вовлечение пожилых людей во все сферы общественной жизни. Безопасность же обеспечивается путём создания такой среды, которая была бы комфортна и физически, и социально, включая финансовый элемент. В реализации этой концепции на практике огромную роль играют отдельные права пожилых людей, и, в первую очередь, право на самостоятельность.

Самостоятельность – принцип, или право, предполагающие свободу и способность принимать решения по своему усмотрению, а также правоспособность осуществлять эти решения. Зачастую это право смешивают с другим – правом на независимость. Безусловно, они тесно связаны, однако при этом необходимо учитывать, что независимость означает проживание без посторонней помощи или такое проживание, когда эта помощь сведена к минимуму. Таким образом, независимость является более широким понятием, включающим в себя самостоятельность. Тем не менее, если говорить о пожилых людях, то именно самостоятельность лучше отражает специфику их положения.

Одно из первых упоминаний независимости относится к 1991г., когда были приняты Принципы ООН в отношении пожилых людей⁴. В Принципах Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей принцип независимости упоминается для того, чтобы подчеркнуть важность доступа пожилых людей к адекватным продовольствию, воде, жилью, одежде и медицинскому обслуживанию через посредство обеспечения им дохода, поддержки со стороны семьи, общины и самопомощи. Пожилые люди также должны иметь возможность находить оплачиваемую работу или получать доступ к образованию и профессиональной подготовке, которые позволяют им вести независимый образ жизни. Самостоятельность не

¹ Солнцев А. М., Кебурия К. О. К вопросу о создании международного договора о правах пожилых людей // Социальное и пенсионное право. 2013. № 2. С. 45.

² Венский международный план действий по проблемам старения, 1982 // ООН. Нью-Йорк. 1983. URL: <http://www.un.org/es/globalissues/ageing/docs/vipaa.pdf> (дата обращения: 04.09.2017).

³ Всемирная ассамблея по проблемам старения. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 г. // Док. ООН A/CONF.197/9.

⁴ Принципы ООН в отношении пожилых людей. Резолюция ГА ООН 46/91 от 16 декабря 1991 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/oldprinc.shtml> (дата обращения: 04.09.2017).

упоминается в тексте прямо, но в то же время положения Принципов ООН позволяют сделать вывод о том, что она подразумевается, так как в конечном счёте они направлены именно на достижение самостоятельности.

Однако в полной мере идея самостоятельности была отражена в Конвенции о правах инвалидов¹, на что неоднократно обращалось внимание². Несмотря на то, что старение и инвалидность – разные вещи, существуют веские основания для учёта положений этого документа при разработке Конвенции о правах пожилых людей. Это связано с тем, что положение пожилого человека в общества во многом схоже с положением инвалида, особенно тогда, когда речь идёт о физических возможностях. Кроме того, число инвалидов среди пожилых людей достаточно велико, что позволяет говорить о применимости понятия самостоятельности, заложенного в Конвенции о правах инвалидов, к пожилым людям.

Самостоятельность включает три разных аспекта: индивидуальный, финансовый и общественный. Первый предполагает способность принимать решения, второй – способность извлекать и получать доход, а третий – существование таких условий, в которых обеспечены учёт возрастных особенностей и обстановка, которая благоприятствует самостоятельной жизни пожилых людей как членов общества.

Содержание принципа самостоятельности весьма широко. Так, полноценная самостоятельность складывается из реализации ряда отдельных элементов: права на равенство перед законом, правоспособности, достоинства, самоопределения, расширения прав и возможностей и принятия решений, права выбирать место жительства, права на труд, права голосовать на выборах и права активно участвовать во всех сферах жизни общества.

На наш взгляд, ключевым элементом самостоятельности является правоспособность. Наличие её позволяет пожилым людям гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права. Самостоятельности пожилого человека могут угрожать психические нарушения, влекущие необходимость постороннего участия в принятии решений. Как отмечает Независимый эксперт по осуществлению прав пожилых людей, во избежание ситуаций, когда в результате применения мер опеки лицо попросту лишается способности принимать решения по важным вопросам своей жизни, необходимо совершенствовать национальное законодательство, а также принимать во внимание положения Конвенции о правах инвалидов, согласно которым, статус инвалида или наличие какого-либо нарушения никогда не должно служить основанием для лишения лиц правоспособности. Рекомендуются заменить субститутивную модель принятия решений на суппортивную³.

Очевидно, что правоспособность охватывает в основном юридическую сторону. Вместе с тем, для лиц пожилого возраста крайне актуальны вопросы, связанные с доступной средой. Самостоятельность человека напрямую зависит от приспособленности окружающей среды под его потребности. Отметим, что доступная среда включает как физическую доступность жизни, так и её социальную доступность. Так, речь идёт не только об уличных пространствах и общественных местах, физической среде, зданиях, транспорте, но и о социальной интеграции. Нельзя забывать и о жилище. Несмотря на то, что это не публичное пространство, государство, однако, обязано проводить такую жилищную политику, которая была бы направлена на предоставление пожилым людям возможно-

¹ Конвенция ООН о правах инвалидов 2006 г. (принята Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 04.09.2017).

² Ситаров В. А. Проблема социальной адаптации детей с ограниченными возможностями развития в образовательной сфере // Знание. Понимание. Умение. № 3. 2013. С.246.

³ Совет по правам человека. Доклад Независимого эксперта по вопросу об осуществлении всех прав человека пожилых людей 2015. Док. ООН А/HRC/30/43.

сти проживать в собственных жилищах и предусматривала меры по адаптации жилья в соответствии с их потребностями. Это не означает, что опека должна быть чрезмерной. Напротив, следует искать баланс между сохранением привычного уклада жизни лиц пожилого возраста, уважением их личного выбора и предложением помощи от общества и государства.

Принцип самостоятельности пожилых людей нашёл отражение во многих региональных актах. Так, в Межамериканской конвенции о защите прав человека пожилых людей в качестве полноценных прав указаны самостоятельность и независимость, включающие в себя право на принятие решений, право на ведение самостоятельного образа жизни в соответствии с традициями и убеждениями¹. Схожие идеи выражены в ряде документов необязательной силы, к которым относятся, например, Хартия прав пожилых людей в странах Латинской Америки и Карибского бассейна², Хартия Европейского союза об основных правах³ и Европейская социальная Хартия⁴.

Хотя мы затронули лишь часть элементов, составляющих принцип самостоятельности, можно сделать вывод о том, что он представляет собой ядро концепции активного старения. Только при его полной реализации можно говорить о том, что пожилому человеку гарантирована возможность оставаться активным членом общества. Представляется, что при разработке универсального акта по правам пожилых людей должны быть учтены положения Конвенции о правах инвалидов, посвящённые самостоятельности.

Н. Е. ПИРЯЗЕВА

студентка 3 курса

Института права и управления

Тулского Государственного университета

ПРАВОВОЕ ОСНОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В АРКТИКЕ

В рамках статьи рассматриваются основные направления деятельности России и иностранных государств в Арктической зоне. С учетом специфики современного состояния проблемы определения статуса Арктики в условиях отсутствия международно-правового акта, определяющего ее статус, важно охарактеризовать особенности позиции каждой из стран, граничащих с регионом и находящихся в территориальной отдаленности от него. Автором на основе российского и международного законодательства, обобщая при этом практическую деятельность иностранных государств в Арктике, выделяется несколько основных направлений, которым следуют страны при мотивировании собственных территориальных притязаний в регионе.

Ключевые слова: Арктика, приарктические государства, особый статус, международно-правовые акты, Арктическая стратегия.

В условиях повышенного интереса к природно-ресурсному потенциалу арктических территорий со стороны стран, находящихся в географически отдаленных регионах, необходимым представляется определение правовых огра-

¹ The Organization of American States. Inter-American convention on protecting the human rights of older persons. 15.06.2015. URL: [http://www.oas.org/en/sla/dil/docs/inter american treaties A-70 human rights older persons.pdf](http://www.oas.org/en/sla/dil/docs/inter%20american%20treaties%20A-70%20human%20rights%20older%20persons.pdf) (дата обращения: 04.09.2017).

² San José charter on the rights of older persons in Latin America and the Caribbean. 2012. URL: <http://www.cepal.org/publicaciones/xml/2/50162/SanJosecharter.pdf>.

³ Хартия Европейского Союза об основных правах. Принята 07.12.2000. URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 04.09.2017).

⁴ Европейская социальная Хартия. Принята в г. Страсбурге 03.05.1996. Бюллетень международных договоров. 2010. № 4. Апрель. С. 17 – 67.

ничений их деятельности. Помимо этого, неясность в определении правового статуса Арктики и, окружающих ее вод Северного Ледовитого океана, стала причиной неопределенности в нормативном закреплении правомочий государств в отраслевом направлении исследования Полярного региона. Обезличивание индивидуальных особенностей Арктических территорий привело к отсутствию специального нормативного акта, регулирующего не только права и обязанности приарктических государств, но и стран, не имеющих государственной границы с регионом. Все это стало причиной развития ряда концепций, основной целью которых является видоизменение существующего порядка в области определения правового статуса Арктики.

На сегодняшний день исследование арктических территорий является одной из острейших, но мало обсуждаемой в широких общественных кругах, проблем. Характерной для последних нескольких десятилетий чертой следует признать желание государств, территориально не граничащих с арктическими зонами, расширить политическое и экономическое влияние в регионе. Действия таких государств как Великобритания, Франция, Германия, Китай, Индия и Япония в первую очередь основываются на нормах Конвенции по морскому праву 1982 года¹. Согласно ей, юрисдикция арктических государств распространяется на 12 миль территориальных вод и 200 миль исключительной экономической зоны. Все остальное водное пространство Северного Ледовитого океана фактически признается открытым морем, а дно океана мировым достоянием. Конвенция в то же время предоставляет приарктическим государствам возможность расширить государственный суверенитет на территории, выходящие за пределы указанных зон, если оно предоставит доказательства об исключительных правах на континентальный шельф. Данное основание следует обозначить как форму притязания прибрежных государств, оформленную в рамках конвенционной нормы международного права. Между тем, у стран, не имеющих границы с Арктикой или же выхода к морям Северного Ледовитого океана такой возможности нет, то есть юридически они не являются одной из сторон в споре об определении международно-правового статуса арктических территорий и акваторий. В подобных крайне невыгодных для себя условиях не арктические государства вынуждены действовать различными способами и методами, определяющими государственную стратегию в регионе.

На данном этапе характерным следует признать резкое увеличение интереса к арктическому региону в виду заметного совершенствования научно-технической базы в ряде развитых и развивающихся стран. Находясь в территориальной изоляции от региона, государства Востока и Старого Света в своей целенаправленной деятельности по исследованию открытого моря и морского дна в водах Северного Ледовитого океана вынуждены основываться на нормах Конвенций в области морского права. В качестве вспомогательных актов необходимо назвать двусторонние договоры арктических государств, поскольку права этих стран не могут быть нарушены в виду их особого статуса. Конвенция по морскому праву 1982 года, Конвенция об открытом море 1958 года², Конвенция о континентальном шельфе 1958 года³, равно как и иные Конвенции, не несут в себе исключительности в решении вопросов сотрудничества, исследования и освоения ар-

¹ «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // «Собрание законодательства РФ», 01.12.1997, N 48, ст. 5493.

² «Конвенция об открытом море» (Заключена в г. Женеве, 29.04.1958 г.) // Ведомости ВС СССР. 16 ноября 1962 г. N 46. Ст. 457.

³ «Конвенция о континентальном шельфе» (Заключена в г. Женеве 29.04.1958 г.) // Ведомости ВС СССР. 8 июля 1964 г. N 28. Ст. 329.

ктических территорий. Например, одним из пробелов в Конвенции по морскому праву является отсутствие точно регламентированной формы исследования о расширении континентального шельфа за пределы 200 миль и их достаточности. Тем самым в процедуре юридического закрепления своих суверенных прав на континентальный шельф можно увидеть долю политизированности и субъективности, неприемлемых для международного права в целом. Помимо этого, в Конвенции не нашел своего отражения вопрос делимитации континентального шельфа арктической зоны, поскольку в виду ряда климатических и географических особенностей, общие положения не могут занять положение всеобъемлющего источника регулирования. Проблемным также необходимо отметить факт того, что США, приполярное государство, претендующее на огромные территории в Арктике, до сих пор не ратифицировала Конвенцию по морскому праву. Тем самым в пределах межгосударственного сотрудничества в сфере развития и стабилизации полярного региона наблюдается не только известный политический, но и правовой дисбаланс. США, как и ряду других государств, например, странам Азии, выгоден кардинальный пересмотр привычного подхода к решению возникающих коллизий в области определения правового статуса Арктики. Позицию именно юридического закрепления спорных территорий на основе Конвенции по морскому праву 1982 года наиболее последовательно отстаивает Российская Федерация. Осуществляется данная линия за счет подачи заявки на расширение шельфа в Арктике в ООН, согласно нормам международного права. Последняя заявка была подана в начале 2016 года, однако «окончательного решения, возможно, придется ждать несколько лет»¹. «Россия подала заявку в Комиссию по расширению континентального шельфа досрочно в 2001 г., однако представленные доказательства были признаны ею недостаточными и предложено продолжить исследования, дополнить материал «в разумный срок»»². В сложившейся политической ситуации, на сегодняшний день крайне сложно выстраивать позитивные прогнозы или рассуждать о стремительном решении дела в пользу РФ. Россия предприняла все возможные попытки урегулирования вопроса в рамках международного права, однако несовершенство системы организации специальной комиссии при ООН демонстрирует разумность выводов о необходимости разработки специального акта, стабилизирующего спорные ситуации вокруг территориальных притязаний государств арктического и не арктического регионов.

На данном этапе огромную роль на полярной арене играют страны Востока и Азии, а в большей мере Китайская Народная Республика. Незавершенность арктической стратегии государства отнюдь не свидетельствует о неполноценности их фактической деятельности в полярной зоне. Находясь в территориальной изоляции, Китай различными способами пытается предпринять активные действия по борьбе с экспансией арктических государств на северные земли. Как отмечает В.Н. Конышев, Китай в своей арктической политике пытается оформить свое постоянное присутствие в регионе посредством активного участия в освоении природных ресурсов, проведении научно-исследовательских экспедиций, участии в международных коалициях по изучению особенностей Арктической зоны и поддержке инициативы пересмотра основных положений, определяющих правовой статус территорий. Разумеется, эти меры не единственные, однако в рамках данного исследования наиболее интересны попытки Азиатских стран, в том числе и КНР, государств, характеризующихся как «неарктические»,

¹ Забродина Е. В ООН представлена заявка России на расширение шельфа в Арктике // Российская газета. №7045 (177). С. 12

² Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Рос. Совет по межд. делам [под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 51

изменить существующие подходы к установлению прав и обязанностей стран в регионе. «Адмирал ВМФ КНР Инь Чжо отметил, что «Арктика не принадлежит какому-то конкретному государству, но является собственностью всех народов мира, а Китай должен играть обязательную роль в освоении Арктики»¹. Это мнение подчеркивает значимость Арктических территорий для восточного государства. Таким образом, прослеживается иная линия правового обоснования государственных притязаний – Арктика настолько уникальный регион земного шара, что не может принадлежать лишь пяти прибрежным государствам. Именно эта позиция находит отклик и у других государств Востока и Северной Европы, оценивающих попытки России расширить свое влияние в Арктике посредством юридического закрепления спорных территорий как в некоторой степени проявление враждебности по отношению к другим государствам и недопущение распространения влияния извне. Несмотря на разностороннее сотрудничество государств, придерживающихся тактики пересмотра основных принципов определения принадлежности Арктической зоны, важно понимать, что каждое из государств ставит целью своего присутствия получение наибольшей экономической и стратегической выгоды, что в дальнейшем может привести к разрастанию непонимания и конфликту интересов между приверженцами той или иной тактики основания своего присутствия в Арктике. Пересмотр устоявшихся принципов разграничения территории в регионе крайне выгоден для стран, не имеющих возможности закрепить свое влияние посредством представления доказательства исключительных прав на континентальный шельф. В последнее время можно наблюдать повышенное внимание к Арктике со стороны Индии, которой необходима дополнительная транспортная и экономическая артерия в северном полушарии.

Страны Европы, такие как Германия, Великобритания и Франция, несмотря на видимую отрешенность, поддерживают идею Арктики как мирового достояния, однако они предпринимают открытые действия по исследованию арктического региона посредством проведения экспедиций и плаваний, зачастую проходящих рядом с исключительной экономической зоной РФ. Поэтому необходимо признать, что Арктика на сегодняшний день представляет собой своеобразную площадку, проявление активности на которой гарантирует для государств расширение своего политического влияния на международной арене.

Таким образом, в современном решении вопроса правовых оснований притязаний иностранных государств на арктические территории можно выделить три большие направления: юридическое закрепление расширения территории посредством норм международного права; претензии о необходимости разработки специального нормативного акта по приоритетным направлениям в определении правового статуса Арктики с закреплением прав на указанные территории со стороны иностранных государств; трансформация существующих принципов морского права применительно к арктической зоне, то есть присвоение ей на международном уровне статуса свободного и максимального открытого для государств региона.

¹ Шишков. А. С. Арктические интересы стран Восточной Азии// Проблемы национальной стратегии. №5. 2014. С. 38.

VIII

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА

А. И. ПОПОВ
студент 4 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ БЮДЖЕТОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье приведен сравнительный анализ бюджетного устройства Российской Федерации и зарубежных стран. Рассмотрены принципы и критерии построения бюджетного устройства, а также модели построения бюджетных систем.

Ключевые слова: бюджет, бюджетное устройство РФ, бюджетный федерализм, бюджетный унитаризм, межбюджетные отношения.

Исследуя вопрос об особенностях бюджетного устройства в Российской Федерации (далее – РФ), необходимо определиться непосредственно с понятием «бюджетного устройства».

В статье 6 Бюджетного Кодекса¹ (далее – БК РФ) законодатель определил термин «бюджетная система Российской Федерации» как основанную на экономических отношениях и государственном устройстве РФ, регулируемую законодательством РФ совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов, которая устанавливает критерий бюджетного устройства, а именно государственное устройство РФ, определяя трёхзвенную систему бюджета РФ.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2017].

С научной точки зрения бюджетное устройство страны определяется государственным устройством. Однако стоит согласиться с Н.А. Шевелёвой, что бюджетное строение РФ однозначно установить не представляется возможным, поскольку в действительности модель бюджетного устройства нашей страны расходиться с точкой зрения ученых¹.

Для подтверждения заявленного тезиса хотелось бы обратиться к практике иностранных государств.

Начнём с унитарных государств, в которых бюджетная система представляет собой совокупность бюджетов всех территориально-административных единиц и состоит из двух звеньев: государственного бюджета и бюджетов местных органов самоуправления.

Главную роль в бюджетной системе таких государств играет государственный бюджет, с помощью которого центральный аппарат государственной власти аккумулируют основную часть национального дохода, перераспределяемую через финансовую систему государства.

Классическим примером унитарного государства выступает Великобритания, в которой бюджетная система включает в себя два основных звена: государственный и местные бюджеты, при этом последние формально обособлены.

Каждый местный орган власти Великобритании имеет свои особенности и осуществляет деятельность в присущем себе темпе. В связи с чем, не может быть унифицированной модели бюджетного процесса, построения местного бюджета и порядка составления бюджетных документов местного органа управления.

Местный бюджет может быть определен как прогноз финансовых последствий предполагаемой деятельности органов местного управления на 12-месячный период. Данная деятельность определяется политикой, проводимой на местном уровне для достижения установленных целей, исходя из финансовой обеспеченности, которой располагают органы местного управления.

Сроки подготовки, утверждения и принятия местного бюджета могут быть разными, так как они обусловлены существующей на местах структурой, количеством комиссий и другими составными элементами.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что местные бюджеты в Великобритании обособлены и функционируют автономно.

Следующая страна, бюджетную систему которой мы предлагаем рассмотреть – Соединенные Штаты Америки (далее – США).

Как и у всех государств с федеративной формой устройства, бюджетное строение США представлено в виде трёхуровневой системы с автономными бюджетами.

Нельзя не обратить внимание на то, что характерной особенностью бюджетной системы США является тенденция по администрированию налогов, согласно которой органы власти соответствующего уровня в праве вести собственную фискальную политику в рамках предоставленных им полномочий. Данное проявление отражает фискальную независимость и самостоятельный контроль за базой и ставкой закрепленных за соответствующими бюджетами налогов. Однако, несмотря на такую показательную самостоятельность и обособленность бюджетов, также существует сложная система выравнивания бюджетов, реализуемая посредством межбюджетных отношений. Также нельзя говорить об абсолютной автономности и самостоятельности бюджетов различных уровней потому, что финансовую стратегию государства разрабатывает и утверждает администрация президента, что, в свою очередь, ставит в определённые рамки другие уровни бюджетной системы.

¹ Шевелева Н. А. Бюджетная система России: – проблемы правового регулирования в период интенсивных реформ : автореф. дис. д-р. юрид. наук: 12.00.14. Санкт-Петербург, 2005. С.17.

Проанализировав мировой опыт, мы приходим к выводу, что в настоящее время говорить о федерализме «в чистом» его проявлении нельзя, о чём свидетельствует пример США, которые, не смотря на достаточно развитую и исторически устойчивую бюджетную систему, не могут претендовать на полное соответствие теоретическому понятию «федеральной бюджетной системы».

Вышеуказанная проблема стала предметом диссертационного исследования А. В. Колесниковой, в работе которой раскрыты такие особые модели бюджетного устройства как децентрализованный федерализм и централизованный унитаризм. Позволим себе согласиться с точкой зрения автора, что, отталкиваясь от современных реалий политической и экономической деятельности государства и «узости дихотомии федерализма/унитаризма»¹, можно говорить о фактическом существовании объединённых форм государственного устройства.

Модель «децентрализованного бюджетного федерализма» ориентирована на противостояние между территориальными образованиями, наделёнными правом ведения самостоятельной фискальной политики, выражающимся в таком принципе как «один налог – один бюджет»². Для названной модели характерна высокая степень децентрализации управления налоговыми и бюджетными процессами по вертикали (между уровнями бюджетов) и горизонтали (между различными бюджетами одного уровня).

В мировой практике выделяют вторую модель бюджетного федерализма, которая именуется «кооперативным бюджетным федерализмом». Данная модель ориентирована на партнерство и активную помощь центра по выравниванию бюджетной обеспеченности территорий. Негативным проявлением здесь будет вступать существенное ограничение самостоятельности территориальных и местных властей в сфере формирования и контроля за фискальной политикой на соответствующей территории. Такая модель наиболее ярко отражает построение бюджетной системы Германии.

Согласно мнению С. С. Вергун бюджетный федерализм в РФ относится именно к кооперативной модели, сущность которой состоит в обеспечении партнерских взаимоотношений между федеральным центром и субъектами федерации посредством межбюджетных отношений. Бюджетное законодательство на федеральном уровне превалирует над бюджетным законодательством субъектов федерации, выражая при этом общие интересы в установлении целостности и единства федеративного государства.

Важно отметить, что в силу экономико-географического различия, большинство субъектов РФ считаются «депрессивными». Согласно таблице № 65 приложения 41 к Федеральному Закону от 19.12.2016 N 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов», 72 субъекта РФ из 85 ныне существующих является дотационным, что составляет приблизительно 84%. В силу недостаточности налоговой базы в субъектах РФ, их собственные доходы не способны покрыть расходы, в результате чего центр, посредством межбюджетных трансфертов, вынужден прибегать к выравниванию финансовой обеспеченности регионов.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что в настоящее время в РФ сформировалась централизованно-вертикальная система межбюджетных отношений, которая нарушает принцип самостоятельности субъектов РФ. Результатом выступает высокая степень финансовой зависимости субъектов РФ от центра, а названный принцип превращается в декларативную норму, по сути указанные бюджеты «de

¹ Колесникова А. В. Финансовая деятельность государства как правовая категория : автореф. дис. канд. полит. наук : 23.00.05. Саратов, 2015. С. 10.

² Вергун С. С Особенности бюджетного федерализма и межбюджетных отношений в России // Science Time. 2014. № 9. С. 45.

facto»¹ составляются Министерством финансов РФ в ходе подготовки проекта федерального бюджета. Именно на этой стадии бюджетного процесса на уровне федерации определяется доходная часть бюджетов субъекта РФ и устанавливается его расходная часть. На основании вышеизложенного мы можем прийти к выводу, что федеральный бюджет РФ представлен в виде централизованного плана, который аккумулирует в себе два уровня бюджетной системы РФ.

Анализируя бюджетное строение советского периода, Т.Г. Лукьянова в диссертации «Финансовая деятельность государства как правовая категория» проводит анализ, из которого явно следует, что все государственные доходы и расходы объединялись в едином общегосударственном бюджете². Таким образом можно говорить о том, что федерализм без власти над финансами и собственностью в регионах характеризует в большей степени централизацию государственного устройства.

Рассматривая позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 11 апреля 2000 г. № 6-П³, необходимо обратить внимание на недопустимость произвольного присвоения органами государственной власти РФ всей полноты полномочий по предметам совместного ведения, без учета интересов и роли органов власти субъекта РФ в системе публичной власти.

Фактически бюджетная, и налоговая системы в РФ в настоящее время организуются по моделям, направленным на максимально возможную централизацию. Вместе с тем, можно прийти к выводу, что бюджетный унитаризм возник как необходимый инструмент, позволяющий организовать слаженное функционирование всей бюджетной системы России⁴.

По мнению А.Б. Пронина «форма территориального устройства является основным, но не единственным фактором, предопределяющим выбор модели построения бюджетной системы и бюджетных отношений. Выбор унитарной формы организации межбюджетных отношений в СССР в первую очередь был предопределен особенностями организации экономических отношений, основанных на централизации, свойственной административно-командной экономике. Тяготение к унитарной форме бюджетных отношений в РФ предопределяется историческими особенностями (РФ является прямым наследником СССР), а также культурой организации государственной власти»⁵.

Хотелось бы обратить внимание на позицию председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который полагает, что в настоящее время есть проблемы, свидетельствующие о недостаточном учете федеративной природы российского государства. Выражаются последние в избыточном федеральном регулировании по предметам совместного ведения, что говорит о нарушении правового баланса в сфере федеративных отношений. Анализ показывает стремление охватить посредством принятия федеральных законов как можно больше вопросов, что, по сути, нередко приводит к сосредоточению в руках центра всей полноты законодательной власти по предметам совместного ведения⁶.

¹ От лат. de facto — «на деле», «фактически».

² Лукьянова Т. Г. Финансовая деятельность государства как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Москва, 2008. 23 с.

³ По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 № 6-П // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. [Электронный ресурс]. Электрон, дан. [М., 2017].

⁴ Шевелева Н. А. Бюджетная система России: – проблемы правового регулирования в период интенсивных реформ : автореф. дис. ... д-р. юрид. наук : 12.00.14. Санкт-Петербург, 2005. С.17.

⁵ Пронин А. Б. Финансово-правовое регулирование бюджетного контроля в субъектах Российской Федерации : дис. к.ю.н.: 12.00.04. Москва, 2015. С. 20.

⁶ Конституция живет в законах [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (дата обращения: 15.10.2017).

На наш взгляд, для устранения декларативного характера норм о бюджетном устройстве РФ необходимо выработать критерии построения бюджетной системы РФ с учётом существующих реалий и отразить последние в самостоятельной норме бюджетного законодательства.

Резюмируя, можно констатировать, что бюджетное устройство РФ не соответствует ни федеративному, ни унитарному типам, выделяемым в научной литературе. В нашей стране в силу множества факторов установилось федеративное государственное устройство, однако, на практике это не привело к формированию бюджетного федерализма, хотя последнее и декларируется, как в конституционном, так и в бюджетном законодательстве. Свидетельствует об этом и «излишняя» централизация полномочий по формированию бюджетов. При этом в РФ не сложилось «в чистом виде» и бюджетного унитаризма, поскольку в известной степени автономия в бюджетных вопросах на местах (в субъектах РФ и муниципальных образованиях) все же существует.

Полагаем, что категоричность в вопросе отнесения сложившегося бюджетного устройства к какой-то одной из описанных моделей недопустима. Вероятно, будет целесообразным дальнейшая теоретическая разработка новых форм бюджетного устройства. Что же касается нормативного закрепления бюджетного устройства, то нам видятся два возможных варианта решения сложившейся проблемы:

Во-первых, внесение изменений в Конституцию (изменение формы территориального устройства государства на унитарное);

Во-вторых, внесение изменений в БК РФ (введение дополнительных критериев определения формы бюджетного устройства).

Поскольку сложно представить себе полноценное функционирование унитарного территориального устройства в условиях нашей страны, а также в силу сложности внесения изменений в Конституцию РФ, целесообразным представляется второй вариант изменения действующего законодательства.

IX АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А. И. КАРПОВА
магистрант 2 курса
Института прокуратуры
Уральского государственного
юридического университета

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В качестве одного из заимствованных национальной правовой системой правовых институтов необходимо признать институт административного судопроизводства. В статье проводится анализ признаков административного судопроизводства во Франции, Германии, Великобритании, Италии. Предпринимается попытка выделить общие черты административного судопроизводства в Российской Федерации и западноевропейских странах.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административные органы Германии, административные трибуналы Великобритании, судебный контроль, административные суды.

Сравнительно-правовой метод или метод компаративистики последние десятилетия занимает одну из ведущих ролей в различных отраслях современной юриспруденции¹. Однако особую важность данный метод приобретает при ис-

¹ Сыманюк Н.В. Об использовании сравнительно-правового метода при проведении научного исследования // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 52 - 56., Бит-Шабо И.В. Использование сравнительно-правового метода при исследовании природы и сущности налогов и страховых взносов // Налоги. 2014. № 1. С. 14 - 17., Белых М.Л. Некоторые вопросы использования сравнительно-правового метода в деятельности органов конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 72 - 77. Гарашенко Л.П. Сравнительно-правовой метод исследования источников трудового права (сущность и значение) // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 10 - 12.

следовании институтов, которые были заимствованы национальной правовой системой. Одним из таких институтов является институт административного судопроизводства.

Как известно, начало административного судопроизводства было положено Наполеоном – учреждением в 1799 году Государственного совета. В следующем году были созданы советы префектур. До 1872 года решения советов были для администрации необязательными, но за редким исключением исполнялись. 1872 год ознаменован передачей советам судебных полномочий – права выносить судебные постановления. В своих решениях новые суды сформулировали множество норм административного права, которые впоследствии были закреплены в законах и других правовых актах¹.

Для отечественной правовой системы зарубежный опыт построения механизма административного судопроизводства необычайно важен, поскольку в России система административных судов только начинает развиваться, отправной точкой для этого следует считать принятый Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации². Не случайно появление Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации связывают с новым этапом в развитии процессуального законодательства, который устанавливает правовые порядки в разрешении административных споров (дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений)³.

В данной связи рассмотрение современного состояния административных судов в зарубежных правовых системах и проведения сравнительного анализа в целях оценки перспектив развития отечественного административного судопроизводства представляется необходимым.

Основной принцип организации и функционирования административного судопроизводства в Германии закреплен в § 40 Положения об административном судопроизводстве (далее – Положение). Так, немецкое законодательство гласит, что «обращение в административный суд предоставлено по всем публично-правовым спорам неконституционного характера, если эти споры не отнесены федеральным законом к рассмотрению (подсудности) другого суда»⁴. Понятие публично-правового спора объединяет в себе все случаи, в которых спорными являются правовые последствия, вытекающие из применения публичного права. Значительная часть таких споров отнесена согласно действующему законодательству к подсудности других судов. Сюда относятся не только конституционно-правовые споры, но и споры, подсудные финансовым судам⁵, социальным судам⁶ и другим судам⁷.

Козырин А.Н. Сравнительно-правовой метод в финансовом праве // Финансовое право. 2009 № 9. С. 2 - 6., Егоров А. В. Сравнительно-правовой метод и установление содержания иностранного права // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 109 - 114

¹ Козырин А.Н. Административное право зарубежных стран. М. 1996. С. 97

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1391.

³ Старилов Ю.Н. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: значение для судебной и административной практики и проблемы организации преподавания учебного курса // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 11.

⁴ Regierungsentwurf eines Gesetzes zur Neuordnung des Kulturgutschutzrechts // URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/_Anlagen/BKM/2015/2015-11-04-novelle_kulturgutschutzgesetz.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 29.08.2017).

⁵ В компетенции финансовых судов находится судопроизводство по всем делам о налогах и пошлинах, кроме коммунальных налогов.

⁶ Согласно § 51 Положения об административном судопроизводстве по социальным вопросам решения по всем публично-правовым спорам в области социального страхования и страхования по безработице выносятся судами по социальным вопросам.

⁷ К примеру, военные суды принимают решения по публично-правовым спорам, если они не подсудны административному суду.

Согласно § 1 Положения административное судопроизводство осуществляется независимыми судами, которые отделены от административных органов¹. Основой административно-судебного рассмотрения дела является иск. Обращение лица в административный суд возможно только в случае, если административный орган не удовлетворил жалобу или законом предусмотрена возможность прямого обращения в административный суд.

В свою очередь, в Великобритании наравне с судебной системой административного судопроизводства, которая во многом совпадает с немецкой моделью, существует и квазисудебный контроль за деятельностью британской публичной администрации, но он, в отличие от контроля судебного, представляет собой сравнительно новое явление в административном праве этой страны. Административные трибуналы (такое обобщающее название квазисудебных органов административной юстиции современной Великобритании) только со второй половины XX в. вошли в английское правовое пространство. Проблемы обжалования незаконных действий публичной администрации, а также недовольство рассмотрением административно-правовых жалоб судами общего права послужили основанием для издания известного Доклада Комитета (далее – Доклад) О. Фрэнкса в 1957 г. – основополагающего документа в создании английской административной юстиции². В этом Докладе впервые были четко определены различия между судебными и квазисудебными (административно-юрисдикционными) органами. В основе лежала разность целей и задач судов и трибуналов. Суды, отмечается в Докладе, наделены общей компетенцией и призваны рассматривать обширнейший круг уголовных и гражданских дел. Трибуналы же, напротив, должны обладать специализированной юрисдикцией по рассмотрению конкретных споров с участием администрации в конкретной отрасли.

В Докладе были также специально отмечены такие особенности, как доступность будущего административного правосудия рядовым подданным Великобритании, быстрота разрешения споров в рамках новой системы и свобода от излишних формальностей обычного судопроизводства. Кроме того, предполагалось наличие в составе трибуналов специалистов по профильным вопросам, а также относительная дешевизна процедуры деятельности квазисудебной системы³. На основании доклада Комитета Фрэнкса был принят консолидированный Закон 1992 г. «О трибуналах и расследованиях»⁴, который является основным в современной системе административного обжалования действий государственных органов.

В Италии не существует ни Кодекса об административных правонарушениях, ни административно-процессуального кодекса. Юрисдикция органов административной юстиции, специализированных отделений при обычных судах, а также юрисдикция по воинским преступлениям и преступлениям на море регулируется специальными законами⁵.

Конституция Итальянской Республики в ст. 103⁶ гарантирует гражданам и организациям защиту их прав и законных интересов от актов государственной администрации. Судебная защита указанных прав и интересов может осуществляться в общих

¹ Положения § 2 обязывают федеральные органы создать двухуровневую систему административных судов: административные суды и высший административный суд земли, который в некоторых землях именуется Верховным судом.

² Franks Report. 1957. Cmnd. P. 218.

³ Jennings I. Cabinet Government. Cambridge University Press. Cambridge, 1959. P. 547.

⁴ Tribunals and Inquiries Act, 1992 // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/367129/immigration-asylum-chamber-tribunal-procedure-rules.pdf (дата обращения: 30.08.2017)

⁵ Уложение о судостроительстве. Одобрено Королевским декретом от 30 января 1941 г. № 12 (Извлечения). Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс. 1988.

⁶ Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 423-450.

или административных судебных органах согласно ст. 2 Закона об образовании областных административных трибуналов (1971)¹. При этом, ограничение какими-либо особыми средствами обжалования или определенными категориями актов не допускается. Кроме того, органам административной юстиции подсудны дела государственных служащих, статус которых регулируется нормами публичного права.

Резюмируя вышеизложенное, можно обозначить следующие выводы. Современный характер и специфика административного судопроизводства в России во многом содержит схожие признаки с моделью западноевропейских государств. Во-первых, это аналогичная основа для рассмотрения административного дела², во-вторых, это альтернативная процедура обжалования действия публичной администрации (судебная и административная), которая теперь нередко может быть последовательной (налоговые споры, тарифное регулирование, стандартизация). Существенным отличием на данный момент является отсутствие в России системы специальных узконаправленных административных судов. Однако в научных публикациях уже активно заявляют о необходимости внедрения специализированных судов³, ссылаясь при этом на преимущества, которые характерны для административных трибуналов в Великобритании (отсутствие государственных пошлин, профессиональный подход к рассмотрению спора, доступность обращения).

Е. Н. СТРЮКОВА

студент 3 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной Прокуратуры
Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

В связи с популярностью охоты среди населения нормативные акты, касающиеся ее регулирования имеют особую значимость в правовой системе государства. В статье рассматривается институт приравнивания к охоте ряда осуществляемых в охотничьих угодьях действий физических лиц, в случаях, когда такие действия не являются охотой по определению, а также исследуется правомерность данного правового явления. Автором производится анализ проблем применения данных норм и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: нарушение правил охоты, незаконная охота, приравнивание к охоте, нахождение в охотничьих угодьях, орудия охоты, продукция охоты, собаки охотничьих пород, ловчие птицы.

В настоящее время охота необычайно распространена в России. Для кого-то она является способом заработка, для кого-то – просто любимым развлечением.

¹ Legge 6 dicembre 1971, n. 1034 Istituzione dei tribunali amministrativi regionali (Pubblicata nella G.U. 13 dicembre 1971, n. 314) // URL: http://presidenza.governo.it/USRI/magistrature/norme/L1034_1971.pdf (дата обращения: 29.08.2017)

² Как и в странах Западной Европы в России инициация административного дела происходит путем подачи административного искового заявления (гл.12 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации)

³ Приженникова А. Н., Баранов В. А. Актуальность институтов административного судопроизводства зарубежных стран для российского законодательства // Административное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 54.

Для регламентации данной сферы существует специальный закон, однако не все трудные ситуации, возникающие в данной деятельности, рассмотрены на должном уровне. Для начала, стоит уйти от обыденного понимания термина «охота» и обратиться к его законодательному толкованию. Пункт 5 статьи 1 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» гласит: «Охота – деятельность, связанная с поиском, отслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой»¹. Однако в пункте 2 статьи 57 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» уточняется, что в целях привлечения к ответственности лиц, совершивших правонарушения в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов к охоте приравнивается «нахождение в охотничьих угодьях физических лиц с орудиями охоты и (или) продукцией охоты, собаками охотничьих пород, ловчими птицами». Исходя из формулировки данного пункта, следует, что законодатель использует презумпцию занятия охотой (т.е. приравнивание к охоте деятельности, производимой в охотничьих угодьях, но не являющейся таковой исходя из законодательного определения термина «охота») в случаях, предусмотренных п. 2 статьи 57 № 209-ФЗ. Следует заметить, что в вышеуказанных нормах права встречаются термины, законодательное определение которых отсутствует: отслеживание, собаки охотничьих пород и др.

Да, несомненно, можно говорить о наличии различных видов толкования правовых норм. Но вопрос в том достаточно ли грамматического, лексического или какого-либо другого толкования для терминов, на основании которых происходит привлечение к административной, а в ряде случаев и к уголовной ответственности? На мой взгляд, необходимо законодательное закрепление толкования данных понятий. По мнению А.В. Пушкина: «Сложившуюся систему нельзя назвать справедливой в полной мере, ибо институт приравнивания к охоте – традиционно сложившееся, с конца XIX века узаконенное в России, отнесение к незаконной охоте некоторых действий или состояний, при которых физическое лицо предполагается нарушившим правила охоты, даже если отсутствуют признаки осуществления таковой»².

Рассуждение о целесообразности данного положения следует оценивать отдельно по каждому случаю. Начнем с признания охотой нахождения физических лиц с орудиями охоты в охотничьих угодьях. По данному вопросу имеется письмо Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О нахождении в охотничьих угодьях с охотничьим оружием»³. В нем говорится о том, что нахождение с орудиями в боеспособном состоянии правомерно следует признавать охотой, однако данное правило не распространяется на физических лиц, занимающихся транспортировкой орудий через территорию охотничьих угодий (для признания деятельности таковой необходимо, чтобы орудия переносились в соответствии с правилами транспортировки, т.е. в специально предусмотренных чехлах, в разобранном (небоеспособном) состо-

¹ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

² Пушкин А. В. О некоторых ключевых терминах охотничьего законодательства // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства : Сб. материалов I междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 4-7 апреля, 2014 г. Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2014. С. 88-94

³ О нахождении в охотничьих угодьях с охотничьим оружием: письмо министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 04-15-53/11397 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

янии). Однако письмо не носит обязательного характера, а является рекомендацией, вследствие чего проблемы правоприменения в данной сфере в связи с его принятием не устранились. Это подтверждается и сложившейся судебной практикой. В частности, рассмотрим судебное разбирательство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1.2 ст. 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в результате рассмотрения которого постановлением заместителя председателя Свердловского областного суда от 7 декабря 2016 г. № 4а-1076/2016 в удовлетворении жалобы отказано¹. Как следует из материалов дела, 18 мая 2016 года Н.И.Г.А. находился в охотничьих угодьях с охотничьим огнестрельным оружием в период, закрытый для охоты на все виды охотничьих ресурсов. Постановлением мирового судьи судебного участка № 4 Ирбитского судебного района от 06 сентября 2016 года Н.И.Г.А. признан виновным в совершении административного правонарушения и подвергнут административному наказанию в виде лишения права осуществлять охоту сроком на один год и два месяца. Однако правонарушитель обжаловал постановление мирового судьи судебного участка, ссылаясь на то, что, находясь с оружием, он не осуществлял охоту, а лишь транспортировал его.

Вторым основанием приравнивания к охоте деятельности, которая производится в охотничьих угодьях, но не является охотой по определению, является нахождение в лесу с продукцией охоты. Данное основание является не менее спорным. Происходит конкуренция следующих позиций: отношение к продукции, с которой лицо, находится в охотничьих угодьях как к добытой в результате охоты, либо отношение к ней же как к найденной. В данном случае целесообразно применение правила возложения доказывания того, что продукция является находкой на физическое лицо, задержанное с ней, ведь в случае обнаружения умершего животного лицо должно сообщить егерю о находке, а не считать найденное своим.

Наиболее же интересным является положение о приравнивании к охоте нахождение в охотничьих угодьях с собаками охотничьих пород, ловчими птицами. Сразу же возникает вопрос о том, какие именно породы собак (виды птиц) являются охотничьими (ловчими). На данный момент такие списки отсутствуют. Однако для надлежащей правовой регламентации недостаточно только принятия данных списков, следует установить правила определения породы конкретной собаки (вида конкретной птицы), что можно сделать двумя способами:

- подтвердить породу соответствующими свидетельствами;
- привлечь экспертов для определения породы.

В настоящий период существуют общественные организации, осуществляющие выдачу документов, удостоверяющих породность. Однако, несмотря на передачу им данных полномочий, спорна юридическая значимость выдаваемых бумаг. Необходимо разработать универсальные критерии определения породы, закрепленные в нормативных актах, а также определить орган государственной исполнительной власти, осуществляющий управление в данной сфере, которым может стать Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Существует еще одна проблема, связанная с необходимостью выгула собак, являющихся охотничьими, в период закрытия охоты. Действующее законодательство устанавливает нормы о предоставлении таких возможностей в специально предусмотренных зонах выгула и натаски, в которых полностью запрещена охота, однако данные зоны организованы далеко не везде.² Нахождение же в охотничьих

¹ Постановление Свердловского областного суда от 7 декабря 2016 г. по делу № 4а-1076/2016 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

² Об утверждении Правил охоты: Приказ министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 16 ноября 2010 г. № 512// КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

угодьях предусмотрено только на поводке, однако для здоровья собаки ей необходимо движение, которое не может быть обеспечено при выгуле на поводке. Ю.П. Шубин в своей работе говорит о том, что возникает закономерный вопрос, касающийся предоставления возможности нахождения собак охотничьих пород в охотничьих угодьях вне сезона охоты и без разрешения на охоту, в случае их экипировки намордником, поскольку в таком состоянии собака может удовлетворить свои естественные потребности в движении и нахождении в естественной среде леса, не причинив вреда лесным обитателям¹. Предложенное решение проблемы, на мой взгляд, имеет право на существование. Наиболее же применимый в реальных жизненных условиях является вариант, изложенный в письме Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О нахождении в охотничьих угодьях с собаками охотничьих пород»². Нахождение в охотничьих угодьях с собаками и осуществление поиска или выслеживания, или преследования, либо добыча охотничьих ресурсов без разрешительных документов на осуществление охоты и (или) с нарушением требований Правил охоты правомерно приравнивается к осуществлению охоты и не противоречит положениям КоАП. В иных случаях нахождения с собаками в охотничьих угодьях физические лица не могут привлекаться к административной ответственности. То же необходимо распространить и на ловчих птиц. В данном случае вновь актуальна проблема рекомендательного характера представленных норм.

Итак, подводя итог вышесказанному, стоит сказать о том, что указанные нормы, остро нуждаются в конкретизации, и писем Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, имеющих рекомендательный характер, явно недостаточно. Правила, позволяющие унифицировать применение принятых норм, должны содержаться непосредственно в этих нормах. Так же стоит найти баланс между возможностью привлечения к ответственности нарушителей природоохранного законодательства и соблюдением конституционных прав человека. Как отмечается в работах Н.В. Краева и В.Н. Краевой, известный постулат римского права «Лучше освободить от ответственности десять виновных, чем осудить одного невинного» должен действовать и в сфере регламентации охоты³.

¹ Шубин Ю.П. Некоторые вопросы применения института приравнивания к охоте // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. № 1. 2016. С. 43 -48.

² О нахождении в охотничьих угодьях с собаками охотничьих пород: письмо министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24 июля 2014 г. № 15-29/15462 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

³ Краев Н. В., Краева В. Н. Приравнивание к охоте – презумпция виновности, установленная законом//Экологическое право М.: Юрист, №2. 2015. С 3 – 10 .

Х

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

Д. В. ЦЫГАНОВ
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной Прокуратуры
Российской Федерации

ПОНЯТИЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассмотрено происхождение понятия «экологическая безопасность» и его теоретико-правовое содержание. Освещен вопрос о соотношении понятий «экологическая безопасность», «охрана окружающей среды» и «национальная безопасность в экологической сфере», сформулировано понятие «экологической безопасности».

Ключевые слова: Экологическая безопасность, понятие экологической безопасности, сущность экологической безопасности, разграничение экологической безопасности, охрана окружающей среды.

На современном этапе развития российской юридической действительности понятие «экологическая безопасность» всё более активно применяется законодателем. При этом в научных кругах не прекращаются споры по определению правовой сущности понятия, отсутствует разграничение между закрепленными в законодательстве понятиями «экологическая безопасность», «охрана окружающей среды» и «национальная безопасность в экологической сфере».

Несмотря на то, что законодателем в ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды» определено понятие экологической безопасности, как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Указанное определение не даёт возможность выделить характерные отношения для экологической безопасности, выявить особые права и обязанности субъектов, сформировать эффектив-

ный механизм реализации правоотношений, что в итоге не позволяет определить экологическую безопасность как самостоятельную правовую категорию. На взгляд немалого числа правоведов¹, именно подобное абстрактное определение данное законодателем привело к его бессистемному использованию.

Затруднительность обоснования с точки зрения эколого-правовой науки наличия характерных отношений по обеспечению экологической безопасности привела к тому, что многими учеными и практиками понятия «экологическая безопасность» и «охрана окружающей среды» рассматриваются как синонимы.

Подобная расплывчатость понятия «экологическая безопасность», смешение его с понятием «охрана окружающей среды» нуждается в устранении. Недостаточно определенные и синонимичные понятия в совокупности с комплексной дефектностью² экологического законодательства влияют на эффективность его применения, что приводит к неоднозначности понимания текстов законов.

Изучение различных предложений определений и понятий экологической безопасности показали, что подход авторов к ее пониманию совершенно различен. По исследуемому вопросу удалось выявить несколько основных взглядов о положении экологической безопасности в системе российского экологического права. Одна позиция рассматривает экологическую безопасность как деятельность по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, т.е. деятельность по реализации общих экологических требований. Существование экологической безопасности как самостоятельной правовой категории отрицается. В частности, М.М. Бринчук считает, что нет оснований выделять отношения по обеспечению экологической безопасности как отдельную группу общественных отношений, регулируемую нормами экологического права, наряду с охраной окружающей среды и отношениями по использованию природных ресурсов. Экологическая безопасность – это принцип охраны окружающей среды и природопользования, в соответствии с которым любая деятельность, связанная с вредным воздействием на окружающую среду, а также предусматриваемые в законодательстве и осуществляемые на практике правовые и иные природоохранные меры должны оцениваться с позиции экологической безопасности³.

Схожих взглядов придерживаются учёные, рассматривающие экологическую безопасность как состояние защищенности окружающей среды, при этом также отвергающих самостоятельность данной правовой категории. К примеру, Д.С. Велиева склоняется к следующему определению экологической безопасности: состояние защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов личности, общества и государства от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий, а также гарантированность экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц⁴.

М.Н. Копылов предлагает немного изменить понятие и интерпретировать экологическую безопасность как процесс обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества, природы и государства от реальных или потенциальных угроз, создаваемых антропогенным или естественным воздействием на окружающую среду⁵.

¹ Бринчук М. М., Дубовик О. Л., Колбасов О. С., Краснова И. О., Боголюбов С. А., Петров В. В.;

² Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды / Монография // Изд-во ИГиСН, ИНФРА-М. М. 2014.

³ Бринчук М. М. Роль государства в обеспечении экологической безопасности // Экологическая безопасность, проблемы, поиск, решения. М. 2001. С. 106.;

⁴ Велиева Д. С. Экологическая безопасность в России: конституционно-правовое исследование / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов. 2011;

⁵ Копылов М.Н. О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» / М.Н. Копылов // Правоведение. № 1. 2000. С. 113.

Противоположная позиция выражается в признании за экологической безопасностью особой сферы общественных отношений, образующих предмет отдельного института в системе экологического права. В этих отношениях объектом будет считаться не всякая деятельность, а только обладающая высшим риском причинения значительного экологического вреда.

Такой же позиции придерживаются такие учёные как Т.В. Петрова, которая обозначает, что задачи обеспечения экологической безопасности немного уже, чем задачи охраны окружающей среды, поскольку они не связаны с возобновлением природной среды, с обеспечением рационального природопользования. В значительной степени они лишь сводятся к защите такого состояния природной среды, при котором не будут нарушаться жизненно важные интересы человека, пребывающего в данной среде¹.

И наконец, последняя группа учёных придерживается первоначальных позиций, поскольку понятие «экологическая безопасность» впервые пришло из международного права, и определяет понятие «экологической безопасности» через призму международных отношений. В частности, О. С. Колбасов признаёт экологическую безопасность системой мер, которые устраняют опасность массовой гибели людей в итоге такого неблагоприятного антропогенного изменения состояния природной среды на планете, при котором человек как биологический вид лишается возможности существовать, так как не сможет удовлетворять свои естественно-физиологические и социальные потребности жизнедеятельности за счет окружающего материального мира².

Тождественно А.В. Кукушкина характеризует экологическую безопасность как сложную взаимозависимую систему международных экологических норм, направленных на обеспечение безопасности всех жизненно важных для человечества экологических компонентов планеты, а также сохранение и поддержание существующего естественного природного баланса³.

Некоторые учёные, такие как Ю.А. Каспрова и М.В. Ильин выбрали «путь от обратного» и определили понятие «экологической безопасности» через определение «экологической опасности», таким образом, экологическая безопасность – это мир без экологической опасности, то есть отсутствие экологической опасности, угрозы. Однако в своих рассуждениях они столкнулись с парадоксом: безопасность неразрывно связана с опасностью и обретает свое существование лишь как ответ на вызов угрозы. В связи с этим выявление сущности «экологической безопасности» возможно лишь нераздельно с выявлением сущности «экологической опасности». Исходя из этого, «экологическая безопасность» – это состояние окружающей среды, которое сложилось на определенной территории, не угрожающее здоровью и иным жизненно важным интересам человека, характеризующееся отсутствием негативных воздействий антропогенных процессов и природных явлений (факторов), а также потенциальной возможностью воздействия таких факторов в будущем⁴.

Аналогично Э.Н. Жевлаков представил следующее краткое понятие экологической безопасности: экологическая безопасность – это отсутствие опасности биологическим основам жизни и здоровья, развитию человека⁵.

¹ Петрова Т.В. Техническое регулирование как часть системы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды // Экологическое право. Специальный выпуск. № 1. 2005. С. 79;

² Колбасов О.С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10. С. 27.

³ Кукушкина А.В. Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: Международно-правовые аспекты / А.В. Кукушкина. Предисл. И.Б. Лянгера. М.: ЛКИ, 2008. С. 176.;

⁴ Каспрова Ю.А. Экологическая опасность: вопросы правовой сущности // Правовые вопросы строительства. № 2. 2013. С. 85.

⁵ Жевлаков Э. Н. О законодательном обеспечении экологической безопасности / Государство и право. № 2. 1995. С. 41.

Иные правоведы задумались о соотношении понятий «экологическая безопасность» и «национальная безопасность в экологической сфере (сфере экологии)»¹. Отметим, что ранее в научных и практических работах представителей различных отраслей правовой науки эти понятия рассматривались как синонимы, а экологическая безопасность считалась частью национальной безопасности².

Однако, по мнению В.В. Вербицкого, понятие «национальная безопасность в экологической сфере» является новой комплексной теоретической и правовой категорией, поскольку отражает более широкий и многоаспектный процесс, чем «экологическая безопасность». Таким образом, понятие «национальная безопасность в экологической сфере» не является синонимом понятия «экологическая безопасность», так как последний отображает только одну из групп национальных интересов Российской Федерации, которые обеспечиваются за счет окружающей среды, а именно необходимость в обеспечении прав граждан на жизнь в окружающей среде, позволяющей обезопасить их жизнь, здоровье и другие жизненно важные интересы³.

Ни одна из предложенных учёными позиций не может быть безоговорочно принята или отвергнута, поскольку экологическое законодательство, будучи несистематизированным, в определённой степени подтверждает каждую из них. Но и сохранять подобное положение нерационально, так как отсутствие на данный момент унифицированного методологического подхода к проблемам предупреждения экологической опасности провоцирует появление сложностей как при разработке нормативных правовых актов, так и в правоприменительной практике.

Проанализировав существующие научные и нормативные позиции, можно прийти к выводу, что понятие «экологическая безопасность» должна рассматриваться, прежде всего, в контексте национальной безопасности России. Таким образом, «экологическая безопасность» это отдельный институт экологического права, пусть и смежный с «охраной окружающей среды».

В пользу этого также говорит то, что по содержанию «экологическая безопасность» представляет собой более широкое понятие, нежели «охрана окружающей среды», ввиду того, что включает в себя не только обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, но и осуществление стратегических экологических интересов и потребностей человека, общества и государства. Соответственно охрана окружающей среды обозначается в качестве средства (но не единственного) обеспечения экологической безопасности. Экологическая безопасность рассматривается в качестве результата целого комплекса мер, в который входит, в том числе, и охрана окружающей среды.

На наш взгляд, обеспечение экологической безопасности – это не столько принцип, сколько цель природоохранной деятельности, при достижении которой состояние окружающей среды будет соответствовать качеству жизни необходимому для поддержания здоровья и благополучия людей, а также их устойчивого развития. А поскольку достичь такого результата можно лишь в процессе деятельности по охране и защите окружающей среды, то экологическую безопасность следует рассматривать как принцип развития экологического законодательства в целом.

¹ Данный термин впервые получил закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].;

² Платонов, Ю.Н. Экологическая компонента национальной безопасности России // Журнал российского права. № 8. 2011;

³ Вербицкий, В. В. Национальная безопасность Российской Федерации в экологической сфере как категория // Экологическое право. № 4. 2013.

При этом экологическая безопасность не может быть исключена из системы международного права, поскольку для достижения цели по обеспечению экологической безопасности должны быть консолидированы необходимые усилия всех государств, поскольку одно государство не в состоянии достигнуть желаемого уровня окружающей среды по причине взаимозависимости и глобализации современного мира.

Исходя из вышеизложенного, с учетом позиций разных ученых было сформулировано следующее определение экологической безопасности: экологическая безопасность – это принцип деятельности по обеспечению благоприятного состояния окружающей среды, осуществления стратегических экологических интересов и потребностей человека, общества и государства, результатом достижения которого будет являться уровень окружающей среды, соответствующий надлежащему качеству жизни для обеспечения поддержания здоровья и благополучия людей, а также устойчивого развития, в том числе на международном уровне.

Исходя из этого «приемлемая (оптимальная) экологическая безопасность» – это состояние окружающей среды, которое соответствует надлежащему качеству жизни для поддержания здоровья и благополучия людей, а также устойчивого развития, в том числе на международном уровне.

Отметим, что определение сущности экологической безопасности является первостепенным спорным вопросом, от которого зависят иные теоретико-правовые составляющие содержание экологической безопасности. Современный подход к решению этой проблемы требует включения в себя подходов различных областей знаний: философских, правовых, экономических, педагогических, технологических и прочих, поэтому требуется воспринимать экологическую безопасность и окружающую среду как единую глобальную систему с огромным количеством взаимосвязей. Именно такой комплексно-системный подход позволит выявить сущность экологической безопасности и найти её место в системе экологического права.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте. Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4. Поля: верхнее, нижнее, левое, правое — 25 мм. Нумерация страниц располагается внизу по центру. Стил оформлени основногo текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста — 1,5 интервала, между текстом и заголовками — 1 строка, заголовок — прописными. Размер шрифта — 14. Абзацный отступ — 0,75. Выравнивание — по ширине. Перенос — автоматический. При наборе сносок необходимо использовать вкладку «Ссылки» — группу команд «Сноски» — команду «Внизу страницы». Ширина таблицы должна соответствовать ширине наборной полосы журнала — 150 мм. Если таблица будет располагаться на полосе «лежа», ее ширина не должна превышать 210 мм. Размер шрифта текста внутри таблиц — 9. Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде. При фактическом размере изображения в публикации они должны иметь полиграфическое разрешение не менее 300 точек/дюйм. Объем статьи не должен превышать 0,5 учетно-издательского листа (20 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском языке: аннотация (не более четырех предложений); список ключевых слов (не более семи); фамилия, имя, отчество (полностью), название учебного заведения, (студент/магистрант/аспирант), курс. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Материалы публикуются безвозмездно.

